

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
ДОРЖИ БАНЗАРОВА»**

На правах рукописи

БАДМАДОРЖИЕВА ЕЛЕНА БАЯРОВНА

**ЭМОТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ:
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность 5.9.6. – Языки народов зарубежных стран (монгольские
языки)

Диссертация на соискание
ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
к. филол. наук, доцент
Бадмацыренова Н.Б.

Улан-Удэ - 2025

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Теоретические основы изучения эмотивных глаголов в монгольских языках.....	11
1.1. Подходы к определению эмоций и их классификации	11
1.2. Категория эмотивности в свете лингвистических исследований....	15
1.3. Лексические средства выражения эмотивности.....	21
1.4. Основные тенденции в изучении категории эмотивности в монголистике.....	26
Выводы к главе 1.....	31
Глава 2. Семантическая структура эмотивных глаголов в монгольских языках.....	33
2.1. Принципы семантической классификации эмотивных глаголов в монгольских языках.....	33
2.2. Основные функционально-семантические подгруппы эмотивных глаголов в монгольских языках.....	44
2.3. Типы парадигматических отношений внутри ФСГ эмотивных глаголов в монгольских языках.....	51
Выводы к главе 2.....	57
Глава 3. Функционально-семантические особенности эмотивных глаголов в монгольских языках.	59
3.1. Эмотивные глаголы со значением «бояться» в монгольских языках.....	59
3.2. Эмотивные глаголы со значением «стыдиться» в монгольских языках.....	89
3.3. Эмотивные глаголы со значением «радоваться» в монгольских языках.....	102
3.4. Эмотивные глаголы со значением «удивляться» в монгольских языках.....	112

3.5. Эмотивные глаголы со значением «грустить» в монгольских языках.....	120
3.6. Эмотивные глаголы со значением «гневаться» в монгольских языках.....	133
3.7. Эмотивные глаголы со значением «презирать, испытывать отвращение» в монгольских языках.....	150
Выводы к главе 3.....	160
Заключение.....	162
Библиография.....	166
Список сокращений.....	187
Список информаторов.....	188
Приложение 1.....	189

Введение

Настоящая диссертационная работа посвящена исследованию эмотивных глаголов в монгольских языках в рамках функционально-семантической парадигмы.

Актуальность изучения категории эмотивности обусловлена её значимостью в современной лингвистической науке, поскольку эмоции представляют собой фундаментальный аспект человеческого восприятия и выполняют ключевую функцию в процессе коммуникации. Функционально-семантический анализ языковых средств, репрезентирующих эмоции, способствует выявлению механизмов вербализации субъективного отношения говорящего и его оценочной интерпретации действительности. Особый интерес в этом плане представляет глагольная лексика монгольских языков, так как глагол в них занимает центральное место в структуре предложения и формирует смысловое ядро высказывания.

Полифункциональность, многозначность и семантическая гибкость глаголов делают их оптимальным объектом для изучения системных связей и особенностей функционирования языка. Таким образом, исследование функционально-семантической структуры глаголов в монгольских языках способствует более глубокому пониманию их роли в передаче эмоций, специфики эмоциональной картины мира монголоязычных народов.

Настоящее исследование позволяет решать вопросы, связанные с многоаспектным анализом конкретного языкового материала, обозначающего основные виды и функционально-семантические группы эмоций, установлением сходств и различий в рассматриваемых языках, закономерностей и способов передачи значений и т.д. Применяемый в исследовании языковой материал, извлечённый из Национальных корпусов рассматриваемых языков, позволяет существенно повысить достоверность выводов.

Состояние изученности проблемы. Отечественные и зарубежные лингвисты уделяют значительное внимание исследованию эмотивной лексики, включая глагольную лексику. В данных исследованиях рассматриваются вопросы описания и анализа эмотивной лексики с разных сторон: семантическая структура слова, функционально-семантическая классификация, способы выражения эмоций средствами языка, синтаксические особенности обозначения эмоциональной активности, развитие психологической теории эмоциональности слова и др. [Апресян, 1993, 2011, 2015; Бабенко, 1989, 2018, 2021; Зализняк, 2012, 2013; Ионова, 1998, 2019, 2022; Ионесян, 2020, 2022; Чертыкова, 2015, 2016; Шаховский, 2008, 2009; Kövecses, 2000; Mesquita, Walker, 2003; Wierzbicka, 1991, 1994, 1999 и др.].

Однако изучение эмотивной лексики в монгольских языках имеет сравнительно непродолжительную историю как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Системные монографические исследования до сих пор отсутствуют, а имеющиеся работы ограничиваются научными статьями. Данные исследования посвящены структуре и семантике сложных эмотивных конструкций [Скрибник, 1982, 2015, 2024], лингвокультурным характеристикам эмоций [Митриев, Есенова, 2013; Харчевникова, Лиджиева, 2015; Эрдэнэ-Очир, 2012 и др.], выявлению закономерностей процессов вербализации и восприятия эмотивных составляющих невербальных знаков [Тумээ, 2012], установлению специфики вербализации эмоций средствами монгольских языков [Абаева, 2022; Балжирын Т., Доржсэмбийн Д., 2023; Даржаева, 2021, 2022 и др.; Дадуева, 2023, 2024; Choijin, 2014, 2018 и др.; Мулаева, 2020; Сундуева, 2011, 2018, 2022; Цыренов, 2021, 2022, 2024 и др.].

Исследованию же конкретно эмотивных глаголов монгольских языков были посвящены работы Н. М. Мулаевой [2020] по анализу и классификации лексико-семантических групп эмотивных глаголов, называющих «базовые» эмоции в текстах эпоса «Джангар», Н. В. Даржаевой [2022, 2023] по изучению комбинаторики бурятских глаголов эмоции и синтаксического выражения

валентности стимула эмоциональной реакции, а также Б. Д. Цыренова [2021, 2024] и Е. В. Сундуевой [2022, 2023] по выявлению семантических особенностей обозначения эмоций в монгольских языках.

Объектом исследования являются функционально-семантические группы эмотивных глаголов в монгольских языках.

В качестве **предмета исследования** выступают функционально-семантические особенности эмотивных глаголов в монгольских языках.

В исследовании рассматривается, каким образом эмотивные глаголы функционируют в языке, какие значения они передают и как используются в различных контекстах. В рамках исследования также уделено внимание особенностям семантической структуры эмотивных глаголов, выявлению общих черт и специфических различий.

Цель проводимого исследования заключается в описании и функционально-семантической классификации эмотивных глаголов в монгольских языках.

Для реализации данной цели были решены следующие **задачи**:

- 1) определить понятие «эмотивные глаголы» как объект изучения и создать фактологическую базу для лингвистического описания на основе материала, извлечённого из лексикографических источников, корпусов национальных языков;
- 2) обозначить объем и границы ФСГ эмотивных глаголов монгольских языков;
- 3) описать и систематизировать функционально-семантическую структуру эмотивных глаголов монгольских языков;
- 4) охарактеризовать парадигматические отношения и системные связи эмотивных глаголов;
- 5) выявить национально-специфические черты, отражённые в функционально-семантических проявлениях эмотивных глаголов.

Источниками исследования послужили двуязычные, сравнительные, толковые, этимологические словари:

1. «Большой академический монгольско-русский словарь» [2001-2002, в 4-х т.];
2. «Бурятско-русский словарь» [Шагдаров, 2010, в 2-х т.];
3. «Калмыцко-русский словарь» [Муниев, 1977];
4. «Монгольско-русский словарь» [Голстунский, 1895, в 3-х т.];
5. «Словарь языка ойратов Синьцзяна (по версиям песен «Джангара» и полевым записям автора)» Б. Х. Тодаевой [Тодаева, 2001];
6. «Толковый словарь бурятского языка» [Сундуева, Бальжинимаева и др. 2022, 2023];
7. «Толковый словарь калмыцкого языка» [Пюрбеев, 2022, в 2-х т.];
8. «Этимологический словарь монгольских языков» [Санжеев, Орловская, Шевернина, 2015, 2016, 2018];
9. Монгол хэлний их тайлбар толь [URL: <https://mongoltoli.mn/dictionary>] и др., а также примеры, извлечённые из Национальных корпусов рассматриваемых языков.

Материалом исследования являются языковые материалы, включающие выборку из лексикографических источников, а также данные цифровых корпусов и словарей. Общий объем проанализированных лексических единиц составил 404 единицы.

Методологическую базу диссертации составили труды ведущих лингвистов в области общего и частного языкознания: Л. Г. Бабенко, В. Ю. Апресян, В. И. Шаховского, Е. В. Сундуевой, Б. Д. Цыренова и др.

Методы исследования предопределены спецификой описываемого материала и поставленными задачами. Основополагающим методом исследования выступает описательный подход, который включает в себя наблюдение, классификацию изучаемого материала и его последовательную интерпретацию. Важнейшую роль при изучении семантики эмотивных глаголов имеют структурные методы, в том числе дефиниционный анализ, компонентный анализ, оппозитивный анализ и др. Сравнительно-исторический метод позволяет выявлять сходства и различия в значениях

эмотивных глаголов в монгольских языках. Перечисленные методы были применены как отдельно, так и в комплексе на протяжении всего исследования. Также по мере необходимости применялись элементы словообразовательного, контекстуального и количественно-статистического анализа.

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые в рамках монголоведения осуществлено комплексное изучение функционально-семантических особенностей эмотивных глаголов, включая разработку их функционально-семантической классификации, что расширяет существующие представления о категории эмотивности в монгольских языках.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в расширении и углублении исследования монгольских языков, эмотивные глаголы впервые подвергаются исследованию в монгольских языках в рамках функционально-семантической парадигмы. Результаты исследования могут быть использованы как для изучения особенностей функционирования монгольских языков, так и для дальнейшего анализа эмотивных глаголов в других языках и культурах, позволяя лучше понимать механизмы выражения эмоций через языковые структуры.

Практическая значимость работы. Полученные данные вносят вклад в развитие теоретической лингвистики, расширяя научное понимание структурно-семантических особенностей лексики монгольских языков. Результаты исследования могут быть применены в сравнительно-историческом изучении монгольских языков, в лексикографии – при создании тезаурусов и идеографических словарей.

Обоснованность и достоверность выводов обеспечиваются исходными теоретическими положениями, применением взаимодополняющих методов исследования, адекватных поставленным целям и задачам, а также привлечением обширной эмпирической базы, включающей

данные Национальных корпусов исследуемых языков и авторитетные лексикографические источники.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Каждый тип эмоции, передаваемый эмотивными глаголами в монгольских языках, образует функционально-семантический класс, базирующийся на семантической идее. Внутри каждого функционально-семантического класса выделяется глагол-идентификатор, а также глаголы, имеющие дифференциальные семы. Данные глаголы, обозначая разнообразные подтипы эмоций, могут быть сгруппированы в пять функционально-семантических подгрупп, выделяемых на основе категориально-лексических сем «состояние», «воздействие», «отношение», «выражение», «становление».

2. Рассматриваемые функционально-семантические группы эмотивных глаголов не являются изолированными образованиями, поскольку между ними существуют смысловые взаимосвязи. Эмотивные глаголы часто принадлежат одновременно нескольким ФСГ (а также функционально-семантическим подгруппам). Кроме того, эмотивные глаголы в монгольских языках пересекаются с глаголами мышления, речи и т.д. Такое пересечение обусловлено тем, что эмоции являются неотъемлемой частью психических процессов человека, включая волю и интеллект.

3. Эмотивные глаголы в монгольских языках характеризуются широким образованием сложных глагольных конструкций. Степень участия компонентов в формировании эмотивного значения различается, однако основной функцией таких глагольных сочетаний является усиление интенсивности действия и повышение экспрессивной выразительности.

4. Семантика и функционирование эмотивных глаголов в монгольских языках раскрывают традиционное мировоззрение, эмоциональные особенности и культурные ценности монгольских народов.

5. Репрезентация эмоций посредством глагольной лексики в монгольских языках характеризуется наличием универсальных тенденций,

обусловленных как биологически заданными механизмами формирования эмоциональных состояний, так и культурно-контекстуальным восприятием и концептуализацией эмоциональных процессов. Наряду с этим каждому рассматриваемому языку присущи национальные особенности, проявляющиеся в способах вербального воплощения конкретных эмоциональных проявлений.

Структура работы: диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка условных сокращений, списка использованной литературы, приложения.

Апробация результатов. Ключевые положения исследования отражены в 7 статьях, три из которых опубликованы в соответствующих научной специальности журналах, рекомендованных ВАК Российской Федерации.

Промежуточные итоги диссертационного исследования неоднократно обсуждались на заседаниях и научных семинарах кафедры филологии Центральной Азии ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова». Основные положения и выводы диссертации были представлены в виде докладов на международных научных конференциях: Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2023» (МГУ, 2023), Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2024» (МГУ, 2024), Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвящённой 77-летию со дня рождения Л. Г. Скородумовой (МГЛУ, 2023), Международной научной конференции магистрантов, аспирантов «Новый век научных исследований – 2024» (г. Улан-Батор, 2024).

Диссертация была рассмотрена и рекомендована к защите на заседании кафедры Центральной Азии ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова» (протокол № 1 от 24.09.2025 г.).

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭМОТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

1.1. Подходы к определению эмоций и их классификации

Проблематика изучения эмоциональной сферы привлекала внимание исследователей различных научных направлений – лингвистов, анатомов, историков, философов, социологов и др., каждый из которых рассматривал данное явление на основе разных методологических подходов. Несмотря на многообразие существующих концепций и подходов к трактовке и систематизации понятия «эмоции», большинство из них можно условно разделить на два основных направления: универсалистское и релятивистское.

Универсалистский подход предполагает, что в связи с биологической обусловленностью эмоции являются универсальными для всех культур. Данный подход разрабатывался психологами П. Экманом, К. Изардом и др.

Согласно К. Изарду, эмоция представляет собой комплексный психофизиологический процесс, интегрирующий нейрофизиологические механизмы, экспрессивно-двигательные проявления и личностное чувственное восприятие. Интеграция указанных элементов внутри индивида формирует целостное эмоциональное состояние, имеющее биоэволюционное происхождение. У человека особенности выражения и переживания эмоций являются генетически обусловленными, культурно-инвариантными и универсальными [Изард, 1980: 22]. Учёный выделяет 11 базовых эмоций: радость, печаль, гнев, отвращение, удивление, страдание (горе), волнение (интерес), презрение, смущение, стыд, вина. Каждая из эмоций проявляется уникальной комбинацией мышц лица человека. Остальные виды эмоций Изард называет составными или же производными [Изард, 2009].

В рамках теории дифференциальных эмоций базовые эмоции являются биологически детерминированными эмоциональными реакциями, выражение и распознавание которых едино для всех лиц независимо от их этнической или

культурной принадлежности [Экман, 2014]. Хотя Экман акцентирует внимание на универсальности эмоций, он также признает важность культурного контекста и индивидуальных различий в выражении и восприятии эмоций. Базовые эмоции, по мнению Экмана, с рождения заложены в человеке благодаря нейронным программам. В свою очередь, комплексные социальные структуры и явления образуются на основе базовых эмоций. Пол Экман выделяет такие базовые эмоции как радость, удивление, печаль, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд [Ekman, 1999].

Релятивистский подход рассматривает эмоции как социально обусловленные конструкты, включающие субъективные, поведенческие и физиологические компоненты и формирующиеся в процессе усвоения норм культуры.

Антропологи Мишель Росальдо и Катрин Лутц, работая в рамках релятивистской парадигмы, предложили альтернативный взгляд на эмоции, утверждая, что они не являются исключительно биологическим феноменом, а скорее продуктом социальной и культурной среды [Rosaldo, 2024]. Катрин Лутц изучала, как различные языки кодируют и выражают эмоции, и пришла к выводу, что эти коды отражают уникальные культурные представления о мире [Lutz, 1986].

Современные исследования эмоций всё чаще стремятся к интеграции универалистского и релятивистского подходов, признавая, что базовые эмоции могут быть универсальными, однако их выражение и интерпретация зависят от культурного контекста. Такой синтетический подход позволяет более глубоко понять сложность эмоциональных процессов и их влияние на поведение человека.

Ряд учёных (Джеймс Расселл, Майкл Льюис и др.) указывают на необходимость разделения внутреннего опыта субъективных эмоциональных состояний и концептуальных систем, посредством которых эмоции определяются и классифицируются. Например, Расселл выделяет два уровня анализа эмоций: первый – это универсальный опыт, связанный с

физиологическими реакциями, второй – культурные категории, которые придают смысл этим реакциям [Russell, 1991].

Подобный подход признает, что, несмотря на наличие общих биологических механизмов, конкретные способы описания и интерпретации эмоций варьируются в зависимости от культурного контекста. Например, одна и та же физиологическая реакция может трактоваться как «грусть» в одном обществе и как «скорбь» в другом, что зависит от местных культурных норм и традиций.

Джозеф Бостер отмечает, что противопоставление биологического и культурного начал эмоций является ошибочным. Он утверждает, что биологическая обусловленность эмоций обусловлена общими физиологическими механизмами, которые свойственны всем представителям человеческого вида. В то же время, причины возникновения определённых эмоций и их конкретное содержание зависят от локального культурного контекста [Boster, 2005]. Бостер подчеркивает, что именно культура определяет, когда и почему человек испытывает ту или иную эмоцию. Например, в одних культурах сильные негативные эмоции, такие как гнев, могут рассматриваться как недопустимые, тогда как в других они могут считаться приемлемыми и даже поощряемыми в определённых ситуациях.

Позиция Филиппа Элсворта о том, что эмоции формируются вследствие сложной взаимосвязи между восприятием внешнего мира, изменениями внутри организма и индивидуальным опытом человека, представляется обоснованной. Ф. Элсворт считает, что эмоции нельзя рассматривать изолированно ни от физиологических процессов, ни от культурного контекста, и подчёркивает, что культурные нормы и ценности оказывают значительное влияние на оценку эмоциональных ситуаций и выбор стратегий реагирования [Ellsworth, 1994].

Обсуждение природы эмоций традиционно включает в себя обращение к понятию «чувство». Вопрос о разграничении понятий «эмоция» и «чувство» занимает важное место в психологической литературе, поскольку оба термина

часто используются в научной практике, но их соотношение остаётся предметом дискуссий. Существует несколько подходов к пониманию соотношения этих понятий, каждый из которых отражает различные аспекты эмоциональной жизни человека:

1. Подход А. Н. Леонтьева

А. Н. Леонтьев предложил одно из наиболее чётких разграничений между эмоциями и чувствами. В его представлении, эмоция обладает ситуативным характером и возникает в ответ на конкретные события или объекты, тогда как чувство характеризуется большей устойчивостью и связано с долговременными отношениями личности к объектам внешнего мира [Леонтьев, 1971]. Чувства, по Леонтьеву, носят предметный характер и могут существовать на уровне обобщённого отношения субъекта к миру, что отличает их от мгновенных эмоциональных реакций.

2. Эмоции как разновидность чувств

Другая группа исследователей рассматривает эмоции как одну из разновидностей чувств, наряду с аффектами, настроениями и страстями. Например, В. Вундт, Р. С. Немов и Г. О. Фортунатов придерживаются такой позиции, утверждая, что эмоции представляют собой относительно кратковременные и интенсивные реакции на внешние стимулы, тогда как чувства относятся к более длительным и устойчивым формам эмоционального переживания (Немов, 2003; Фортунатов, 2009).

3. Чувства как разновидность эмоций

Напротив, третья группа авторов, включающая В. М. Смирнова, А. И. Трохачева, Л. В. Благонadeжину и П. В. Симонова, рассматривает чувства как частный случай эмоций. В их понимании, чувства представляют собой более сложные и осознанные формы эмоциональных состояний, возникающие в результате длительного взаимодействия личности с объектами внешнего мира (Смирнов, 2001; Трохачев, 2007; Благонadeжина, 2010; Симонов, 2013).

Настоящее исследование придерживается традиционного биолого-психологического подхода к пониманию эмоций, следуя концепции А. Н. Леонтьева, рассматривающего эмоции как непосредственную реакцию организма на внешние стимулы. Диссертация включает изучение восьми базовых эмоций («страх», «гнев», «отвращение», «грусть», «радость», «стыд», «удивление», «презрение»), фокусируясь исключительно на непосредственно возникающих реакциях. Анализ чувств намеренно исключается ввиду их отличительных характеристик – длительности существования, устойчивости, независимости от конкретных стимулов и значительного влияния культурных традиций и ритуалов, определяющих их лингвистическое воплощение [Апресян, 2011a: 25].

Таким образом, несмотря на различие подходов к пониманию феномена эмоций, учёными признается его чрезвычайная сложность, многообразие проявлений. В. И. Шаховский пишет, что «нелингвистические науки накопили достаточно большой объем антропоориентированных знаний, которые позволили поднять вопрос об эмоциональности языка человека, о языковых эмоциях», и предлагает «обратить внимание на место эмоций в структуре языка и заняться многочисленными проблемами функционирования эмоций в речи человека» [Шаховский, 2010:14]. На языковом же уровне эмоции преобразуются в категорию эмотивности. Содержание понятия «эмотивность» и других смежных категорий будет рассматриваться в следующем параграфе.

1.2. Категория эмотивности в свете лингвистических исследований

Эмотиология как наука, изучающая закономерность языковой репрезентации эмоций, начинает свою историю приблизительно с середины 70-х гг. В настоящее время эмотиологии отводится важная роль. Об этом говорит С. В. Ионова: «считается плохим тоном не учитывать её достижений при изучении языка, речи, коммуникации» [Ионова, 2022: 221].

Одной из центральных категорий эмотиологии является категория эмотивности; лингвисты считают, что эмоции на языковом уровне преобразуются именно в данную категорию. Л. Г. Бабенко определяет категорию эмотивности как «содержательно-структурное единство, отображающее знания о совокупности эмоций в национальной языковой картине мира, репрезентируемых системой языковых средств» [Бабенко, 2017: 108]. Однако для современной лингвистики характерно отсутствие чёткого и единого определения категории эмотивности. В связи с этим Л. А. Калимуллина пишет, что сложность корректного и исчерпывающего определения эмотивности «во многом обусловлена объективными факторами, а именно неопределённостью границ эмоционального в языке, которая является следствием недоступности чувственной сферы для непосредственного наблюдения и восприятия» [Калимуллина, 2006: 71]. Рассмотрим основные подходы к рассмотрению данной категории.

Коммуникативный подход. В рамках коммуникативного подхода эмотивность представляет собой полистатусную функционально-семантическую категорию и выражается широким кругом лексических и грамматических средств. Данный подход фокусируется на особой функции языка, связанной с выражением эмоций. В рамках этого подхода рассматриваются вопросы о природе и названии эмотивной функции языка (эмотивная, эмоциональная, экспрессивная и т.д.), а также о её языковой или речевой характеристике.

К. Бюлер выделял три основные семантические функции языкового знака: репрезентативную, апеллятивную и экспрессивную. Экспрессивная функция, по его мнению, служит для отражения внутреннего состояния говорящего и объективации его эмоционального отношения к сообщаемому содержанию [цит. по Алпатов, 1998: 154-155]. Ш. Балли обозначил аналогичную функцию как «функцию экспрессивности», утверждая, что в языке существует значительное количество специальных средств для передачи эмоционально насыщенного смысла [цит. по Копаева, 2012: 2-3].

Данные две функции, направленные на отражение позиции адресанта относительно предмета высказывания, были объединены Р. Якобсоном. Однако учёный предпочитал термин «эмотивная», считая его более адекватным, поскольку данный термин подчеркивает цель показать действительные или имитируемые эмоции говорящего [цит. Копаева, 2012:14].

В. А. Аврорин, Н. Д. Арутюнова и Л. А. Калимуллина придерживаются мнения о важности различения указанных терминов, поскольку экспрессивная функция скорее относится к выразительности языковых единиц и воздействию на слушателя, нежели к прямому выражению личных эмоций [Сидоренко, 2013: 93].

В рамках психолингвистического подхода объектом научного анализа выступают языковые конструкции, обладающие семантической спецификой, связанной с наличием устойчивых ассоциативных связей, несущих особую эмоциональную окрашенность и значимых для субъекта речи. Психолингвистами выдвинута теория панэмоциональности, то есть потенциальной эмоциональности лексических единиц. Согласно этой теории, любое слово, функционирующее в индивидуальном лексиконе, при соответствующих обстоятельствах может оказаться эмоциогенным. Психолингвисты подчеркивают, что эмоциональная валентность слов может варьироваться в зависимости от личного опыта и культурного контекста (Д. Н. Шмелев, Н. О. Золотова, Е. М. Ковалевская, Е. Н. Колодкина, Е. Ю. Мягкова, М. Н. Шорина и т.д.) [там же: 94].

Объектом изучения в рамках когнитивного подхода становятся концепты базовых эмоций. По мнению ряда исследователей (Лакофф, Джонсон, 1980; Кевечеш, 2000; Баженова, 2001 и др.), оптимальным способом представления эмоций служит анализ метафор, посредством которых осуществляется их языковая концептуализация. Вместе с тем данный подход, позволяя выявить сравнительные характеристики лексем, оставляет открытым

вопрос о семантическом обосновании выбора конкретной метафоры для обозначения той или иной эмоции [Апресян 1993: 30]

Другая группа лингвистов (Карасик, 2002; Красавский, 2001; Луц, 1998; Балакина, 2004 и др.) сосредоточила усилия на изучении эмоциональных концептов и механизмов их репрезентации средствами языка. Под эмоциональным концептом понимается «этнически, культурно обусловленное структурно-смысловое, ментальное, как правило, лексически и/или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя помимо понятия образ, культурную ценность и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации предметы (в широком смысле) мира, вызывающие пристрастное отношение к ним. Как и всякий другой, эмоциональный концепт культурно обусловлен. Он рождается при определённых социально-исторических условиях в конкретной этнической общности на определённом этапе её развития» [Красавский, 2008: 49].

В этом ряду отдельно выделяется прототипический подход Л. Иорданской и А. Вежбицкой, подразумевающий описание эмоций через прототипические ситуации [Иорданская, 1980; Вежбицкая, 1996]. Прототипический подход предполагает, что каждая эмоция имеет набор типичных ситуаций, в которых она проявляется. Это помогает объяснить, почему некоторые эмоции могут иметь схожие проявления, но различаются по своему значению в разных культурах.

В рамках семантического подхода изучение категории эмотивности сопряжено с выявлением компонентной структуры значений языковых единиц, причем ключевая роль в отображении эмоциональных феноменов отводится лексическим средствам.

Можно выделить два основных подхода к пониманию категории эмотивности. Первая точка зрения (Л. Г. Бабенко, Е. М. Галкина-Федорук, Н. М. Баженов, А. М. Финкель и др.) предполагает включение в данную категорию всех языковых средств, отражающих эмоции – от прямых

наименований чувств до лексики, содержащей эмоциональные оттенки лишь имплицитно или проявляющиеся в конкретном контексте.

Вторая позиция (В. И. Шаховский, Д. Н. Шмелёв, И. Б. Голуб, В. Н. Телия, И. И. Сандомирская, Т. А. Графова, Е. М. Вольф и др.) ограничивает сферу эмотивности исключительно средствами экспрессивной лексики, служащими маркерами субъективного эмоционального отношения субъекта речи к объективному миру и обладающими способностью передавать эмоциональную оценку объектов и явлений.

Т. А. Графова, В. Н. Телия акцентируют внимание на взаимосвязанности понятий эмотивности и оценки. Так, В. Н. Телия предложила термин «эмотивность», определяя её как особую разновидность языковой оценки, ориентированную на выражение личностного эмоционального отклика говорящего на содержание высказывания. Она также выдвинула идею валентности эмотивных смыслов, утверждая, что семантика эмотивного компонента состоит из компонентов разных уровней сознания и чувственной сферы [Телия, 1986].

Когнитивно-дискурсивный подход. Исследования в рамках данного подхода (Ю. С. Степанов, В. В. Красных, О. К. Ирисханова, А. Д. Шмелев, А. П. Чудинов, И. В. Рудакова и др.) доказывают, что эмоциональные состояния и переживания передаются в языке не только посредством лексических единиц, но и благодаря разнообразию грамматических конструкций и просодических элементов. Этот подход подчёркивает важность изучения структуры текста и устной речи в динамике живого общения, демонстрируя, каким образом грамматический строй и интонационные характеристики способствуют созданию эмоционального фона высказываний. Так, наряду с прямой номинацией эмоций значительную роль играют морфологические особенности (аффиксальные формы, образующие эмоционально окрашенные производные), синтаксическая организация предложений (особенности порядка слов, наличие эмфатических конструкций), а также такие аспекты звучащей речи, как интонация, ритм,

интенсивность и логическое ударение. Все перечисленные элементы участвуют в формировании целостного образа эмоций, передаваемых участниками коммуникации друг другу.

Как было ранее отмечено, в ряде исследований подчеркивается тождественность терминов «эмотивность» и «эмоциональность» (Н. В. Волкова, И. Г. Жирова, Г. А. Копнина и др.), однако отдельные учёные проводят чёткое разграничение между ними. Основное различие данных понятий связано с отнесением их либо к области психологии, либо к сфере лингвистики. Настоящее исследование основывается на позиции В. И. Шаховского, утверждавшего, что термин «эмотивный» используется применительно к характеристикам языковых единиц и их возможности передачи эмоциональности, тогда как понятие «эмоциональный» описывает сам факт наличия и проявление эмоционального состояния. Таким образом, эмотивность предстает как внутреннее свойство языка, наделённое семантическим потенциалом и способствующее воплощению эмоциональности как психологического феномена [Шаховский, 2008: 24].

Помимо категорий «эмотивность» и «эмоциональность», в исследованиях, посвящённых изучению отражения человеческих эмоций и чувств в языке, широко используется категория «экспрессивность». Большинство учёных подчёркивает наличие тесной связи между эмотивностью и экспрессивностью, одновременно отрицая их тождественность. Преобладающая точка зрения состоит в том, что «эмотивность» представляет собой функционально-семантическую категорию, тогда как «экспрессивность» рассматривается как коммуникативная характеристика. Экспрессивность выступает ключевым качеством текста или особенностью речи, обеспечивающей её выразительность и насыщенность, реализующейся на различных языковых уровнях и относящейся преимущественно к уровню внешней формы высказывания. Напротив, эмотивность представляет собой отдельную языковую категорию, ответственную за передачу воздействия текста на

эмоциональную составляющую психики человека, включая способность языка выражать чувства, настроения и аффекты [Уафа, 2023:19].

В трудах отдельных авторов активно подчёркивается глубокая связь между категориями эмотивности и оценочности, поскольку эмоциональная реакция человека неизбежно включает элемент оценки. Например, Е. М. Вольф интерпретирует эмотивность как эмоционально окрашенную оценку предмета восприятия, отражающую индивидуально-чувственное отношение субъекта к объекту действительности [Вольф, 1985]. Аналогичную позицию занимает В. И. Болотов, который считает, что «эмоции и оценка неразделимы, если событие, описанное в тексте, затрагивает личное благополучие воспринимающего текст индивида» [Болотов, 1986:11].

Таким образом, основными подходами к рассмотрению сущности и содержания категории эмотивности можно считать коммуникативный, психолингвистический, когнитивный, семантический и когнитивно-дискурсивный подходы. Категория эмотивности тесно переплетается с рядом смежных понятий, среди которых выделяются эмоциональность, экспрессивность и оценочность. С одной стороны, указанные категории обладают существенными дифференцирующими признаками, позволяющими чётко отделять их друг от друга, с другой стороны, полноценное функционирование каждой из них невозможно без участия остальных.

1.3. Лексические средства выражения эмотивности

Результаты исследований эмотивных единиц языка демонстрируют, что в процессе выражения эмоций задействованы языковые единицы абсолютно всех языковых уровней. Однако доминирующая роль в раскрытии эмотивного потенциала языка, по мнению большинства лингвистов, принадлежит лексическому уровню.

В связи с этим перед лингвистами встает задача: выделить из общего спектра лексических единиц собственно эмоциональную лексику. Однако

один из авторов теории эмотиологии В. И. Шаховский отмечает, что на сегодняшний день в языкознании «отсутствует достаточно удовлетворительное и адекватное определение эмотивной лексики и принципов её классификации» [Шаховский, 2019]. В лингвистике обнаруживаются широкое и узкое понимание понятия «эмотивная лексика»:

1. Широкое понимание. В рамках панэмоционального подхода каждое слово потенциально эмотивно, т.е. любое слово обладает способностью приобретать функционально эмотивное значение в определённой речевой ситуации (Е. Ю. Мягкова, А. Вежбицкая, Н. А. Лукьянова и др.);

2. При узком понимании эмотивную лексику определяют как набор слов, содержащих эмотивную семантику как в составе своего прямого значения («лексика эмоций»), так и в виде сопутствующего оттенка эмоциональности («эмоциональная лексика»). Это разделение основано на наличии слов, обозначающих сами эмоции, и тех, которые несут дополнительную эмоциональную окраску, формирующую чувственно-эмоциональный подтекст высказываний (Л. Г. Бабенко, В. И. Шаховский и др.).

Различны также подходы к классификации эмотивной лексики:

В. И. Шаховский предложил типологию эмотивной лексики, построенную на основании разграничения ключевых понятий: эмотивное значение, эмотивная коннотация и эмотивный потенциал. Комбинаторика данных компонентов позволяет учёному выделить три основные группы эмотивной лексики:

1. Аффективы – слова, в которых единственным семантическим элементом является именно эмотивное значение (примеры включают междометия, обценную лексику, эмоционально-оценочные прилагательные).

2. Коннотативы – лексические единицы, объединяющие в себе эмотивные смыслы вместе с главным логико-понятийным содержанием.

3. Потенциативы, или контекстуальные эмотивы – слова, способные приобретать эмотивное значение исключительно в конкретном контексте или коммуникативной ситуации. [Шаховский, 2008: 22]

Исходя из предложенной типологии, В. И. Шаховский вводит представление о трёх видах эмотивной семантики слова: собственно эмотивность, реализуемая в неизменяемом виде; эмотивность как один из возможных вариантов толкования слова; и ситуативная эмотивность, зависящая от обстоятельств конкретного акта коммуникации [Шаховский, 2014:14].

Ю. Д. Апресян выделяет следующие типы лексики, которые выражают эмоции:

1. Базовая лексика

а) глагольные синонимические ряды, например, беспокоиться, бояться, сердиться, стыдиться, гордиться, удивляться, восхищаться, любить, надеяться, радоваться, грустить и другие;

б) ряды соответствующих существительных, прилагательных и наречий: беспокойство, радость, рад, тревожно, с тревогой, боязно, со страхом, в страхе и т.д.

2. Слова, не являющиеся обозначениями эмоций. Данные слова включают в свое значение указание на различные эмоциональные состояния субъекта, когда тот выполняет какое-либо действие или находится в каком-либо состоянии. Например, любоваться, заглядеться, засмотреться.

3. Слова, не называющие эмоции, но имеющие непосредственное отношение к выражению эмоций. В данном случае Ю. Д. Апресян говорит о метафоре, которая обозначает определённый физический симптом чувства. Например, блеснуть, сверкать; покраснеть, побагроветь, зарумяниться и многое другое [Апресян, 1995: 51].

Классификация эмотивов, разработанная М. Я. Блохом и Н. А. Резниковой, основана на распределении семы эмотивности между различными уровнями лексического значения. Сема эмотивности может

присутствовать как в денотативном макрокомпоненте, отражающем эмоции как объективную действительность, так и выступать отдельным микрокомпонентом коннотативного макрокомпонента, дополняя основное значение слова. Она также способна появляться у слов в контексте использования. Исходя из этого, авторы выделяют четыре группы эмотивов:

1. Эмотивы-номинативы – лексические единицы, прямо называющие эмоции и эмоциональные состояния, включая соответствующую лексику глагольной, адъективной и адвербиальной сфер.

2. Эмотивы-ассоциативы – слова, в семантике которых содержится скрытая компонента эмотивности, возникшая вследствие реакций и ассоциаций, связанных с личным опытом как говорящего, так и слушающего. Возникновение таких ассоциаций нередко обусловлено особенностями культуры сообщества.

3. Эмотивы-экспрессивы – лексика, предназначенная для обозначения объекта номинации (чувства говорящего) и одновременного выражения эмоционального отношения говорящего к этому объекту. Данная группа представлена, прежде всего, словами, развившими переносные значения.

4. Оказиональные эмотивы – особая группа эмотивов, нейтральных в своем обычном употреблении и не обладающих устоявшейся эмотивной коннотацией, но обретающих такую коннотацию в контексте конкретной диктемной ситуации [Блох, Резникова, 2006: 16].

3. Кёвечеш распределяет эмотивы на две крупные группы: экспрессивные (*expressive*) и описательные (*descriptive*). Первая группа, состоящая исключительно из междометий, предназначена для выражения кратковременных эмоциональных импульсов, чаще всего удивления или отвращения. Вторая категория значительно шире и охватывает разнообразные способы номинации и описания эмоций, охватывая как названия базовых эмоций, так и образные средства (метафоры, метонимии и др.). [Kövecses, 2000].

Проведённый М. Н. Кожиной анализ эмоционально-экспрессивной лексики демонстрирует выделение нескольких крупных классов лексических единиц. Автор проводит деление лексики на позитивно и негативно окрашенную. Далее детально рассматриваются лексические единицы с постоянной эмоционально-оценочной нагрузкой, чьи значения изначально включают экспрессию и оценку (например, слова с элементами иронии, пренебрежения, неодобрения, нежности и т.д.). Помимо этого, М. Н. Кожина обращается к анализу полисемантической лексики, которая в своём буквальном значении остаётся нейтральной, но приобретает эмоциональную окраску в переносном значении [Кожина, 2020: 222].

По мнению Л. Г. Бабенко, классификацию эмотивной лексики можно проводить как на анализе собственно категориально-лексических сем, так и на сочетаниях различных типов сем – категориально-лексических с категориально-грамматическими, категориально-лексических с категориально-семантическими и иными комбинациями. Подобные процедуры ведут к формированию разноплановых эмотивных классов слов, таких как грамматические, денотативные, лексико-семантические, коннотативно-эмотивные и дифференциально-эмотивные группы [Бабенко, 1989: 62 – 63]. В настоящем исследовании использован подход, разработанный на основе метода семантической классификации Л. Г. Бабенко [Бабенко, 1989; БТСРГ, 2007]. Для всестороннего анализа состава эмотивных глаголов в монгольских языках были исследованы особенности их функционирования в художественно-литературных произведениях. Традиционные структурные термины (лексико-семантическое поле, лексико-семантическая группа и т.д.) подверглись детализации и получили название: функционально-семантическое поле, класс, группа и подгруппа.

1.4. Основные тенденции в изучении категории эмотивности в монголистике

За последние десятилетия проблема изучения категории эмотивности в монгольских языках становится актуальной темой для исследователей-лингвистов. Научный интерес к данной проблематике объясняется необходимостью восполнения пробелов в описании механизмов формирования и передачи эмоциональных смыслов в монгольском языковом пространстве. Несмотря на заметный прирост количества исследований, общий объем публикаций по указанной тематике остается незначительным, а специализированные монографии, дающие полное освещение проблемы, фактически отсутствуют. Недостаточный уровень разработанности темы выдвигает задачи, направленные на продолжение исследований категории эмотивности в монгольских языках наряду с дальнейшим расширением источниковой и методологической баз.

Исследователем, заложившим основы изучения проблемы эмотивности в монгольских языках, была Е. К. Скрибник. В своих работах она провела глубокий анализ структуры и семантики эмотивных конструкций, рассматривая конструкции, в которых событие-стимул эмоции выражалось зависимыми предикативными единицами с инфинитными сказуемыми, а также конструкции с финитной зависимой частью, вводимой грамматикализованной деепричастной формой служебного глагола говорения *гэ* = (*гэжэ*) [Скрибник 1982, 2015]. Скрибник выделяет конструкции с эмотивным сказуемым, выраженным либо глаголами в активном и побудительном залоге, либо однокоренными с ними предикативными прилагательными на *-тай*, *-гуй* [Скрибник, 1982: 38]. Эти три конструкции определяются как конструкции эмоциональной реакции, каузации эмоций и эмоционального состояния.

В 2025 году Н. Б. Даржаева разработала аналогичные классификации для бурятского языка. Она выделила три макромоделли эмотивных простых предложений:

- модель эмоциональной реакции, включающую 7 типов конструкций, где ключевым элементом является активный Экспериенцер, реагирующий на внешний Стимул;
- модель эмоционального состояния, ориентированную на внутренний мир Экспериенцера и выражаемую двумя формами конструкций;
- модель эмоциональной каузации, где Стимул выдвигается на первый план, а Экспериенцер переходит в пассивную позицию [Даржаева, 2025].

Работы Н. Б. Даржаевой были посвящены исследованиям синтаксических средств выражения эмоций. Она выявляет эмоционально-экспрессивные синтаксические конструкции и стилистические приёмы, характерные для бурятского языка. Н. Б. Даржаева показывает, что в бурятском языке преобладают риторические вопросительные и восклицательные конструкции, обращения и эллиптические предложения. Стилистические приёмы, такие как инверсия и апозиопезис, встречаются реже, что связывается с жёсткими правилами порядка слов в бурятском предложении. Автором подчеркнута важная роль в усилении эмоционально-оценочной окраски текста частиц, сформированных от вопросительного глагола *яа-* 'что делать, как поступить'. Дополнительными усилителями эмоционального тона называются вопросительные слова *юун* 'что', и *ямар* 'какой', используемые совместно с частицей логического выделения *гээшэ* [Даржаева, 2021, 2022а, 2023]. Кроме того, Н. Б. Даржаевой с применением сплошной выборки по Корпусу бурятского языка выявлена сочетаемость 21 эмотивного глагола с именами-стимулами. Автор приходит к выводу о том, что сочетаемостные свойства эмотивных глаголов обусловлены их семантикой [Даржаева, 2022б].

Е. К. Скрибник и Н. Б. Даржаева, рассматривая синтаксическую организацию подлежащего в бурятских конструкциях каузации эмоций,

делают вывод о том, что основным типом подлежащего в бурятских конструкциях каузации эмоций являются антропонимы, соответствующие роли Каузатора. Редкими являются случаи, когда в позиции подлежащего выступают неодушевлённые объекты, что свидетельствует о культурной и психологической ориентации бурятского языка на социально-значимую деятельность [Даржаева, Скрибник, 2024].

Е. А. Дадуева, проводя исследование каузативных эмотивных конструкций в бурятском языке, определяет роль повторов [Дадуева, 2023 а], фразеологических единиц [Дадуева, 2023 б] как средств выражения эмоций, выявляет семантико-структурные компоненты каузативных конструкций, выражающих отрицательные эмоциональные воздействия, вызывающие чувство гнева [Дадуева, 2024]. Было установлено, что фразеологические единицы, выступая в роли предиката, способствуют усилению образно-метафорических и эмоциональных аспектов семантической структуры каузативной конструкции. Повторы же выполняют функцию усиления эмоционального воздействия на объект, привлечения внимания к передаваемой эмоции, её выделения и чёткой актуализации в сознании воспринимающего. Также учёным описаны некоторые эмотивные интенсификаторы как дополнительные компоненты каузативных конструкций в бурятском языке, демонстрирующие силу воздействия. Выявлено, что в бурятском языке к интенсификаторам каузативной эмотивной конструкции можно отнести наречия, деепричастия, тавтологические сочетания причастий и каузативных эмотивов [Дадуева, 2023 б].

Эмотивный потенциал фразеологических единиц привлекал внимание учёных Т. Б. Тагаровой [Тагарова, 2010, 2011, 2020, 2022], Б. Д. Цыренова [Цыренов, 2024]. Работы учёных были посвящены различным аспектам эмоционально-экспрессивной окраски фразеологизмов, определению их роли в формировании коммуникативного эффекта текста, стилистическим и семантическим особенностям фразеологизмов.

Имеется довольно обширный ряд статей, рассматривающих эмоции в монгольских языках в лингвокультурном аспекте: исследуются разнообразные средства вербализации концептов «радость» в калмыцком языке [Митриев, Есенова, 2013; Харчевникова, Лиджиева, 2015], «печаль», «горе» в калмыцком языке [Харчевникова, Гонзикова, 2020], когнитивные метафоры, выражающие эмоции в монгольском и английском языках на примере концептов «грусть» [Munkhbat, 2024], этноспецифические особенности значений эмоций [Baljir, Dorjsembe, 2023] и др. Важный вклад в изучение метафорического выражения эмоций в монгольский язык внесла Ч. Золзая. Начиная с ранних исследований, посвящённых общим вопросам метафоризации эмоций в английском и монгольском языках [Choijin, 2013, 2014], она перешла к более специализированным работам, таким как изучение метафор гнева в монгольском и корейском языках [Choijin, 2018], углублённый анализ метафорических конструкций в английском и монгольском языках [Choijin, 2019, 2021]. Её исследования показали, что метафоризация эмоций отражает культурные особенности и исторические традиции народов, влияющие на восприятие и передачу эмоционального опыта. Автор устанавливает значительные различия в метафорических образах, используемых для выражения одной и той же эмоции в разных языках, что подчёркивает важность учета культурных факторов при межкультурной коммуникации.

Выявлению закономерностей процессов вербализации и восприятия эмотивных составляющих невербальных знаков носителями монгольского и русского языков в условиях психолингвистических экспериментов были посвящены работы О. Тумээ, Е. Б. Трофимовой [Тумээ, 2012; Трофимова, 2013].

Н. Н. Николаева анализирует семантику и функции эмоциональных проявлений персонажей в бурятском героическом эпосе. В её работах исследуются особенности проявления положительных и негативных эмоций героев, их символизм и ритуальная функция [Николаева, 2018а, 2018б].

Исследованию же конкретно эмотивных глаголов монгольских языков были посвящены работы Н. М. Мулаевой [Мулаева, 2020] по анализу и классификации лексико-семантических групп эмотивных глаголов, называющих «базовые» эмоции в текстах эпоса «Джангар», Н. В. Даржаевой [Даржаева, 2022, 2023] по изучению комбинаторики бурятских глаголов эмоций и синтаксического выражения валентности стимула эмоциональной реакции, а также Б. Д. Цыренова и Е. В. Сундуевой по выявлению семантических особенностей обозначения эмоций в монгольских языках.

Е. В. Сундуева в своих исследованиях рассматривает эмотивные глаголы, обозначающие такие эмоции, как «грусть» [Сундуева, 2022] и «страх» [Сундуева, 2010, 2023]. Она проводит анализ этих глаголов с точки зрения этимологии и фоносемантики. В ходе исследований Е. В. Сундуевой была установлена связь между акустико-артикуляционными особенностями корневых согласных и психологическим восприятием соответствующих эмоций. Автор также акцентирует внимание на том, что способы выражения эмоций зависят от культурных и ценностных установок конкретного народа.

В работах Б. Д. Цыренова исследуются формы и способы выражения гнева в бурятском языке на основе анализа синонимических рядов существительных со значением «гнев» [Цыренов, 2022], глагольных фразеологизмов [Цыренов, 2024]. Учёным также описан синонимический ряд глаголов со значением «радоваться» [Цыренов, 2021; Чертыкова, 2021]. В рамках исследования глаголов со значением «радоваться» учёный уделяет внимание особенностям сочетаемости эмотивных глаголов с градуаторами, что непосредственно обуславливается семантикой слова.

Итак, в настоящее время накоплен относительно небольшой объем научных знаний о структуре, средствах и механизмах выражения эмоций в монгольских языках, область остаётся недостаточно освещённой на уровне крупных монографических исследований. Такое положение требует дальнейших исследований, нацеленных на глубокое изучение национальных особенностей эмоционального самовыражения, проведение межъязыковых

параллелей и всестороннее рассмотрение роли социокультурной среды в формировании категории эмотивности монгольских языков.

Выводы к главе 1

Проведённый анализ теоретических положений, касающихся лингвистической теории эмоций, эмотивности и смежных понятий, а также языковых и внеязыковых средств выражения эмоций, привел к следующим выводам:

1. Лингвистика эмоций (эмотиология) представляет собой междисциплинарную область знания, находящуюся на пересечении психологии и языкознания, направленную на детальное изучение эмоциональных аспектов языка. Современная наука располагает значительным объемом сведений о природе эмоциональной составляющей речи.

2. В ходе рассмотрения дефиниций таких понятий, как «эмоциональность», «эмотивность», «экспрессивность», «оценочность», установлено, что предпочтение одному из терминов при рассмотрении языковых средств определяется индивидуальной позицией исследователя. В диссертационной работе в наибольшей мере использованы идеи В. И. Шаховского: а) эмоциональность, принадлежащая сфере физиологии и психологии, находит отражение в лингвистике через категорию эмотивности, понимаемую как итог интерпретации эмоционального состояния индивида с помощью языковых единиц; б) экспрессивность, в отличие от эмотивности, расценивается как намеренная и продуманная активизация эмоциональной и чувственной составляющей, входящей в определенную семантическую зону.

3. Между эмотивностью и оценочностью существуют чёткие границы, обусловленные разными видами активности человека: оценочной и эмоциональной. Оценка, свободная от эмоциональных элементов, основывается на когнитивных процессах и носит логичный характер. Эмоции

принадлежат к психической сфере, хотя и находятся в тесной связи с оценочной деятельностью человека, осуществляемой на этапах восприятия, обработки и последующего осмысления информации.

4. Языковая система предоставляет человеку разнообразные средства для вербализации эмоций на всех уровнях языка. Наиболее продуктивными и выразительными среди них являются лексический и синтаксический уровни, тогда как морфология чаще выполняет вспомогательную функцию, усиливая эмоциональное звучание, создаваемое другими уровнями. В данном исследовании подробно рассмотрены лексические средства эмотивности, выступающие ключевыми инструментами для номинации, описания и выражения эмоций.

6. Несмотря на нарастающий интерес к проблеме выражения эмоций в монгольских языках, современные научные знания в этой области остаются недостаточными. До сих пор проведены значимые исследования синтаксиса, фразеологии и метафорики эмоций, однако для полноценного осознания национального своеобразия эмоционального самовыражения требуются межъязыковые сопоставления, расширение источниковой и методологической базы.

ГЛАВА 2. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЭМОТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

2.1. Принципы семантической классификации эмотивных глаголов в МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Наряду с необходимостью детального описания структуры функционально-семантического развития глагольной лексики в монгольских языках, на современном этапе наблюдается недостаточность специальных работ, посвящённых исследованию семантических свойств эмотивных глаголов в монгольских языках.

Первые шаги в систематизации грамматических категорий монгольского глагола были предприняты в первой половине XIX века. Пионером в данной области стал немецкий лингвист Якоб Шмидт, опубликовавший в 1832 году в Санкт-Петербурге свою работу «Грамматика монгольского языка». Этот труд представлял собой первую попытку комплексного описания грамматических правил монгольского языка и включал подробное изложение системы глагольных форм [Шмидт, 1832].

Однако систематизированное изучение связей между грамматическими категориями и лексико-семантическими характеристиками глаголов началось значительно позже – лишь в середине XX века. Одним из первых крупных специалистов, занимавшихся данным вопросом, стал Г. Д. Санжеев. Его фундаментальная работа, опубликованная в 1963 году, стала отправной точкой для дальнейших исследований в этой области. Санжеев предложил классификацию семантически значимых грамматических признаков глагола, включая такие категории, как переходность/непереходность, активность/пассивность, залог, вид, время, лицо и наклонение [Санжеев, 1963].

Эти идеи получили дальнейшее развитие в трудах последующих учёных. Например, Ц. Б. Цыдендамбаев в своей монографии «Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении», вышедшей в свет в 1979 году, критически переосмыслил концепцию грамматических категорий, выдвинутую Санжеевым. Учёный утверждал, что такие признаки, как переходность/непереходность и активность/пассивность, являются скорее частью лексического значения глагольного корня, нежели отдельными грамматическими признаками [Цыдендамбаев, 1979].

Ещё один важный вклад принадлежит Е. А. Кузьменкову, который впервые в монголистике предложил классифицировать глаголы одновременно по нескольким критериям: морфологическому, синтаксическому и семантическому. По мнению учёного, семантика глагола определяется валентностью и структурой конструкций, образуемых самим глаголом. Таким образом, значение глагола тесно связано с его способностью формировать определённые типы предложений [Кузьменков, 1984].

Значительный вклад в изучение семантики глагола внёс У.-Ж. Ш. Дондуков, чья монография «Развитие лексики монгольских языков» [Дондуков, 2004] посвящена классификации глагольных основ, созданных путём различных способов словообразования. Дондуков доказывает, что разные способы образования новых глаголов влияют на семантику глагольных корней, подчеркивая влияние производящих элементов на формирование уникальных оттенков смысла. Эти выводы подтверждают мысль о тесной связи между процессом словообразования и развитием семантических значений глаголов в монгольских языках.

Э. У. Омакаевой на материале монгольского и калмыцкого языков были предприняты попытки разработки принципов представления глагольной лексики — валентностных (актантных) классов глаголов, семантических классов и подклассов, лексико-семантических групп глаголов [Омакаева, 2008].

Отметим, что полная семантическая классификация слов в монголоведении не разработана, до недавнего времени проводилась лишь тематическая классификация (Цыдендамбаев, 1957; Пюрбеев, 1996; Бабуева, Бальжинимаева 2004; Скородумова, Ульгийсайхан, 2008; Баяржаргал, Цунаева, 2012). Словарь-справочник Д. Д. Санжиной «Бурятский язык: стилистический аспект лексической синонимии» представляет собой одну из первых работ, в которой на основе системных и функциональных свойств слов описан состав синонимов бурятского языка. Несмотря на то что объем рассматриваемых слов относительно невелик, справочник включает наиболее употребительную лексику, включая эмотивные глаголы. Настоящий словарь-справочник вносит значительный научный вклад в исследование лексико-семантической структуры бурятского языка, раскрывая механизмы синонимического варьирования и подчеркивая его ключевую роль в обеспечении экспрессивности и точности языкового выражения [Санжина, 2009]

В ряде работ на материале монгольских языков выделены отдельные лексико-семантические группы глаголов (Егодурова, 2001; Шахаева, 2014; Омакаева, 2015; Бачаева, 2019; Даржаева, 2021; Лиджиева, 2021, 2022 и др.). Широко описана глагольная лексика, связанная с традиционным бытом монголоязычных народов, глаголы движения.

В настоящем исследовании, опираясь на опыт семантической классификации эмотивных глаголов Л. Г. Бабенко [Бабенко, 1989; БТСРГ, 2007], эмотивные глаголы в монгольских языках распределены на 7 функционально-семантических групп (далее ФСГ): глаголы со значением «бояться», «радоваться», «грустить», «гневаться» «презирать, испытывать отвращение», «стыдиться», «удивляться».

По мнению Л. Г. Бабенко, эмотивная лексика образует функционально-семантическое поле, которое рассматривается сквозь призму универсальных функциональных категорий – состояние, отношение, качество и др. Оно объединяет разноуровневые классы слов, специфично отражающих

переживания эмоций и общую эмоциональную активность. Внутри этого поля обнаруживаются различные лексико-семантические парадигмы различного уровня иерархии и значимости: группы слов одной части речи, противопоставления антонимов и синонимов, отношения подчинённости и пересечения [Бабенко, 2016: 11].

Эмотивные глаголы внутри функционально-семантической группы интегрируются вокруг категориально-лексической семы, представляющей собой базовую структурообразующую единицу данной категории. Категориально-лексическая сема представляет собой аналитическое сочетание, построенное по модели «понятие о чувстве + конкретное наименование какого-либо чувства» [Бабенко, 1989: 25]. Первый компонент модели обычно выражается словами обобщённой семантики типа «чувствовать, испытывать» (идентификатор эмотивности первой степени ИЭ1), второй компонент представляет собой дополнительный идентификатор – конкретное наименование эмоции (идентификатор эмотивности второй степени ИЭ2).

Несмотря на присутствие в изучаемом языковом ареале глаголов типа бур. *мэдэрхэ* [БРС 1, 2010: 573], монг. *мэдрэх* [БАМРС 3, 2001: 529], трактуемых как ‘ощущать’, ‘чувствовать’, анализ материала, полученного из национальных корпусов, выявил тенденцию доминирования иного семантического аспекта указанных глаголов – «признаваться, осознать, сознаваться». Исключениями являются лишь отдельные случаи употребления (монг. *жаргалыг мэдрэх* ‘ощущать счастье’, монг. *шаналгаа мэдрэх* ‘чувствовать боль’). В калмыцком языке глаголы калм. *медх*, калм. *санх*, калм. *ухалх* передают значение ‘чувствовать’ [РКС, 1964: 775]. Однако, подобно глаголам бур. *мэдэрхэ* [БРС 1, 2010: 573], монг. *мэдрэх* [БАМРС 3, 2001: 529], он скорее передает ментальные процессы осознания и признания, чем непосредственно фиксирует эмоциональный опыт, что делает их использование менее адекватным для точного выражения чувства и переживания эмоций в монгольских языках. Отсутствие однозначного

глагола, ясно и чётко передающего понятие эмоционального опыта, является важной особенностью выражения эмоции в рассматриваемых языках.

Каждой ФСГ характерно наличие базового глагола-идентификатора. Базовый глагол-идентификатор является наиболее употребительным эмотивным глаголом и несет в себе обобщённое значение ФСГ. Как правило, это слово имеет нейтральную стилистическую окраску, в нем отсутствуют коннотативные элементы значения.

Категоризация глаголов была проведена преимущественно на структурно-семантической основе, использовавшей метод компонентного анализа глагольного значения. Основным приёмом данного метода являлась ступенчатая идентификация семантики глаголов, включающая дефиниционный анализ их значений.

Основанием для выделения глаголов-идентификаторов является повторяемость (частотность) ИЭ 2 в словарных дефинициях, так как именно в ней заключена семантическая идея (типовая эмотивная семантика).

Рассмотрим процедуру выделения глагола-идентификатора на примере ФСГ глаголов удивления в монгольском языке.

1. Сбор материала

Первоначально устанавливалось ясное дефиниционное значение глагола, которое определялось на основе материалов толковых словарей. Такой подход подразумевал анализ как прямого, так и переносного значений глагола, а также рассмотрение его контекстуальных реализаций. Далее следовала процедура ступенчатой идентификации, в процессе которой постепенно уточнялись выявленные семантические компоненты до момента наступления ситуаций взаимоопределения. Следует отметить, что явление взаимоопределения и дефинирования через синонимы широко распространено в толковых словарях монгольских языков. В целях минимизировать возможные риски субъективизма, особое внимание уделялось учёту конкретных контекстов употребления слов:

МОНГ. *гайхах* – «хэрээс хэтийдсэн юм, үзэгдлийг *хачирхан шагшиж магтах, муушаах*» ‘хвалить или критиковать, что-либо, являющееся чрезмерным, пощелкивая от удивления языком’;

МОНГ. *хачирхах* – «хачин байдал гаргах, түүнд *сонирхон бахархах, сэвүүрхэх, ихэд сонирхох*» ‘проявлять любопытство по поводу чего-либо, гордиться этим, проявлять любопытство по поводу чего-либо, быть очень заинтересованным’;

МОНГ. *шагирах* – «ам *таниших: гайхан шагирах* (магтан ам таниших)» ‘прищелкивать языком, прищелкивать языком от удивления (прищелкивать языком, похваливая)’;

МОНГ. *таниших* – «*гайхам юм үзэж хэл тагнайгаа танишиж дуугаргах, тагнайгаа таниших*» ‘увидеть что-то удивительное и издать звук языком и нёбом’;

МОНГ. *магтах* – «*сайшаах, сайн сайхныгнь гаргаж хэлэх*» ‘хвалить, выражать хорошее мнение, подчеркивать положительные качества’ исключается из-за отсутствия ИЭ 2;

МОНГ. *муушаах* – «*мууд үзэх, муу хэлэх, үлойшоон буруушаах*» ‘критиковать, ругать, резко осуждать’ исключается из-за отсутствия ИЭ 2;

МОНГ. *сонирхох* – «*гайхах*» ‘удивляться’;

МОНГ. *бахархах* – «*сэтгэлд хавтай, бахтай, баясах*» ‘быть счастливым, быть радостным, радоваться’ исключается из-за отсутствия ИЭ 2;

МОНГ. *сэвүүрхэх* – «*сонин соргог зүйл болгоныг үзэж **шохоорхох**, үе үе гэнэт сонирхох*» ‘быть очарованным, увидев странное и интересное, время от времени внезапно проявлять интерес’;

МОНГ. *шохоорхох* – «*ихэд сонирхох, хүсэх*» ‘сильно заинтересоваться, желать иметь’;

МОНГ. *гайхирах* – «*ихэд гайхан яахаа мэдэхээ болих, эргэлзэж бодох, тээнэгэлзэх*» ‘быть очень удивлённым и не знать, что делать, колебаться, сомневаться’;

МОНГ. *гайхрах* – «*гайхах, гайхааш төрөх*» ‘удивляться, приходить в удивление’;

МОНГ. *мэлрэх* – «*гайхах, цочих, бодлогоширох үед нүд гөлрөх, ихэд гайхах*» ‘удивляться, испугаться, вытаращить глаза в раздумье, очень удивиться’;

МОНГ. *гөлрөх* – «*нүдний аньсга цавчлага ба нүдний хөдөлгөө нь цөөрөн ширтэлхилэх; юманд бодлого болж алмайран дүйрэх, гөлрөө болох*» ‘подергивание века и уменьшение подвижности глаз; заторможенность и дезориентация при размышлениях о чем-либо, становиться подавленным’ исключается из-за отсутствия ИЭ 2;

МОНГ. *цочих* – «*ямар нэгэн юмнаас гэнэт хэлмэж догдолсхийх*» ‘неожиданно прийти в замешательство или вздрогнуть, испугавшись’ исключается из-за отсутствия ИЭ 2;

МОНГ. *тээнэгэлзэх* – «*шийдвэрлэж ядах, санаа хоёрдох*» ‘пребывать в нерешительности, размышлять над выбором’ исключается из-за отсутствия ИЭ 2.

2. Анализ смысловых компонентов

Выделяются ключевые компоненты смысла, регулярно встречающиеся в определениях разных глаголов данной группы. Эти компоненты будут служить индикаторами общей эмоциональной семантики.

Для приведённых примеров выделим такие элементы: «удивляться», «неожиданное событие, явление», «изменение состояния сознания», «реакция тела». Эти признаки являются общими для всех перечисленных глаголов и позволяют отнести их к группе выражения удивления.

Шаг 3: Определение идентифицирующего компонента

Завершающий этап предусматривал классификацию извлечённых сем в соответствии с установленными типами: категориально-грамматическая сема, фиксирующая грамматические свойства глагола; лексико-грамматическая сема, уточняющая его лексические связи; категориально-лексическая сема, представляющая основное значение; дифференциальные семы, выявляющие уникальность и различия данного глагола; и коннотативные семы,

передающие эмоционально-экспрессивные и оценочно-функциональные оттенки значения.

Наиболее частотный компонент общего смысла становится основой для идентификации глаголов-эмоций. Так, наиболее часто встречающееся значение – монг. *гайхах*, которое присутствует в большинстве приведённых примеров. Этот компонент становится основным критерием для отнесения остальных глаголов к группе «глаголы удивления». Таким образом, монг. *гайхах* выступает в роли глагола-идентификатора для данной группы.

Дополнительным подтверждением может служить анализ глагола согласно признакам, выделенным А. М. Кузнецовым [Кузнецов, 1980: 77]:

1) рассматриваемый глагол *гайхах* состоит из одного корня (*гайха-*) и суффикса инфинитива (*-х*). Это достаточно простая структура, не содержащая сложных аффиксальных образований или чередований;

2) примеры из Монгольского национального корпуса показывают широкую сочетаемость данного глагола, в частности с наречиями, субъектами и объектами удивления, придаточными конструкциями и т.д.

3) монг. *гайхах* – исконно монгольский глагол от основы *γaγiqa-* [ЭСМЯ 2, 2016: 23];

4) значение *гайхах* уникально среди других глаголов группы. Оно означает именно общее ощущение удивления, не сужаясь до конкретных форм реакции. Значение охватывает широкий спектр ситуаций, не пересекаясь существенно с другими словами группы.

Подобным образом выделены такие базовые глаголы идентификаторы как:

1) стпм. *ауиқи* ‘бояться, страшиться’ [Голстунский 1, 1895: 1], бур. *айха* [БРС 1, 2010: 45], монг. *айх* [БАМРС 1, 2001: 201], калм. *әәх* ‘бояться’ [ТСКЯ 1, 2022: 69];

2) стпм. *ičekü* [Голстунский 1, 1895: 137] ‘стыдиться’, бур. *эшэхэ* ‘стыдиться’ [БРС 2, 2010: 684], монг. *ичих* ‘стыдиться, конфузиться’;

стесняться, совеститься' [БАМРС 2, 2001: 441], калм. *ичх* 'стыдиться' [КРС, 1977: 275];

3) стпм. *bayarlaqu* 'радоваться, веселиться' [Голстунский 2, 1894: 209], бур. *баярлаха* 'радоваться, веселиться, приходить в восторг' [БРС 1, 2010: 124], монг. *баярлах* 'радоваться, веселиться, ликовать, приходить в восторг' [БАМРС 1, 2001: 392], калм. *байрлх* 'торжествовать, радоваться, быть радостным' [КРС, 1977: 77];

4) стпм. *uyidqu* 'печалиться, скучать, горевать, скорбеть, беспокоиться, заботиться' [Голстунский 1, 1895:146], бур. *уйдаха* 'грустить, тосковать, печалиться, кручиниться' [БРС 1, 2010: 290], монг. *уйдах* 'скучать, тосковать, грустить, печалиться, кручиниться' [БАМРС 3, 2001: 1056], калм. *уйдх* 'грустить, тосковать' [ТСКЯ 2, 2022: 233];

5) стпм. *ayurlaqu* 'гневаться, сердиться, злоумышлять' [Голстунский 1, 1895: 16], бур. *уурлаха* 'злиться, сердиться' [БРС 2, 2010: 311], монг. *уурлах* 'сердиться, злиться; раздражаться; гневаться; возмущаться' [БАМРС 3, 2001: 1125], калм. *уурлх* 'сердиться, злиться, гневаться' [КРС, 1978: 542];

6) монг. *зэвүүрхэх* '1) возмущаться; 2) испытывать отвращение' [БАМРС 2, 2001: 398], бур. *жэрхэхэ* 'чувствовать отвращение, брезговать' [БРС 1, 2010: 366], калм. *жигших* '1. чувствовать отвращение, омерзение, гадливость 2. испугаться, отшатнуться, отпрянуть' [ТСКЯ 1, 2022: 294];

7) стпм. *γauīqaqu* 'удивлять, быть изумлённым' [Голстунский 2, 1894: 158], монг. *гайхах* '1. удивляться, изумляться, приходить в изумление; дивиться, повергнуть в изумление; любоваться 2. поражаться, ахать от удивления 3. поражаться, ахать от удивления' [БАМРС 1, 2001: 512], бур. *гайхаха* 'удивляться, изумляться, дивиться, поражаться' [БРС 1, 2010: 189].

Кроме того, на основе компонентного анализа слов эмотивных глаголов выделены ближайшая и отдалённая периферии для каждой из описываемых функционально-семантических групп, дано схематичное изображение результата данной процедуры. Процедура выделения ближайшей и отдалённой периферии эмотивных глаголов на основе компонентного анализа

заключается в поэтапном сопоставлении их семантических компонентов (сем), что позволяет выявить степень близости или расстояния между словами в функционально-семантической группе: путем идентификации центральных и периферийных сем, установления уровня совпадения и расхождения между словами формируются категории непосредственной близости (общие семы преобладают) и удалённости (разнообразие уникальных сем), обеспечивая чёткую организацию пространства значений глаголов. Рассмотрим подобное схематичное изображение ФСГ глаголов со значением «стыдиться» в калмыцком языке. Согласно представленной схеме, калм. *ичх* служит глаголом-идентификатором функционально-семантической группы; ближайшая периферия состоит из пяти глагольных единиц, дальняя – из одной.

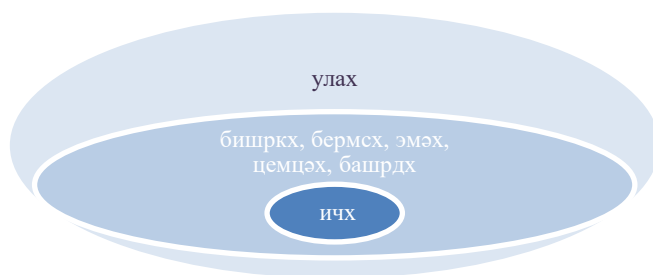

Рис. 1. ФСГ глаголов со значением «стыдиться» в калмыцком языке

Полученные в результате компонентного анализа данные также служат основой для последующего подразделения каждой функционально-семантической группы на пять подгрупп, выделенных по значению дифференциальных сем:

- 1) «испытывать определённое состояние; быть, находиться в определённом эмоциональном состоянии». Эмоция в данной подгруппе передается как неактивное, замкнутое в субъекте состояние;
- 2) «прийти в какое-либо эмоциональное состояние, становиться наполненным каким-либо состоянием». Эмоция отражена в развитии;
- 3) «вызвать определённое состояние (через воздействие на субъект)»;

- 4) «чувствовать определённое отношение к чему-либо, кому-либо, направленное на что-либо или вызванное чем-либо»;
- 5) «выражать во внешности, жесте, эмоциональное отношение к эмоции».

Употребление по отношению к выделяемым лексическим множествам терминов «функционально-семантическая группа слов» и «функционально-семантическая подгруппа» обусловлено учетом не только первичной, но и вторичной эмотивной номинации в литературно-художественном контексте при составлении семантической классификации эмотивных глаголов в монгольских языках. Прежде всего здесь имеется в виду «исследование особенностей употребления лексики в различных типах функционально-речевого контекста... с целью более полного выявления состава лексико-семантических множеств, включающих не только основные значения, но и неосновные, переносные в том числе» [Бабенко, 2020].

Каждой функционально-семантической группе присваивается семантическая идея, на основании которой все входящие в нее единицы объединяются в единое целое. Эта идея формулируется в виде обобщённой дефиниции, позволяющей выявить общий смысл всех элементов данной подгруппы. Каждый синонимический ряд, входящий в такую группу, конкретизируется посредством прототипического сценария, который включает в себя не только лингвистические аспекты, но и энциклопедические данные, культурологическую специфику и модально-оценочную составляющую. Таким образом, структура функционально-семантических групп становится многослойной и насыщенной разными уровнями значимости, что способствует глубокому пониманию и использованию каждого элемента языка в речи [Бабенко, 2022: 25].

Обобщённая иерархия функционально-семантических групп эмотивных глаголов в монгольских языках представляется следующим образом:

1. идентификатор,

2. функционально-семантические подгруппы внутри каждой из указанных групп,
3. синонимические ряды внутри каждой подгруппы,
4. глагол, непосредственно обозначающий эмоцию.

При этом функционально-семантические группы изучаемых глаголов могут пересекаться на уровне полисемии как между собой, так и с ФСГ глаголов речи, поведения, интеллектуальных действий и других тематических областей.

2.2. Основные функционально-семантические подгруппы эмотивных глаголов в монгольских языках

В рамках предлагаемой классификации в составе ФСГ с учетом регулярно повторяемых дифференциальных сем определённого аспекта формируются функционально-семантические подгруппы. Всего выделено 5 функционально-семантических подгрупп.

Функционально-семантическая подгруппа глаголов эмоционального состояния охватывает группу глаголов, обозначающих внутренний опыт переживаний, сопровождающихся ощущениями внутренней наполненности определёнными эмоциями, такими как грусть, радость, страх и др. Основной особенностью данной подгруппы является полное отсутствие активных проявлений, поскольку речь идет исключительно о внутреннем восприятии эмоций, находящихся вне сферы сознательного контроля и деятельности субъекта. Глаголы не предполагают какой-либо внешней реализации эмоции, напротив, фиксируют сам факт пребывания субъекта в соответствующем эмоциональном состоянии, отличающемся ограниченной длительностью и преимущественно интимностью переживаний. Человек не проявляет активно свою эмоцию вовне, она лишь внутренне фиксируется сознанием, пребывая в пределах личного опыта, например, калм. *алңтрх* 'удивляться, быть удивлённым' [КРС, 1977: 36], бур. *уйдхарлах* 'грустить, печалиться,

скорбеть' [БРС 1, 2010: 290], монг. *уурсах* 'сердиться, гневаться' [БАМРС 3, 2001: 1125].

Подгруппа глаголов становления эмоционального состояния включает в себя глаголы, репрезентирующие эмоции в развитии, в динамике, а также аналитические конструкции, отражающие процесс перехода от одного эмоционального состояния к другому либо возникновение нового эмоционального переживания. Здесь внимание акцентируется именно на фазовом характере, на движении от нейтрального или предшествующего эмоционального состояния к новому состоянию, которое постепенно формируется и становится устойчивым, например, монг. *хилэнлэх* 'гневаться, приходить в ярость, сердиться' [БАМРС 4, 2002: 1305]. Глаголы данной подгруппы часто возникают в ситуациях, связанных с воздействием извне, реакцией на события или внешние стимулы. То есть событие вызывает определённое внутреннее состояние, и этот процесс фиксации развития эмоции отражает её динамическое начало. Например, субъект слышит радостную новость («обрадовать») → испытывает нарастающее чувство радости («становиться радостным»).

В данной подгруппе эмотивных глаголов широко представлены сложные глагольные конструкции, которые представляют собой как несколько видов аналитических конструкций, так и эмотивные парные глагольные сочетания.

Аналитические конструкции представляют собой особый класс грамматически обусловленных синтаксических единств, формируемых по определённым существующим в языке моделям. Они являются результатом процесса грамматикализации, выражают семантико-грамматическое значение, часто складываются из нескольких лексем, каждая из которых сохраняет свою морфологическую самостоятельность, однако образует единое целое с точки зрения смысла и функций [Пюрбеев, 1972: 31]. В отношении эмотивных глаголов можно выделить следующие аналитические конструкции:

1. Субстантивно-глагольные аналитические конструкции с глаголами: бур. *хүрэхэ*, монг. *хүрэх*, калм. *күрх* ‘быть охваченным чем-либо, быть преодолеваемым чем-либо’, монг. *төрөх* ‘возникать, происходить’ (о переживаниях), монг. *гаргах* ‘выходить, выделяться’, бур. *хүдэлхэ*, монг. *хөдлөх*, калм. *көдлх* ‘зарождаться, пробуждаться’ (о каких-л. побуждениях, желаниях) – показывают начальную стадию развития эмоции. Отметим, что наиболее продуктивным во всех трех языках является вспомогательный глагол: бур. *хүрэхэ*, монг. *хүрэх*, калм. *күрх*.

Үшөө нэгэ сүхалаа хүрэхэ шалтаг досоонь бии [ЭКБЯ. Д. Эрдынеев. «Энэ наһан». 1968] ‘У него внутри есть ещё одна причина разозлиться’ [здесь и далее перевод наш. – Е. Б.].

2. Адъективно-глагольные конструкции с глаголами бур. *болохо*, монг. *болох*, калм. *болх* ‘становиться, делаться кем-чем-либо, каким-либо; превращаться в кого-что-либо’ выражают переход в какое-либо эмоциональное состояние, указываемое сочетающимся с ним прилагательным; бур. *байха*, монг. *байх*, калм. *баах* ‘быть каким-либо’ показывают пребывание в каком-либо эмоциональном состоянии, подчеркивается продолжительность такого состояния.

Эжы бидэ хоёр сухааритай, баһа талхатай болоһондоо хүхюутэй боложо... [ЭКБЯ. Х. Намсараев. «Үүрэй толон». 1959] ‘Мы с мамой обрадовались тому, что у нас появились сухари и мука...’

Уранхай майхантай хүний газарт яаж амьдарна даа гэж үргэлж сэтгэл нь шаналж байсан хүн дөрвөн ханатай овоо гэртэй болоход яахин баярлахгүй байх билээ. [ЭКМЯ. Чадраабалын Лодойдамба. «Тунгалаг Тамир». 1973] ‘Как был бы не рад человек, беспрестанно переживающий о том, как он будет жить в этом месте с дырявой палаткой, оказавшись владельцем хорошей четырёхстенной юрты’.

3. Звукоподражательное слово со вспомогательным глаголом *гэх* показывает внезапность испытываемой эмоции, как правило, страха: калм. *пард гих* ‘вздрогнуть от неожиданности’ и др.;

4. Аналитические конструкции двух глаголов, связанные между собой подчинительной связью – эмотивный глагол в форме слитного деепричастия + вспомогательные глаголы бур. *алдаха, гэхэ, абаха*, монг. *алдах, гэх, авах*, калм. *алдх, гих, авх* – выражают эмоцию, проявленную не в полной мере либо непродолжительно: бур. *айн алдаха* ‘труситься, опасаться, немного бояться’ и др.;

5. Адвербиально-глагольные сочетания – выражают степень проявленности эмоции: калм. *икэр дэх* ‘сильно бояться’ и др.

Эмотивные парные глагольные сочетания представляют собой структурно-замкнутые соединения двух глаголов для передачи какого-нибудь эмоционального состояния, основанные как на сочинительной связи, так и на подчинительной связи. Сочетаться могут как глаголы, содержащие в себе сему «чувствовать какую-либо эмоцию», так и глаголы различного смыслового содержания. Их цель – выразить интенсивное эмоциональное состояние говорящего посредством комбинации различных глаголов, часто такие сочетания усиливают восприятие эмоции благодаря использованию контрастных или синонимичных значений: монг. *баярлах хөөрөх* ‘сильно радоваться’, бур. *сэнгэхэ хүхихэ* ‘радоваться, развлекаться’, калм. *байсад бахтх* ‘радоваться’, монг. *ичих-зовох* ‘очень стесняться’ и т.д. Еще одной функцией становится уточнение характера протекания эмоции.

Функционально-семантическая подгруппа глаголов эмоционального воздействия объединена категориально-лексической семой «вызвать определённое эмоциональное состояние».

По категориальному признаку глаголы подгруппы включаются в класс каузативов. Глаголы эмоционального воздействия обозначают психические воздействия на эмоциональную сферу человека, каузацию эмоциональных состояний. Н. К. Онипенко называет их глаголами каузации психического состояния (эмоции), или каузативными эмотивами. Они означают каузативную ситуацию, соединяющую два события: первое – бытие, действие или состояние чего-либо или кого-либо, и второе – эмоциональное состояние.

В результате воздействия на эмоциональное состояние и «восприятия субъектом личным первого (каузирующего) положения дел» человек испытывает эмоциональное состояние [Онипенко, 2020: 84]. Отличие эмотивной каузативной конструкции от других каузативных конструкций состоит в том, что в ней есть опосредованное воздействие: между одним диктальным компонентом (каузирующим событием) и другим диктальным компонентом (эмоциональной реакцией) существует третий (модусный) – восприятие и осмысление вторым субъектом поступков первого субъекта.

Эта группа глаголов является одной из наиболее многочисленных, поскольку практически от любого глагола могут образовываться каузативные дериваты. На основе анализа способов выражения каузативности выявлено, что эмотивные глаголы монгольских языков со значением эмоционального воздействия тяготеют к морфологическому выражению категории каузативности. Маркерами каузативов выступают словообразовательные суффиксы, например, монг. *хачирхах* ‘дивиться, удивляться, изумляться’ – монг. *хачирхуулах* ‘удивлять, изумлять’. Помимо морфологического способа образования каузативной формы, эмоциональное воздействие также выражается посредством сложных глагольных конструкций: монг. *цухал хүргэх* ‘разозлить’, бур. *айлгажа байха* ‘держат в страхе’ и т.д. Отмечены также примеры с лексическим способом выражения каузативности. Такие каузативные глаголы не имеют специальных аффиксов, каузативность получает имплицитное выражение: монг. *балчих* ‘стыдить, смущать’ [БАМРС 1, 2001: 378] и др.

Функционально-семантическая подгруппа глаголов эмоционального отношения – категориально-лексическая сема – «чувствовать определённое эмоциональное отношение к чему-, кому-либо, направленное на что-либо или вызванное чем-либо». Чувства изображаются как активный процесс: стпм. *kögseyikü* ‘озлиться, прийти в азарт (от гнева), вспылить’ [Голстунский 3, 1893: 479], монг. *гайхширах* несет значение ‘перестать знать, что делать, обдумать в сомнении, колебаться от большого удивления’ [МХИТТ]. Данная подгруппа

описывает активные, направленные чувства и эмоции субъекта по отношению к объекту, человеку или событию. Центральным элементом здесь выступает внутреннее переживание субъекта, связанное с отношением к чему-либо. Субъект осознаёт своё отношение и воспринимает его как акт своего сознания.

Функционально-семантическая подгруппа глаголов внешнего выражения эмоций – категориально-лексическая сема – «выражать во внешности, жести эмоциональное состояние, эмоциональное отношение к кому-либо или чему-либо». Глаголы данной подгруппы характеризуют способы, которыми внутренние эмоциональные состояния находят внешнее выражение посредством действий тела, мимики, речи или поведения. Основное назначение таких глаголов состоит в передаче визуальных признаков, звукового сопровождения и иных поведенческих индикаторов, свидетельствующих о наличии определённой эмоции у субъекта. Ключевое отличие от предыдущей подгруппы в том, что внимание смещается на манифестацию эмоций в виде физических сигналов, телодвижений, жестов, голоса и других объективируемых характеристик.

Рассматриваемые эмотивные глаголы обладают богатым спектром лексического обозначения внешнего выражения эмоций. Для изображения внешних проявлений эмоции используются глаголы движения, уничтожения, становления качества, свечения, цвета и т.д.

Так можно выделить:

а) физические признаки включают разнообразные телесные реакции, сопровождающие эмоциональные состояния, например, бур. *гуныха* [БРС 1, 2010: 224], бур. *гунхайха* ‘1) ходить с поникшей головой; 2) перен. быть подавленным горем, иметь понурый вид’ [БРС 1, 2010: 223];

б) жестикуляция и поведение: данная категория объединяет глаголы, показывающие двигательные акты, иллюстрирующие внутреннее состояние, например, калм. *эгдүтх* ‘негодовать, возмущаться’ [ТСКЯ 2, 2022: 515];

в) звуковое сопровождение: характеризуется звуковыми признаками, отражающими интенсивность и природу эмоции. Сюда входят глаголы,

передающие различные типы голосовых реакций, например, монг. *гутчих* ‘беспрерывно мучиться, всё время быть в отчаянии, стонать от отчаяния’ [БАМРС 1, 2010: 633];

г) изменения мимики лица, мимические знаки играют важную роль в отображении эмоциональных процессов: стпм. *küntüylgekü* ‘нахмурить брови’ (выражение гнева) [Голстунский 3, 1893: 451].

Проблема классификации эмотивных глаголов обусловлена сложностью их семантики, возникающей вследствие сочетания нескольких категориально-лексических сем, каждая из которых обладает равной значимостью. Данные глаголы часто объединяют указания на непосредственно эмоцию и психические, физические реакции субъекта, причем последняя нередко характеризуется сложной структурой, что усложняет их распределение по функционально-семантическим подгруппам.

Предлагаемый метод решения данной проблемы заключается в выделении основного эмоционального компонента и последующем анализе контекста реального употребления, позволяющем определить наиболее релевантную категориально-лексическую сему. Такой подход обеспечивает гибкость исследования и учитывает специфику функционирования эмотивных глаголов, характеризующихся многообразием смысловых оттенков и межкатегориальным взаимодействием.

Итак, представленные подгруппы охватывают весь спектр эмоциональных явлений в языке: от непосредственных ощущений и переживаний до активных процессов смены эмоциональных состояний и воздействий одних лиц на эмоциональное состояние других. Такая классификация позволяет ясно различать нюансы употребления глаголов, связанных с эмоциональной сферой.

2.3. Типы парадигматических отношений внутри ФСГ эмотивных глаголов в монгольских языках

Идея системности в области лексико-семантической организации языка впервые сформулирована М. М. Покровским, который утверждал, что «слова и их значения образуют в нашем сознании взаимосвязанные группы, объединяющиеся естественным образом либо благодаря сходству, либо вследствие прямой противоположности основного значения» [Покровский, 1959: 82]. На современном этапе идея системности языка не вызывает разногласий. Основными типами семантических связей считаются многозначность, синонимия, антонимия, гипонимия.

Многозначность слов отражает системность лексико-семантической системы языка, поскольку основана на единой смысловой структуре многозначного слова, сохраняемой посредством внутренних связей между различными значениями одного и того же слова. Вслед за В. В. Виноградовым, А. И. Смирницким, Е. Г. Беляевской и С. Г. Васильевой, А. П. Султановой считаем, что такие внутренние связи реализуются благодаря общей семантической составляющей – «семантическому стержню», объединяющему разные значения многозначного слова. Отметим, что формирование значения подразумевает возможность его изменений, однако при этом сохраняются устойчивые семантические признаки [Султанова, 2008: 131].

В семантической структуре монгольских эмотивных глаголов отмечаются три типа проявления многозначности:

1. глаголы, обозначающие эмоцию во всех своих лексико-семантических вариантах, например, монг. *эмээх* '1) страшиться, бояться, побаиваться; 2) тревожиться, опасаться, остерегаться; 3) стесняться, смущаться' [БАМРС 4, 2002: 1699];

2. глаголы, обозначающие эмоцию в первичных лексико-семантических вариантах: калм. *үргх* '1. пугаться, шарахаться, бросаться в сторону (о животных) 2. вспархивать (о птицах)' [КРС, 1977: 554], бур. *баясаха*

‘1) радоваться, веселиться; быть довольным; 2) быть признательным’ [БРС 1, 2010: 124] и т.д.

3. глаголы, обозначающие эмоцию во вторичных лексико-семантических вариантах: бур. *ганирха* ‘1) кричать на кого-л.; 2) беситься, бесноваться, быть вне себя’ [БРС 1, 2010: 194], монг. *хөгжих* ‘1) развиваться, прогрессировать, процветать; приходить в цветущее состояние; 2) веселиться, забавляться; иметь охоту, рвение, желание, быть в хорошем настроении; 3) разгораться, гореть, пылать’ [БАМРС 4, 2002: 1356].

Анализ словарных статей лексикографических пособий, а также примеров из Национальных корпусов рассматриваемых языков позволяет сделать вывод о том, что пополнение глагольной эмотивной лексики в изучаемых языках происходит преимущественно путем формирования переносных значений у глаголов конкретного значения. В ходе исторической эволюции языка, посредством семантического сдвига, глаголы начинают обозначать различные явления объективной реальности, имеющие сходство с первоначальной денотацией по ряду признаков или свойств. Расширение объема слова у эмотивных глаголов в монгольских языках осуществляется за счет:

1. метафорический перенос, основанный на сходстве внешних признаков и форм. Например, образ кипящей воды используется для иллюстрации силы эмоций (гнев, возмущение) – монг. *бурчигнах* ‘1) бурлить, булькать, клокотать (о кипящей воде 2) перен. сильно гневаться, сердиться’ [БАМРС 1, 2001: 438].

2. метафорический перенос, основанный на общности характера движений. Например, вода, вздымающаяся в океане, служит основой для представления волнения души – монг. *долгилох* ‘1) волноваться, быть в волнении, приходить в волнение, бурлить, нервничать; 2) плескаться, вздыматься (о море)’ [БАМРС 1, 2001: 714].

Своеобразие семантической структуры данных глаголов способствует тому, что они, обозначая динамику эмоциональных состояний,

эмоциональные установки и внешние проявления эмоций, пополняют такие функционально-семантические подгруппы как «становление эмоционального состояния», «воздействие», «отношение», «выражение».

Анализ взаимодействия вторичных эмотивных значений с их производящими значениями выявил определённые закономерности. Универсальная стратегия вербализации эмоций заключается в использовании глаголов, обладающих семантикой разрушения, перемещения, физиологических процессов, заболеваний, а также температурных и хроматических характеристик.

Кроме того, имеются определённые тенденции развития вторичных номинаций у определённых функционально-семантических групп эмотивных глаголов. Так ФСГ глаголов грусти пересекается с группой слов звучания, уничтожения, повреждения, давления, падения, состояния среды, цвета: например, монг. *гутах* '1) портиться; ухудшаться; срамиться, позориться; 2) терять надежду, унывать, отчаяться; 3) приходить в замешательство, в смущение' [БАМРС 1, 2001: 633], калм. *урудх* '1) идти, спускаться вниз, 2) идти, двигаться вдоль, по... 3) падать духом, малодушничать' [ТСКЯ 2, 2022: 248] и т.д.

Глаголы злости ассоциируются с действиями животных, кипением, разрушением, болью: бур. *бурьялха* '1) бурлить, клочкотать; пениться, переливаться через край; 2) подниматься столбом (например, о пыли), клубиться; 3) перен. горячиться' [БРС 1, 2010: 156], монг. *хордох* '1) отравляться 2) злобствовать, таить злобу; досадовать, сердиться 3) завидовать' [БАМРС 4, 2002: 1338], монг. *хорсох* '1) чувствовать жгучую боль; жечь, испытывать жгучую боль; 2) перен. ненавидеть, таить злобу против кого-либо; злобствовать; негодовать, досадовать на кого-либо' [БАМРС 4, 2002: 1342] и т.д.

Противопоставленность лексических единиц по одному семантическому признаку в составе функционально-семантического класса выявляет другое парадигматическое отношение – антонимическое. При

противопоставлении лексических единиц в антонимические отношения вступают слова, значения которых осмысляются как противоположные за счёт того, что они называют соответствующие реалии, способные в действительности противопоставляться.

В рамках ФСГ глаголов эмоции в антонимических отношениях находятся глаголы, выражающие противонаправленность эмоциональных действий и состояний. Например, антонимами являются как отдельные лексемы (бур. *уйдаха* – бур. *баярлаха*), так и отдельно взятые функционально-семантические подгруппы (глаголы со значением ‘грустить’ – глаголы со значением ‘радоваться’). Кроме того, внутри каждой подгруппы также возможны дополнительные градации, зависящие от интенсивности переживания (например, легкий страх и ужас), что усложняет картину антонимичных связей: монг. *балмагдах* ‘ужасаться, прийти в ужас, страшно испугаться (от внезапности)’ [БАМРС 1, 2001: 377] – монг. *гальхрах* ‘робеть; побаиваться’ [БАМРС 1, 2001: 523]. Однако данное явление не широко распространено среди эмотивных глаголов.

Изучение антонимического ряда показывает, что структура и характер оппозиции зависят от конкретных оттенков смысла каждого конкретного языкового элемента. Например, одно и то же слово может выступать антонимом к разным словам в зависимости от контекста употребления: монг. *шантрах* ‘1) ломаться, разрушаться; уничтожаться; 2) теряться, робеть, бояться; 3) рассеиваться, разбегаться; 4) расстраиваться; разочаровываться, сокрушаться; печалиться; 5) утихать, успокаиваться (о гневе)’ [БАМРС 4, 2002: 1611].

Одним из основных проявлений системности функционально-семантической группы (ФСГ) является наличие синонимии.

Большинство лингвистов выделяют такие группы синонимов, как абсолютные, идеографические и стилистические.

Говоря об абсолютных синонимах, следует сказать, что их существование часто подвергается сомнению. Однако на основе приемов

выделения абсолютных синонимов Н. Б. Дугарова [Дугаров, 1978: 42] (отсылка в словаре на коррелят через помету см., ср., перевод на язык одним и тем же словом, возможное употребление в парном сочетании) можно считать, что среди эмотивных глаголов существуют абсолютные синонимы: бур. *хируүдэхэ* – бур. *хируүтэхэ*, монг. *гунирах* – монг. *гунсрах* – монг. *гансрах*, бур. *гунхыха* – бур. *гунхайха*, монг. *урилах* – *уурлах* и т.д. Абсолютные синонимы действительно являются редким феноменом, однако их наличие становится очевиднее среди фонетических вариантов одной основы. Именно такие формы демонстрируют максимальную близость значений и практически полное совпадение функций в речи.

Идеографические синонимы – это «семантический синоним, содержащий по отношению к доминанте различительные содержательные семы» [Жеребило, 2010: 324]. Большинство глаголов объединяются в синонимические ряды, демонстрируя близкие или идентичные смыслы при различиях в оттенках значений и стилистическом употреблении.

Рассмотрим примеры, иллюстрирующие организацию синонимического ряда (далее СР) «осторожность, осмотрительность (из-за страха)» в калмыцком языке. Интегральной семой в данном ряду выступает сема «остерегаться». Ряд состоит из четырех членов, и в качестве доминантного слова может выступать калм. *саглх* ‘остерегаться’ [КРС, 1977: 435], которое отражает общее свойство всех членов ряда. Выделение доминантного слова возможно не во всех СР, точных критериев выделения подобных слов не существует. Говоря о составе СР, следует отметить, что разными авторами по-разному решается вопрос о критериях выделения состава СР, но в целом, как и другие множества, СР явление незамкнутое, обладающее размытыми границами.

Остальные члены ряда, такие как калм. *болһах* ‘быть осмотрительным, быть осторожным, быть внимательным’ [ТСКЯ 1, 2022: 128] калм. *хальшрх* ‘не решаться сделать что-либо, пасовать’ [КРС, 1977: 573] и калм. *сежглх* ‘проявлять мнительность, остерегаться’ [КРС, 1977: 448], осложняются

выражением дополнительных действий. Дифференциальные семы выражают индивидуальные особенности каждого члена ряда: калм. *болһах* – ‘остерегаться и поэтому быть внимательным’, калм. *хальширх* – ‘остерегаться и не решаться сделать ч-л.’, калм. *сежглх* – ‘остерегаться и проявлять мнительность’.

Для того чтобы убедиться, что члены синонимического ряда обладают общим интегральным значением, то есть обозначают оттенки одного и того же понятия, необходимо сопоставить их сочетательные возможности [Шагдарова 2007: 142].

Стилистические синонимы – это близкие по значению либо одинаковые слова, отличающиеся друг от друга своей принадлежностью к разным стилям речи и наличием дополнительной экспрессии или эмоциональной окраски [Цыбикова, 2003: 137]. По данным лексикографических источников, можно утверждать, что эмотивные глаголы в монгольских языках обладают выраженной стилистической разнородностью и дифференциацией. Нейтральные синонимы широко используются, тогда как высокостилевые чаще встречаются в письменной речи, а сниженные характерны преимущественно для устной формы общения. Таким образом, функциональная роль стилистических синонимов заключается в структурировании общей массы эмоционально заряженных слов и выделении среди них групп высокой, нейтральной и низкой (разговорной) стилистической принадлежности, например, бур. *баярлах* «нейтр.» ‘радоваться, веселиться, приходить в восторг’ – бур. *баясах* «высок.» ‘1) радоваться, веселиться; быть довольным; 2) восторгаться чем-либо; 2) быть в хорошем настроении; 3) гордиться чем-либо’ – бур. *баярхах* «высок.» ‘1) быть довольным, восторгаться; 2) быть в хорошем настроении; 3) гордиться чем-либо’ – аяглах «книжн.» ‘1) вести себя игриво; 2) делать ужимки, манерничать; 3) веселиться, развлекаться’ – бур. *сэнгэхэ* «разг.» ‘1) веселиться, радоваться, развлекаться, забавляться; 2) наслаждаться; нежиться, блаженствовать’ [Санжина, 2009: 41].

Таким образом, эмотивные глаголы в монгольских языках характеризуются сложной системой многозначности, проявляющейся в трех типах: общем, первичном и вторичном значениях. Пополнение лексики происходит через образование переносных значений, основанных на метафорических и метонимических переносах. Среди парадигматических отношений выделяются антонимия и синонимия, включая абсолютные, идеографические и стилистические синонимы. Эти данные подчеркивают богатство выразительных ресурсов языка и его способность тонко передавать эмоциональные переживания.

Выводы по главе 2

1. Эмотивные глаголы в монгольских языках представляют собой сложную лексико-семантическую систему, организованную вокруг базовых глаголов-идентификаторов, таких как стпм. *ауиқи*, бур. *айха*, монг. *айх*, калм. *аах* 'бояться', стпм. *баярлақи*, бур. *баярлаха*, монг. *баярлах*, калм. *байрлх* 'радоваться' и других. Данные глаголы-идентификаторы определяются на основе высокой частотности употребления, широкого семантического объема и нейтральной стилистической окраски.

2. В результате проведенного компонентного анализа семантической структуры эмотивных глаголов выделено пять функционально-семантических подгрупп: глаголы эмоционального состояния (с категориально-лексической семой «быть в определённом эмоциональном состоянии»), глаголы становления эмоционального состояния («прийти в какое-либо эмоциональное состояние»), глаголы эмоционального воздействия («вызвать определённое состояние»), глаголы эмоционального отношения («чувствовать определённое отношение к кому-, чему-либо») и глаголы внешнего выражения эмоций («выражать во внешности, жесте эмоциональное отношение»).

3. Функционально-семантические группы эмотивных глаголов в монгольских языках характеризуются разветвлённой системой

парадигматических отношений. Многозначность проявляется в трех типах: глаголы, обозначающие эмоцию во всех своих лексико-семантических вариантах; глаголы, обозначающие эмоцию в первичных лексико-семантических вариантах; глаголы, обозначающие эмоцию во вторичных лексико-семантических вариантах.

4. Пополнение глагольной эмотивной лексики в монгольских языках происходило преимущественно путем формирования переносных значений у глаголов конкретного значения. Основными моделями метафорического переноса являются: перенос на основе сходства внешних признаков и форм, перенос на основе общности характера движений.

5. Антонимические отношения в системе эмотивных глаголов наблюдаются как между отдельными лексемами (бур. *уйдаха* – бур. *баярлах*), так и между целыми функционально-семантическими группами (глаголы со значением «грустить» – глаголы со значением «радоваться»). Дополнительная градация по интенсивности переживания (например, легкий страх и ужас) усложняет картину антонимичных связей.

6. Синонимические отношения представлены тремя типами синонимов: абсолютными, идеографическими и стилистическими. Идеографические синонимы отличаются оттенками значения при нейтральной стилистической окраске, что позволяет передавать тонкие нюансы эмоциональных переживаний. Стилистические синонимы демонстрируют функциональную стратификацию эмотивной лексики в монгольских языках.

7. Эмотивные глаголы проявляют значительную межкатегориальную подвижность, пересекаясь с глаголами мышления, речи, поведения, физиологических процессов. Это свидетельствует о целостном восприятии эмоциональной сферы в монгольской языковой картине мира и об интеграции эмоций в общую систему психических процессов человека.

ГЛАВА 3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМОТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

3.1. Глаголы со значением «бояться» в монгольских языках

В данную функционально-семантическую группу входят глаголы, объединённые семантической идеей «испытывать неприятное чувство от ситуации, воспринимаемой потенциально опасной, неприятной».

Всего в монгольском языке выделено 45 глаголов, из них 1 глагол – глагол-идентификатор, 6 – в ближайшей периферии, 30 глаголов – в средней периферии и 7 глаголов в дальней периферии (изображено на рис. 2).

Рис. 2. ФСГ глаголов со значением «бояться» в монгольском языке

В бурятском языке выделено 27 глаголов, из них 1 глагол – глагол-идентификатор, 5 глаголов – в ближайшей периферии, 21 – в дальней периферии (изображено на рис. 3).

В калмыцком языке выделено 18 глаголов, из них 1 глагол – глагол-идентификатор, 3 глагола – в ближайшей периферии, 14 глаголов – в дальней периферии (изображено на рис. 4).

Рис. 3. ФСГ глаголов со значением «бояться» в бурятском языке

Рис. 4. ФСГ глаголов со значением «бояться» в калмыцком языке

Как видно из рисунков 2, 3, 4, базовым глаголом-идентификатором эмоции страха в монгольских языках является стпм. *ayiqi* ‘бояться, страшиться’ [Голстунский 1, 1895: 1], бур. *айха* [БРС 1, 2010: 45], монг. *айх* [БАМРС 1, 2001: 201], калм. *әәх* ‘бояться’ [ТСКЯ 1, 2022: 69]. Данный глагол отличается от других глаголов тем, что чаще используется в речи как слово, наиболее полно отражающее всю совокупность значений, не имеющее ярко-выраженной эмоциональной окраски и каких-либо контекстных значений. Значение глагола в рассматриваемых языках схожее, однако на основе таблицы 1 видно, что монг. *айх* включает в себя значительно более широкий спектр значений, чем в бурятском и калмыцком языках.

Таблица 1. Значения базового глагола-идентификатора *айха, айх, ээх*

Источник	Бур. <i>айха</i>	Монг. <i>айх</i>	Калм. <i>ээх</i>
Толковый словарь	<i>хүрдэхэ, жэхыхэ, сошохо, зүрхэсэхэ</i>	1. <i>Ямар нэгэн аюул, гай зовлон, юм үзэгдлээс эмээн түгших, цочин бэрхиээх</i> 2. <i>Тэвдэх, сандрах</i>	<i>Юумнас сүрдх, чочх, сүмсэн алдх</i>
Двуязычные словари	бояться, пугаться, страшиться, ужасаться	бояться, пугаться, страшиться, опасаться, трусить, робеть, побаиваться, трепетать; испытывать страх, чувство страха; становится страшно	бояться, трусить, робеть пугаться

Глаголы, конкретизирующие эмоцию за счет оттенков, имеющих какие-то контекстные значения, можно классифицировать следующим образом:

Глаголы эмоционального состояния: категориально-лексическая сема – «быть в состоянии страха, испытывать страх»:

бур. *хүгэдэхэ* ‘бояться, пугаться’ [БРС 2, 2010: 572] (от стпм. *sügüdekii* ‘преклонить колено, стать на колено’ [Голстунский 2, 1894: 363]), – глагол, не имеющий аналогов в монгольском и калмыцком языках, вероятно, получивший свое значение в результате метонимического переноса: коленопреклонение становится маркером восприятия кого-либо потенциальным инициатором опасности ввиду обладания большей силы, власти и т.п.

...*Намсарай ноён нёлбоһон нёлбоһоёо һөөргэнь абажэ эдихэдээ болохо гэлсэдэгшье хаа, Ага соо үзүүр баян болоһон тайшаа ноёной урда бүгэдэ хүгэдэхэ уялгатай болодог бэлэй.* [ЭКБЯ. Д. Батожабай. «Төөригдэһэн хуби заяан». 1961] ‘Даже если говорят, что Намсарай ноён может отказаться от своих слов, все должны были бояться самого богатого тайши в Аге’.

монг. *жийрхэмших* ‘бояться, страшиться кого-либо’ [БАМРС 1, 2001: 302] – глагол, вероятно, образованный от стпм. *jigirkemchig* ‘страх, ужас, отвращение’ [Голстунский 2, 1894: 363], не имеющий параллелей в бурятском и калмыцком языках.

стпм. *girbiku* ‘бояться, трусить’ [Голстунский 3, 1893: 494] в современном монгольском потерял эмотивное значение (монг. *гирвих* ‘упасть духом, опуститься, сбиться с толку, потерять желание, не иметь мыслей’ [БАМРС 1, 2001: 562]). Рассматриваемый глагол демонстрирует эволюцию значения глагола от конкретного эмоционального состояния («бояться») к состоянию психологического упадка. Это изменение свидетельствует о расширении семантической сферы глагола, включении в его значение новых аспектов внутреннего состояния субъекта – когнитивного (потеря мысли), волевого (потеря желания) и эмоционального (опустошённость). Развитие значения данного глагола может служить примером перехода от узкоэмотивных значений к комплексному отражению психологического состояния индивида.

Глаголы становления эмоционального состояния: категориально-лексическая сема «прийти в состояние страха, становиться наполненным страхом».

Возникновение страха репрезентируется субстантивно-глагольными конструкциями с глаголами бур. *хүрэхэ*, монг. *хүрэх*, калм. *күрх* ‘быть охваченным каким-либо чувством’, бур. *түрэхэ*, монг. *төрөх*, калм. *төрх*: бур. *айдаһаа хүрэхэ* ‘брать, охватывать, находить, нападать (о страхе), становиться страшно’ [БРС 1, 2010: 43], монг. *айдас хүрэх* ‘бояться’ [БАМРС 1, 2001: 197], калм. *ээдсн күрх* ‘бояться’. В современном монгольском языке отмечено глагольное сочетание монг. *түгшүүр төрөх* ‘появляться (о страхе)’, в бурятском языке слово *түгшүүри* имеет значение ‘удушьё’, в калмыцком не отмечено; подобного глагольного сочетания в калмыцком и бурятском языках нет. В бурятском языке частично эмотивность сохранена в бур. *түгшүүритэй*

‘1) удушливый; 2) перен. замораживающий, гипнотизирующий (о глазах змеи); 3) тревожный, беспокойный, угрожающий’ [БАМРС 3, 2001: 265].

Отметим, что отдельных слов для выражения высшей степени страха в монгольских языках не так много, нами зафиксирован глагол монг. *балмагдах* ‘ужасаться, прийти в ужас, страшно испугаться (от внезапности)’ [БАМРС 1, 2001: 377] (от стпм. *balamaydaqu* ‘сумасбродствовать, поступать безрассудно, самовольно, своевольно, баламутить’ [Голстунский 2, 1894: 204]) и эмотивные парные глагольные сочетания с его участием: монг. *айж балмагдах* ‘внезапно испугаться, перепугаться’, монг. *балмагдаж сандрах, балмагдаж тэвдэх* ‘волноваться; переполошиться; прийти в расстройство от неожиданности’ [БАМРС 1, 2001: 377]. Языковые параллели с употреблением данного глагола в бурятском и калмыцком языках не обнаружены. Семантику глагола Е. В. Сундуева связывает с «производными корня **bal* ‘нечто темное, мрачное’: стпм. *bala boluqu* ‘потерять память, лишиться чувств от пьянства, старости’, стпм. *balai* ‘помрачённый, тупой’, стпм. *balamad, balamud* ‘необдуманно говорящий и действующий’ [Ковалевский, 1849: 1074] в связи с тем, что ужас может сопровождаться головокружением, потемнением в глазах и даже потерей сознания» [Сундуева, 2023: 135].

Өвгөн гарцаагүй болсон энэ явдалд балмагдан дахинч юм асуусангүй [ЭКМЯ. Дамбадаржаагийн Намсрай. «Энгэрийн гурван хайлаас». 1988] ‘Старик, ужаснувшись этому неизбежному происшествию, больше не задавал вопросов’.

Использование эмотивных парных глагольных сочетаний со значением «бояться», в частности, базового глагола-идентификатора бур. *айха*, монг. *айх*, калм. *аах* с более узким по значению глаголом, который дополняет значение страха каким-либо оттенком, несет в себе функцию усиления степени интенсивности выражения эмоции, его выразительности (ср. не просто «пугаться», а «ужасаться»). Данные конструкции довольно распространены. Проанализировав состав эмотивных глагольных сочетаний, можно заметить, что во многих таких конструкциях используются глаголы в неопределённой

форме или в форме слитных деепричастий, значительно реже – глаголы в форме соединительных деепричастий, например, монг. *айж балмагдах* ‘внезапно испугаться, перепугаться’ [БАМРС 1, 2001: 201], монг. *айн эмээх* ‘бояться, страшиться, опасаться’ [БАМРС 1, 2001: 201], калм. *ээж эмэх* ‘кровь стынет в жилах’ [КРС, 1977: 63], бур. *айха хүрдэхэ* ‘бояться, страшиться, ужасаться’ [БРС 1, 2010: 45], монг. *айн сүрдэх* ‘бояться, страшиться, пугаться’ [БАМРС 1, 2001: 201] и др.

Хүбүүнэй холын түрэл болохо Баваасан хэдышье бөөгэй заналта хараалые мэдэдэг, айн хүрдэдэг байгаашье хаа, хүбүүе үргэхээе абаа бэлэй. [ЭКБЯ. А. Бальбуров. «Зэдэлээтэ зэбэнүүд». 1972] ‘Несмотря на то, что Бавасан, являвшийся дальним родственником мальчика, знал и ужасался гнева и упреков шамана, он взял мальчика на воспитание’.

Гэвч Дампил аль тэр дээр цагаас эхлэн Өөллөгөө ноёныг сүүдэр мэт дагасан бөгөөд бишрэн сүсэглэх ба айн эмээх хүн нь ганцхан тэр байжээ. [ЭКМЯ. Донровын Намдаг. «Цаг төрийн үймээн». 1960] ‘Но с тех пор Дампил следовал за господином Өөллөгөө как тень, он был единственным человеком, которым можно было восхищаться и бояться’.

Тиигжэ би үвлин дуусн йовув, болв нанла ээх-чочх юмн харһсн уга [ЭККЯ. Н. Илюмжинов. «Ө-шуһу модна һазрт». 2009] ‘Так я уехал после окончания зимы, не увидел ничего, чего можно было бы страшиться’.

Во всех рассматриваемых языках для выражения сильного страха также распространена аналитическая конструкция с усилительными словами бур. *ехээр*, калм. *икэр*, монг. *ихээр* ‘сильно’ в препозиции:

Ехээр айха хүгэдэхые хэтэргээ хааш [ЭКБЯ. Э.-Х. Галшиев. «Бэлигэй толи». 1880-1915] ‘Если считаешь излишним сильно бояться’.

Нүкн, Көвчгин бөөрг, Уттын улан гидг һазрмудар одсн болхла тенүнэсн икэр ээх билэч [ЭККЯ. К.Эрендженов. «Һалан хадһл». 1979] ‘Если бы ты побывал в таких местах как Нюкен, Кёвчгин Беерг, Уттын Улан, то ещё бы сильнее испугался’.

Гэхдээ онгон дагшин ууланд гарч ой модноос нь хяргаж байгаа юм чинь лус савдаг хилэгнэвэл яана гэж хамгийн ихээр айна [ЭКМЯ. Ринчингийн Ганбат. «Найр». 1980]. 'Но больше всего я боюсь того, что, если ты пойдешь в нетронутые горы вырубать лес, разозлятся духи воды'.

Кроме вышеуказанных способов манифестации сильного страха, отметим, что верование монгольских народов о том, что бур. *hүнэһэн*, калм. *сүмсэн*, монг. *сүнс* 'душа' может отрываться от тела человека в результате сильного испуга, переживаний [Бадмацыренова, 2012: 35] и т. д., отразилось в его вербализации: калм. *сүмсэн алдх* 'смертельно испугаться' [КРС, 1977: 465], калм. *сүмс авх* 'напугать, вызвать страх, смятение' [ККРСГФ, 1971: 41], бур. *hүнэһөө хатаха* 'душа в пятки ушла' [БРС 2, 2010: 575], бур. *hүнэһөө гартаа бариха* 'душа в пятки ушла' [БРС 2, 2010: 575], монг. *сүнс гарах* 'сильно пугаться; замереть от страха' [БАМРС 3, 2001: 861], монг. *сүнс зайлах* 'сильно пугаться, замереть от страха', монг. *сүнс халих* 'сильно пугаться; замереть от страха' [БАМРС 3, 2001: 861], монг. *сүр сүнсгүй айх* 'сильно испугаться', 'душа в пятки ушла от страха' [БАМРС 3, 2001: 861] и др.

Следующая группа глаголов несет в себе оттенок страха перед определённым положением дел и осмотрительное, осторожное поведение, при этом вовсе не обязателен физический контакт с объектом, вызывающим страх (в данном случае больше подразумевается гипотетически опасное положение дел). Человек, который испытывает подобную эмоцию, владеет некоторой степенью контроля над ситуацией и может изменить её в свою пользу. Прототипический сценарий данной синонимической группы глаголов: «Х опасается, что его действие Y может быть опасным. X ведет себя осторожно».

Стпм. *bolūmṭīlaqu* 'быть осторожным, осмотрительным, остерегаться, побаиваться, быть внимательным' [Голстунский 2, 1894: 254], бур. *(айжа) болгоомжлохо* 'быть осмотрительным, вести себя осторожно' [БРС 1, 2010: 135], монг. *(айн) болгоомжлох* 'быть осторожным, осмотрительным; оберегаться, опасаться, остерегаться' [МХИТТ], калм. *болһамжлх* 'быть осмотрительным, вести себя осторожно' [КРС, 1977: 105], калм. *болһах* 'быть

осмотрительным, быть осторожным, быть внимательным’ [ТСКЯ 1, 2022: 128].

Би тиигээжэ хуу ойлгоноб. Сэрэн Цоколой бидэнэй ерэһые дуулаа хадаа манда тодохор татажа, аюул ушаруулжа болохо. Та хүсэтэй, юунһээшье тунхарихагүй хунта. Тиибээшье болгоомжолходо муу бэшэ. [ЭКБЯ. Б. Санжин. Б. Дандарон. «Заяанай зам». 1966] ‘Я так всё и понял. Так как Сэрэн слышал о том, что мы приехали с Цоколом, он может затеять трудности и подвергнуть опасности. Вы сильный, не от чего не отступающий человек. Однако быть осторожным это не плохо’.

Саяхан болтол бид эзэнгүй зуслангийн байшин саравч, лууль шарилжинд нуугдаж тоглодог байсан атал одоо тийнхүү тоглох байтугай бие биендээ хүрэхээсээ эмээн болгоомжлох болжээ. [ЭКБЯ. С. Эрдэнэ. «Наран тогоруу». 1972] ‘Еще недавно мы играли в прятки в заброшенных летних домах, навесах, бурьянах, а теперь боимся даже прикасаться друг к другу’.

Эднэнтн хов-худлнь дала, болһах кергтэ, эвтнь орад одвзат гihэд, часан хэлэһэд суув. [ЭККЯ. К. Эрендженев. «Һалан хадһл». 1979]. ‘Опасаясь, так как часто (они) врут, сплетничают, я смотрел на часы, стараясь успеть’.

Стпм. *jigkiki* ‘чувствовать отвращение, гнушаться, раздумывать, постоянно думать от страха, боязни’ [Голстунский 2, 1894: 365], бур. *жэыхэ* ‘опасаться, бояться’ [БРС 1, 2010: 366], монг. (бур. диал) *жихийх* ‘опасаться, бояться’ [МХИТТ] – локальный глагол, характерный на современном этапе только для бурятского языка, сохранившийся у бурят, которые проживают в Монголии и КНР. Интересно, что в языке шэнэхэнских бурят данная лексема имеет значение «холодеть, обдавать холодом» (по устному сообщению информанта Гунгаагай Дамбинима). Вероятно, первоначальный смысл глагола заключался в ощущении неприятия и отвращения, которое впоследствии развилось в переживание страха и опасности. У шэнэхэнских бурят произошло дальнейшее преобразование значения – оно приобрело физическую составляющую, обозначающую реакцию организма на сильный испуг («холодеть, чувствовать озноб»).

Гансаарханаа хүнийн харанхыда үлэһэнөө досоогоо жэхын мэдэбэб. [ЭКБЯ.С. Цырендоржиев. «Дуунай шэди». 1977] ‘Испуганно я осознал, что остался один в ночной темноте’.

Стпм. *jirükeseeki* ‘бояться, робеть’ [Голстунский 2, 1894: 368], бур. *зүрхэсэхэ* ‘робеть, не решаться, внутренне колебаться’ [БРС 1, 2010: 417], монг. *зүрхиих* ‘робеть, не решаться, трусить, бояться’ [БАМРС 1, 2001: 393] – глаголы, образованные от существительного *зүрх(эн)* ‘сердце’. Для монгольских народов сердце является одним из мест сосредоточения эмоций и душевных состояний человека. Так, оно имеет переносное значение ‘смелость, решимость, воля’, а «отсутствие сердца» рассматривается как трусость [Сундуева, 2012: 41]. Широко данная метафора представлена во фразеологических выражениях: бур. *зүрхэ алдаха* досл. потерять сердце ‘робеть, трусить’ [БРС 1, 2010: 51], монг. *зүрх алдах* досл. потерять сердце ‘робеть, трусить; терять присутствие духа’ [БАМРС 1, 2001: 393], калм. *зүрк алдх* досл. потерять сердце ‘трусить, не решаться’ [КРС, 1977: 260], монг. *зүрх шантрах* ‘робеть, трусить; терять присутствие духа’ [БАМРС 1, 2001: 393], монг. *зүрх үхэх* досл. умереть о сердце ‘робеть, трусить; терять присутствие духа’ [БАМРС 1, 2001: 393], бур. *зүрхэн амаараа гараха* ‘сердце чуть не выскочило через рот от испуга’ [БРС 1, 2010: 471], калм. *зүркн амар харх* досл. сердце выйдет через рот ‘бояться, испугаться, робеть, шарахаться’ [КРС, 1977: 260] и др.

Хүбүүнийнь эсэгынгээ юрэ буса хүйтэн шэгһээ зүрхэсэн алдаба янзатай, эхэдээ няалдаба. [ЭКБЯ. Д. Эрдынеев. «Хүлэг инсагаална». 1974] ‘Казалось, что сын, испугавшись необычного холодного вида отца, прижался к матери’.

Эргэж харахаасаа ч зүрхишиж бартаат жимээр хурд гарган давхив. [ЭКМБЯ. Д.Нямаа. «Арандалынхан». 1988] ‘Не осмелившись обернуться и посмотреть, он быстро помчался по дороге’.

Стпм. *етиуеки* ‘бояться, робеть, трусить, побаиваться, оберегаться, остерегаться, опасаться, обнаруживать испуг, тревогу; отлынивать от дела’

[Голстунский 1, 1895: 91] является глаголом с широким диапазоном значений. Однако развитие значения слова и семантического поля от стпм. *emiyeeki* происходило неравномерно. В современном монгольском языке зафиксирован глагол монг. *эмээх*, имеющий значение ‘страшиться, бояться, побаиваться’ [БАМРС 4, 2002: 1699], в данном случае речь идет не про конкретно испытываемую сильную эмоцию страха, а про интеллектуальную оценку потенциально опасной ситуации и попытку её избежать.

Глагол образует ряд глагольных сочетаний: монг. *эмээх зовох* ‘ощущать тревогу и холод’ [МХИТТ], монг. *эмээх ичих* ‘смущаться от страха’ [МХИТТ], монг. *айх эмээх* ‘бояться, страшиться’ [БАМРС 4, 2002: 1699] и является довольно частотным. Хотя монг. *эмээх*, калм. *эмэх*, бур. *эмээхэ* восходят к одной языковой форме (**emige* или **emi-ge*), которая связана с древнетюркским словом *emgä* ‘мучиться’ [ЭСМЯ 1, 2016: 214], в современном состоянии указанные единицы демонстрируют различия в семантике. Так, глагол калм. *эмэх* используется преимущественно в значении ‘стесняться, смущаться, быть скромным’ [КРС, 1977: 698], значение ‘чувство страха’ сохраняется в некоторых устойчивых сочетаниях типа калм. *эаж эмэх* ‘кровь стынет в жилах’ [КРС, 1977: 63], и в производном существительном калм. *эаман* ‘испуг, боязливость, боязнь’ [КРС, 1977: 62]. В бурятском языке соответствующий глагол бур. *эмээхэ (эмэйхэрхэ)* приобрёл совершенно иную коннотацию – ‘проявлять заботу, нежно обращаться с кем-то’ [БРС 2, 2010: 664]. Следует отметить, что среди бурятских глагольных форм, связанных с обозначением состояния страха, примеры с данным глаголом не встречаются [Бадмадоржиева, 2024: 202].

Тийн хамт сал урсгах болсондоо нэг талаар эмээж, нөгөө талаар баярласан болой. [ЭКМЯ. Сэнгийн Эрдэнэ. «Шар навчны халуун». 1988] ‘С одной стороны, я боялся, а с другой стороны, я был рад, что могу спустить на воду плот вместе с ним’.

Стпм. *berkesiyeki* ‘затрудняться, приходить в затруднение, находиться в затруднении, совеститься’ [Голстунский 2, 1894: 226], бур. *бэрхэиээхэ*

‘бояться трудностей, отступать перед трудностями’ [БРС 1, 2010: 175], монг. *бэрхиээх* ‘1) затрудняться, испытывать затруднение; считать что-либо трудным; 2) бояться трудностей; отчаиваться’ [БАМРС 1, 2011: 460] – глаголы являются более частным случаем интеллектуальной оценки, прототипически рассматривается негативная реакция на уже присутствующие или ожидаемые трудности: страх, сомнение в своих силах, возможность пассивного поведения, даже отказ от действий из-за сложности. В калм. *берких* [КРС, 1977: 97] ‘затрудняться, испытывать затруднения, считать что-либо трудным’, значения ‘бояться трудностей, отчаиваться’ не зафиксировано.

Түрэ хуримаа хүндөөрийе хэхэ гээ хаатнай, хүнгөөрийе хэхэ гээ хаатнай намда бэрхэиээхэ юумэ байхагүй. [ЭКБЯ. Х. Намсараев. «Үүрэй толон». 1950] ‘Даже если вы скажете, что свадьбу будем справлять богато или бедно, мне бояться нечего’.

Говоря о наличии некой внутренней преграды, которая мешает действовать, используется стпм. *qalaširaqu* ‘бояться, робеть, сокрушаться сердцем, соболезнавать, мучиться (внутренне)’ [Голстунский 2, 1894: 79], монг. *халирах* ‘не решаться приступить к кому-чему-либо; пасовать; робеть; не осмеливаться; бояться’ [БАМРС 4, 2002: 1242], калм. *хальшрх* ‘не решаться сделать что-либо, пасовать’ [КРС, 1977: 573].

Харин Долгорын тухай хэд хэдэн хүнээс асуух гэснээ сонсох хатуу хариунаас халираад зүрхэлсэнгүй. [ЭКМЯ. Чадраабалын Лодойдамба. «Тунгалаг Тамир». 1973] ‘Я пытался расспросить нескольких человек о Долгор, но не решался, потому что боялся услышать тяжелый ответ’.

Стпм. *sintaraqu* ‘сокрушаться, уничтожаться, терять дух, робеть, сокрушаться, скорбеть, печалиться, утихать, успокаиваться (в гневе)’ [Голстунский 2, 1894: 377], монг. *шантрах* ‘1) ломаться, разрушаться; уничтожаться; 2) теряться, робеть, бояться; 3) рассеиваться, разбегаться; 4) расстраиваться; разочаровываться, сокрушаться; печалиться; 5) утихать, успокаиваться (о гневе)’ [БАМРС 4, 2002: 1611], калм. *шантрх* ‘1. затушить, притупить 2. перен. пасть духом, деморализоваться’ [ТСКЯ 2, 2022: 473] –

наблюдается наличие метафорической связи между физическими процессами разрушения и внутренней жизнью человека. Идея разрушения предмета переносится на утрату жизненных сил или подавленность эмоций, что свидетельствует о взаимосвязанности восприятия внешнего мира и внутренних переживаний, находящей отражение в языковой структуре.

Хүрэлцэн алалдах цагт хүнээс урьд шантрах биз. [ЭКМЯ. «Сокровенное сказание монголов». 1947] ‘Когда придет время убивать, он забоится раньше всех людей’.

На основе анализа примеров из ЭКМЯ видно, что, помимо человека, субъектом страха с глаголом «шантрах» становятся монг. *зориг* ‘смелость, решимость, храбрость’, монг. *зүрх(эн)* ‘сердце, храбрость, смелость, мужество’.

Чиний ингэж зүрх шантрахыг мэдсэн бол чиний хатан эх Гүрбэсийг авчирч цэрэг захируулах билүү! [ЭКМЯ. «Сокровенное сказание монголов». 1947] ‘Если б знал, что ты так забоишься, привез ли бы твою мать госпожу Гурбэс управлять войсками!’

Стпм. *sejiglekü* ‘сомневаться, недоумевать, подозревать, не доверять’ [Голстунский 2, 1894: 328], бур. *hэжэглэхэ* ‘1) сомневаться, подозревать; 2) остерегаться; опасаться’ [БРС 2, 2010: 583], монг. *сэжиглэх* ‘1) сомневаться, подозревать; относиться недоверчиво; 2) быть мнительным; 3) брезгать’ [БАМРС 3, 2001: 872], калм. *сежгх* ‘проявлять мнительность, остерегаться’ [КРС, 1977: 448] – на примере данного глагола можно увидеть, каким образом происходило постепенное обогащение стпм. *sejiglekü*, характеризующегося дополнительными значениями осторожности, боязни и даже мнительности. Бурятский и калмыцкий варианты подчеркивают аспект осмотрительности и осторожности, тогда как современный монгольский язык дополнительно развивает идею недоверия и брезгливости. Развитие значения ‘брезгать’ в монгольском языке можно объяснить семантической близостью глаголов, выражающих «страх» и «брезгливость», связанных с общим

психофизиологическим механизмом избегания опасных или неприятных явлений.

Алт, мөңгэр, торһ-томчар бийән орасн, эгл улсас сежглад, амт мухлалдг баячуд... [ТСКЯ 2, 2022: 95] ‘Богачи, поработившие и остерегающиеся простых людей, одетые в золото, серебро, укутанные в шелка...’

Стпм. *saylaqu* (с пометой калм.) ‘быть осмотрительным, бдительным, остерегаться’ [Голстунский 2, 1894: 311], калм. *саглх* ‘остерегаться’ [КРС, 1977: 435] – глагол, характерный для калмыцкого языка. Дополнительным подтверждением является наличие данного глагола в языке ойратов Синьцзяна – ойр. *саглаха* ‘остерегаться, быть осторожным’ [СЯОС, 2001: 283].

Эн дару-дарунь теңгр тал хэләнә, халәцәрн теңгриг саглсн бәәдлтәһәр эргүлж ширтнә. [ТСКЯ 2, 2022: 74] ‘Он периодически смотрит в небо, всматриваясь пристально вокруг, как будто опасаясь чего-то’.

Эмоция, которая манифестируется глаголами стпм. *sürdekü* [Голстунский 2, 1894: 365], бур. *һүрдэхэ* ‘робеть, бояться, приходить в трепет’ [БРС 2, 2010: 576], монг. *сүрдэх* ‘бояться, пугаться, трепетать, робеть, трусить’ [БАМРС 3, 2001: 861], калм. *сүрдах* ‘трусить, робеть, пугаться, бояться’ [КРС, 1977: 465], стпм. *kitükü*, *kituqu* ‘бояться, робеть, опасаться, остерегаться’ [Голстунский 3, 1893: 433], бур. *хитэхэ* ‘стесняться, тушеваться, смущаться; дичиться; робеть, побаиваться’ [БРС 2, 2010: 428], монг. *хитэх* (бур. диал.) ‘побаиваться, робеть’ [МХИТТ], выражает страх, возникающий от чувства собственной неполноценности (различие в возрасте, статусе и т.п.). Прототипический сценарий для данных глаголов: «Х испытывает страх перед Y, потому что чувствует себя менее значимым, недостаточно достойным. Х реагирует сдержанностью, попыткой выглядеть менее заметным»

Одоо юу гэж загнах бол гэж алмайран гайхаж сүрдэн айж байсан. [ЭКМЯ. Пүрэвийн Хорлоо. «Багш». 1973] ‘Я стоял в растерянности и боялся за что же теперь будут ругать’.

Түүрүн ирж йовх баахн күүкн дала эмтнэс сүрдсн болх, дэжэд нег соңсад хэлэй. [ТСКЯ 2, 2022: 121] ‘Давайте еще раз послушаем девочку, которая застенялась от большого количества людей с непривычки’.

Страх, выраженный не в полной мере, легкий страх и вызванное им скованное поведение выражают глаголы: стпм. *yalira* ‘уклоняться, удаляться, избегать дела, бояться (дела)’ [Голстунский 2, 1894: 167], монг. *гальхрах* ‘робеть; побаиваться’ [БАМРС 1, 2001: 523], а также видовые формы, образованные от основы *ай-* – бур. *айнтаха* ‘трусить, робеть, немного бояться, побаиваться’ [БРС 1, 2010: 45], монг. *айсхийх* ‘побаиваться, бояться, робеть’ [БАМРС 1, 2001: 201] и др. Кроме того, страх, проявленный не в полной мере, легкий или кратковременный страх выражаются глагольными конструкциями слитного деепричастия со вспомогательными глаголами бур. *алдах*, монг. *алдах*, калм. *алдх* ‘лишаться, терять, утрачивать, упускать; ронять’, бур. *гэхэ*, монг. *гэх*, калм. *гих* ‘намереваться, полагать, хотеть, решать’: бур. *айн алдах* [БРС 1, 2010: 45], монг. *айн алдах* ‘трусить, опасаться, немного бояться’ [БАМРС 1, 2001: 201], калм. *ээн алдх* ‘немного испугаться’, бур. *айд гэхэ* [БРС 1, 2010: 45], монг. *айн гэх* ‘струсить’ [БАМРС 1, 2001: 201], калм. *ээн гих* ‘струсить’, бур. *сошоод абаха* [БНК. Б. Шойдоков. Дайсанай ара талада.1995]. Прототипический сценарий: X испытывает лёгкий, непродолжительный страх перед Y, ибо Y кажется X не совсем понятным, неожиданным или чуть-чуть опасным. X чувствует скованность. Глаголы и конструкции в данном ряду описывают поведение и состояние в момент столкновения с неочевидной или новой опасностью – когда человек скорее реагирует осторожностью и кратковременной скованностью, нежели выраженным страхом или отступлением.

Дугар мүнөөхил Галзутовтай ушархам гэжэ айд гээд, халганахадал болоод абаба. [ЭКБЯ. Б. Шойдоков. «Дайсанай ара талада». 1995] ‘Дугар, немного испугавшись того, что встретится с Галзутовым, почти затрясся’.

Кратковременный страх либо страх как физиологическую реакцию на опасность выражают глаголы, имеющие видовую форму от основы стпм. *šoyi*:

бур. *сошордохо* ‘встрепенуться, испугаться’ [БРС 2, 2010: 185], бур. *сошормогдохо* ‘пугаться, тревожиться’ [БРС 2, 2010: 185], монг. *цочирдох* ‘быть внезапным, неожиданным, непредвиденным; поражаться’ (нет указания на страх) [БАМРС 4, 2002: 1522], калм. *чочгдх* ‘испугаться’ [КРС, 1977: 655], а также стпм. *gelmekü* ‘вдруг испугаться, перепугаться’ [Голстунский 3, 1893: 413], монг. *гэлмэх* ‘внезапно испугаться’ [БАМРС 1, 2001: 650]. Несмотря на наличие этимологического соответствия в форме *gelme-* между халха-монгольским *гэлмэ-* и калмыцким *гелм-* [ЭСМЯ 2, 2015: 41], формы с данным корнем отсутствуют в современных лексикографических изданиях калмыцкого языка. Однако аналогичная форма зарегистрирована в близком родственном языке – диалектной разновидности ойратского языка, распространённого в провинции Синьцзян КНР, где представлено слово ойр. *гелмехе* с семантикой ‘пугаться, испытывать страх’ [СЯОС, 2001: 90] (при этом отсутствует акцентирование на внезапности испуга) [Бадмадоржиева, 2024: 202].

Страх в данной группе носит рефлекторный, физиологический характер: это не осознанная тревога, а автоматическая, моментальная реакция – вздрогнул, подскочил, «сердце ёкнуло» и т.п. Глаголы отличает отсутствие или минимальная осознанность. Иногда за этим следует любопытство или анализ ситуации, но не обязательно длительное чувство страха. Прототипический сценарий: «Х неожиданно сталкивается с явлением Y, которое воспринимается им как потенциально опасное или просто неожиданное. Х может среагировать моторно».

Гадаа жиндэнэ шүү дээ гээд тохойгий нь түшин босгох гэвээс Дэнзэн өөдөөс нь хэлээ гаргаад, тэрнээсээ хүүхэд шиг аймсан гэлмэж арагшаагаа цахдан хургаж бүлтэгнэв. [ЭКМЯ. Жанчивдоржийн Дашзэгвэ. «Тоглоом». 1998] ‘«На улице прохладно», – проговорил он, опершись на его локоть, чтобы встать, но тут Дэнзэн высунул язык, а потом, пугливо отшатнувшись, замер на месте, вытаращив глаза, словно испуганный ребёнок’.

Глаголы эмоционального воздействия: категориально-лексическая сема «вызвать страх через воздействие на субъект».

Эмоциональное воздействие различается по длительности:

- кратковременное воздействие образуется с помощью глагола бур. *абаха*, монг. *авах*, калм. *авх*: бур. *айлгаад абаха* ‘а) припугнуть; б) вымогать’ [БРС 1, 2010: 44], монг. *айлгаад авах* ‘припугнуть’ [БАМРС 1, 2001: 377], калм. *аэлһн авх* ‘припугнуть’.

Кратковременность и внезапность страха репрезентируется бур. *сошоохо* ‘пугать; приводить в смятение; огорошить’ [БРС 2, 2010: 185], монг. *цочоох* ‘заставить вздрогнуть, испугать, пугать; припугнуть; вспугивать’ [БАМРС 4, 2002:1522], калм. *чочах* ‘неожиданно нагнать страх, внезапно испугать’ [КРС, 1977: 655], монг. *айлган цочоох* ‘перепугать’ [БАМРС 4, 2002: 1522], бур. *сошордуулха* ‘пугать, переполошить’ [БРС 2, 2010: 185] и т.д.

- длительное воздействие с помощью глагола состояния бур. *байха*, монг. *байх*, калм. *бээх*: бур. *айлган* (или *айлгажа*) *байха* ‘держат в страхе’ [БРС 1, 2010: 44], калм. *аэлһн бээх* ‘держат в страхе’.

Степень воздействия:

- легкий страх, встревоженность: видовые формы монг. *гэлмэгдэх* ‘быть испуганным, встревоженным’ [БАМРС 1, 2001: 655], монг. *эмээлгэх* ‘внушать страх, вызывать опасение; смущать’ [БАМРС 4, 2002: 1699], а также бур. *хитүүлхэ* ‘заставить стесняться, тушеваться, смущаться; дичиться; робеть, побаиваться’ [БРС 2, 2010: 428] и др.

- высокая степень воздействия: бур. *айлган хүрдүүлхэ*, *хүрдөөн* (или *хүрдүүлэн*) *айлгах* ‘пугать, угрожать; терроризировать’ [БРС 1, 2010: 44], монг. *айлган сүрдүүлэх* ‘запугивать; угрожать, терроризировать’ [БАМРС 1, 2001: 198], монг. *балмагдуулах* ‘беспокоить, ужасать, оглушать, ошеломлять’ [БАМРС 1, 2001: 377], монг. *бэмбэгнүүлэх* ‘заставить дрожать, трепетать (от страха); бояться, робеть’ [БАМРС 1, 2001: 459], калм. *аәһүтхх* ‘привести в ужас, напугать’, бур. *алажа хюдажа хүрдүүлхэ* ‘терроризировать, запугивать’.

с помощью террора' [БРС 2, 2010: 576], монг. *алан сүрдүүлэх* 'терроризировать' [БАМРС 3, 2001: 861] и др.

- средняя степень: бур. *айлгах* 'наводить страх (или трепет); устрашать, пугать, стращать' [БРС 1, 2010: 44], монг. *айлгах* 'стращать, пугать, угрожать, наводить страх, трепет' [БАМРС 1, 2001: 198], калм. *дэлхэх* 'наводить страх, устрашать, пугать' [КРС, 1977: 61], бур. *дагжсарааха* 'страшить' [БРС 1, 2010: 285], бур. *хүгэдүүлхэ* 'устрашать, нагонять страх' [БРС 2, 2010: 572]; бур. *хүрдөөхэ, хүрдүүлхэ* 'устрашать; внушать страх' [БРС 2, 2010: 576], монг. *сүрдүүлэх* 'наводить страх, внушать страх, пугать; устрашать; держать кого-либо в страхе; угрожать' [БАМРС 3, 2001: 861], калм. *сүрдэх* 'страшить, запугивать', сложные конструкции типа бур. *айдаһа хүргэхэ* 'нагонять страх, приводить в ужас' [БРС 1, 2010: 43], монг. *айдас хүргэх* 'приводить в ужас, внушать ужас, нагонять страх' [БАМРС 1, 2001: 197], бур. *аймхай болгохо* 'запугивать (досл. делать трусливым)' [БРС 1, 2010: 45].

Воздействие на животных обозначают глаголы: бур. *добёохо* 'вспугивать (на охоте), пугать, отпугивать' [БРС 1, 2010: 284], бур. *үргөөхэ* 'пугать; отпугивать; отгонять (о животных)' [БРС 2, 2010: 347], монг. *үргээх* 'пугать, отпугивать, вспугивать; тревожить' [БАМРС 3, 2001: 1186], калм. *үргэх* 'пугать, отпугивать, спугивать, тревожить' [КРС, 1977: 554] и т.д.

Глаголы эмоционального отношения

Бур. *хултаганаха* 'бегать глазами, блудливо избегать чьего-либо взгляда' [БРС 2, 2010: 185], монг. *хулчганах* (простореч.) 'бояться, трусить, робеть' [БАМРС 4, 2002: 1401], калм. *хултхлэх* 'озираться, чувствовать себя неловко (неуверенно)' [КРС, 1977: 408]. Этимологию глагола можно связать со стпм. *qulčīyar* [**qulčī-yar*] [ЭСМЯ 3, 2018: 67]. Однако Е. В. Сундуева считает, что «к глаголу *хулчийх* близки образные формы стпм. *qulmayiqu* 'приклеиваться, прилипнуть' [Kowalewski, 1849. Р. 933], монг. *хулмайх*, бур. *хулмайха* 'прижать уши, стараясь укунить в страхе или от злости (о лошади)', *хулман* 'прижатый к голове (об ушах животных, когда они испытывают страх или злость)', калм. *хулмлэх* 'озираться; прясть ушами'...изначально глагол

хулчийх имел значение ‘прижимать уши (о животном)’, которое затем трансформировалось в ‘бояться (о животных и людях)’ и далее уже в ‘бледнеть’ на основе внешнего вида человека, испытывающего страх» [Сундуева, 2023: 125].

Эмотивные глагольные сочетания: бур. *айха эшэхэ* ‘бояться, робеть, стесняться’ [БРС 1, 2010: 45], монг. *айх-ичих* ‘стыдиться, смущаться, робеть’ [БАМРС 1, 2001: 201], калм. *аэх-ичх* ‘бояться, робеть, трусить’ [КРС, 1977: 63], монг. *эмээж сүрдэх* ‘трепетать; стушевываться’ [БАМРС 4, 2002: 1699].

Эжын дуугарха гүйсэд дуулданагүй. Минии дотор гэнтэ харлан бүрхэжэ, айхабтар ехэ гэм хэжэ орхиһон шэнги болоод, айха эшэхэ гээшэмни бүри захагүй ехэ болобо. [ЭКБЯ. Ц. Дон. «Брынзын санха». 1935] ‘Мать совершенно ничего не сказала. Внутри у меня как будто всё внезапно потемнело, накрыла сильнейшая вина, и страх со стыдом стали просто невыносимыми’.

Глаголы внешнего выражения эмоций: категориально-лексическая сема «выражать во внешности, жесте страх, эмоциональное отношение к страху». В данной подгруппе отражено внешнее выражение эмоции – указание на органы, с которыми связано проявление эмоции, типичное внешнее проявление эмоции. Страх в данном случае является причиной, а различные физиологические или психические реакции – следствием проявления эмоции-раздражителя:

Страх как базовая эмоция имеет отчетливые и специфические нервные субстраты, в основе номинации или полисемии единиц ФСГ глаголов со значением «бояться» могут лежать представления о том, какие физиологические реакции сопровождают чувство страха у человека. Преимущественно такие изменения связаны с активацией симпатического отдела автономной нервной системы, приводящей к следующим эффектам:

- 1) повышению артериального давления и ускорению сердечного ритма;
- 2) учащённому дыхательному процессу;

- 3) расширению зрачка;
- 4) увеличению уровня потоотделения;
- 5) появлению пиломоторного рефлекса («гусиной кожи»).

Симпатическая система также влияет на функционирование ряда внутренних органов:

- усиливается моторика кишечного тракта и синтезируется большее количество пищеварительных ферментов;
- активизируются слюнные железы;
- сокращение гладкой мускулатуры мочевого пузыря ускоряет процесс мочеиспускания;
- происходит сужение бронхов и бронхиол, что снижает объём вентиляции легких [Ионесян, 2015: 149].

Таким образом, вышеуказанные процессы формируют комплекс реакций организма, воспринимаемых человеком как состояние тревоги или страха.

Далее представим эмотивные глаголы со значением «бояться», сгруппировав их по видам реакции на страх:

- дрожь: внутри группы наблюдается градация значений от резкого внезапного испуга до общего состояния страха и дрожи: «Х находится в спокойном состоянии. Х раздражается Y. Х мгновенно вздрагивает».

В данный синонимический ряд относятся глаголы монг. *хирдхийх* 'быть поражённым ужасом, страхом, вздрагивать (от испуга), трепетать' [БАМРС 4, 2002:1308], монг. *эрвэсхийх*, монг. *эрвэс хийх* 'в испуге посмотреть и вздрогнуть (о лошади)' [БАМРС 4, 2002: 1707], монг. *сэрдхийх* 'вздрогнуть, замереть' [БАМРС 3, 2001: 880], являющиеся глаголами чувственного восприятия. Они образованы по аналитической модели, использующей в качестве вспомогательного грамматического элемента глагол *хийх* 'делать', которому в старописьменном монгольском языке соответствуют *kikü* 'делать'. По этой же модели образуется ряд других эмотивных глаголов, которые именуются нами как эмотивные глаголы чувственного восприятия. В

рассматриваемых глаголах элемент *хийх* воспринимается как аффиксальный и сливается со значимой основой, образуя фонетически единую словоформу, что находит свое выражение в слитном написании всей словоформы [Рассадин, 1995: 125]. Значимая основа данных глаголов представляет собой звукоподражательные слова, характеризующиеся наличием устоявшейся фонетической структуры и способностью регулярно воспроизводиться в однотипных ситуациях. Отсутствие данных лексем в словарях К. Ф. Голстунского и О. М. Ковалевского можно объяснить тем, что звукоподражательные слова зачастую лишены чёткого интерпретативного значения и практически не находят отражения в словарях, вероятно, ввиду существенных трудностей установления непосредственной корреляции между звуковым образом и передаваемым значением [Мусуков, 2011: 72]

В монгольской группе языков наблюдаются существенные различия в выборе вспомогательных глаголов для образования аналитических конструкций. Наряду с широко распространённым в монгольском языке глаголом *хийх*, особую роль в бурятском и калмыцком языках играет глагол бур. *гэхэ*, калм. *гих*, монг. *гэх* ‘говорить’ (первоначально ‘издавать звук’ [Рассадин, 1995:125]). Сочетание со звукоподражательными словами данного глагола бур. *залд*, бур. *пард*, монг. *сэрд*, калм. *шард*, калм. *пард* также обозначают внезапную дрожь. Е. В. Сундueva отмечает, что в рассматриваемых звукоподражательных словах встречаются взрывные (смычные) согласные *п*, *д*, которые акустически производят впечатления резкого звука [Сундueva, 2011: 269]: монг. *шард* выражает внезапный испуг, вздрагивание, шум, грохот обвала, калм. *шард* – звукоподражание треску; бур. *бард гэхэ* ‘вздрагнуть, внезапно испугаться’ [БРС 1, 2010: 117], бур. *залд гэхэ* ‘вздрагнуть, внезапно испугаться’ [БРС 1, 2010: 379], калм. *пард гих* ‘вздрагнуть от неожиданности’ [КРС, 1977: 428].

Стпм. *šošiqi* ‘вздрагивать (от внезапного испуга), содрогаться, пугаться (вдруг)’ [Голстунский 3, 1893: 198] и калм. *чочх* ‘вздрагивать, встрепенуться (от внезапного испуга)’ [КРС, 1977: 656] включают в себя значение

внезапности, неожиданности, в то время как в бурятском и монгольском языках данный аспект утрачен: бур. *сошохо* ‘пугаться, вздрагивать’ [БРС 2, 2010: 185], монг. *цочих* ‘вздрагивать от испуга, пугаться; встревожиться’ [БАМРС 4, 2002: 1522], монг. *айж цочих* ‘перепугаться; вздрогнуть от испуга’. Близки к данным глагольным сочетаниям конструкции с глаголом бур. *шэшэрхэ* ‘дрожать, трястись’ [БРС 2, 2010: 643], монг. *чичрэх* ‘трепетать, дрожать, содрогаться, трястись; бросать в дрожь, лихорадить; вибрировать’ [БАМРС 4, 2002: 1585]: бур. *айжа шэшэрхэ* ‘дрожать от страха’ [БРС 1, 2010: 45], монг. *айн чичрэх* ‘дрожать от страха’ [МХИТТ].

Стпм. *gelmegeļjekü* ‘пугаться, вздрагивать от испуга, плакать от испуга (о детях во сне)’ [Голстунский 3, 1893: 413], монг. *гэлмэгэлзэх* (общий корень с монг. *гэлмэх* – описан выше) ‘вздрагивать от испуга, пугаться, плакать от страха (о детях во сне)’ [БАМРС 1, 2001: 655].

б) Х боится Y (опасность или угроза). Из-за страха у Х долго дрожат руки или всё тело.

Стпм. *tügsikü* ‘трепетать, дрожать, замирать, сжиматься (о сердце от страха)’ [Голстунский 3, 1893: 184], монг. *түгших* ‘1) трепетать, биться, дрожать, замирать, зажиматься (о сердце); 2) перен. беспокоиться, тревожиться; бояться’ [БАМРС 3, 2001: 1004], бур. *түгшэхэ* ‘задыхаться; запыхаться’ [БРС 2, 2010: 244], калм. не отмечено – в монгольском языке заметно расширение значения праосновы до обозначения эмоции в целом, в бурятском языке наблюдается сдвиг в сторону физического состояния организма: «задыхаться», «запыхаться». Значение больше связано с физиологическими реакциями тела на стрессовые ситуации или интенсивную физическую нагрузку. Хотя корень общего происхождения сохранился, бурятский вариант подчеркивает именно физические проявления реакций на внешние раздражители, его отличает наличие эмотивного значения только лишь в парном слове бур. *түгшэхэ түлгэхэ* ‘тревожиться, бояться’.

Ганса хүбүүнэйнгээ гарын ганзагада, хүлын дүрөөдэ хүргөө ха юмбиб, минии хүбүүн юунһээ дутабаб, эрэ хүн болоо, эрын замаар ябаг, юундэ

шигэтэрээ түгшэнэ түлгэнэбиб, - гээд, галайнгаа зүүн тээ ерээд нуушана. [ЭКБЯ. Х. Намсараев. «Үүрэй толон». 1978] ‘Единственного сына я на ноги поставила, чем же хуже мой сын, он стал мужчиной, пусть идет мужской дорогой, чего я так тревожусь’.

По мнению составителей Этимологического словаря монгольских языков [ЭСМЯ 1, 2015: 170], корневая морфема *dayji*, представленная в современных лексемах (бур. *дагжарха* ‘дрожать, трепетать (от страха)’ [БРС 1, 2010: 250], монг. *дагжих* ‘дрожать от страха’ [БАМРС 1, 2001: 678], калм. *дагжих* ‘дрожать, трястись’ [КРС, 1977: 177], калм. *дагжх* ‘дрожать, трястись (от страха)’ [ТСКЯ, 2022: 227]), отражает древний звукоподражательный элемент *dang*, связанный с акустическими характеристиками металлического звучания или ощущения озноба, холодных вибраций. Вероятно, данный звуковой образ послужил основой для формирования значений, обозначающих ощущение внутренней дрожи, испуга или нервозности.

Дамдам чочсн Дамб дегдээхлэрн, дагжад-чичрэд йовна. [ТСКЯ, 2022: 227] ‘Поражённый Дамба, когда был очень испуган, трясся’.

Маргааш нь хандарга хүлэгтэй Ванданов Хатанбаатар Магсаржавын өмнө дагжин зогсож байв. [ЭКМЯ. Чадраабалын Лодойдамба. «Тунгалаг Тамир». 1973] ‘На следующий день Ванданов стоял, дрожа, перед Хатанбаатар Магсаржавом’.

Тээсэгэн хая Хумбаа Дагбын харааһан занаһан Должондо гэнтэ ханагдажа, заригад гэжэ айдаханиинь ехээр хүрөөд, бээнь дагжаран, досоонь уйтаржа бахардаба. [ЭКБЯ. Ц. Дон. «Брынзын санха». 1935] ‘Внезапно вспомнив, как недавно её сильно ругал Хумбаа Дагба, Должин вздрогнула, её тело оцепенело, сильно испугавшись’.

В словарях К. Ф. Голстунского и О. М. Ковалевского зафиксированы глаголы стпм. *salgatqu*, стпм. *salgaduqu*, означающие ‘покачивать, трести головой от старости’ [Голстунский, 1893: 304], происходящие от корня *saly-a* [ЭСМЯ 2018: 86].

В современных монгольских языках этот корень развился в бур. *һалганаха* ‘дрожать, трястись’ [БРС 2010: 45] и монг. *салганах* ‘дрожать, трястись’ [БАМРС 2001: 784]. Эти глаголы сохраняют первоначальное значение прямого действия. Вместе с тем, по сведениям информанта И. Б. Цыбенжаповой, в речи бурят, живущих в селе Оронгой Иволгинского района Республики Бурятия, глагол *һалганаха* получил дополнительное эмотивное значение ‘бояться’. Данное расширение отражает ассоциативную связь между физическим состоянием дрожания и чувством страха. Кроме того, в бурятском языке отмечается эмотивное глагольное сочетание бур. *айха һалганаха* ‘дрожать от страха, бояться’. В данном эмотивном глагольном сочетании глагол *һалганаха* усиливает репрезентацию эмоции через отображение физиологической реакции на страх

Айха һалганаха болоо һаа, бүхы ажалаа хосороожо болохобди, үшөө өөһэдөө һалажа болохобди. [ЭКБЯ. Б. Шойдоков. «Дайсанай ара талада». 1995] ‘Если будем бояться (дрожать от страха), мы можем загубить всю работу, а еще и сами можем сгинуть’.

Образные глаголы стпм. *bembegene-*, стпм. *bembelje-*, стпм. *bembeyi-*, монг. *бэмбэгэнэх* ‘дрожать, трепетать (от страха)’ [БАМРС 1, 2001: 459] восходящий к праоснове *bembe-*, означающей физическое движение, связанное с дрожью или трепетом. Согласный [m] в составе корня подчёркивает состояние колебания или тревоги, отражая звуковое восприятие объектов, находящихся в движении [Сундужева, 2023: 137].

За одоо ч өнгөрлөө дөө гэж би дотроо их л бэмбэгнэж байв. [МХИТТ. Ж. Дамдин. «Үймээний жил». 1973] ‘«Ну, теперь всё кончено», - сильно затрепетал я от страха’.

Монг. *гилбэгнэх* ‘дрожать, трястись, трепетать от страха’ [БАМРС 1, 2001: 559] представляет собой дериват, сформированный путем аффиксального расширения исходного глагола монг. *гилбэх*, означающего ‘полыхать’. Присоединение суффикса *-гнэ*, традиционно используемого для обозначения многократного колебательного или циклического движения

[Кузьменков, 1984: 36], обусловило появление нового лексического значения. Механизм семантической трансформации объясняется метафорическим переносом, основанным на ассоциации схожести движений, характерных для языков пламени и состояния дрожащего от испуга индивида.

Переход от стпм. *jibegürkekü* ‘чувствовать отвращение, омерзение, гнушаться, презирать, претить’ [Голстунский 3, 1893: 354] к бур. *зэбэрхэ* ‘испытывать чувство страха; внутренне содрогаться’ [БРС 1, 2010: 711] произошел посредством расширения семантического поля негативного эмоционального опыта, выразившегося в усилении интенсивности внутренней реакции субъекта на неприятные или опасные стимулы.

Тиixэдэнь шоно ерэбэ гү гэжэ зэбэрэн хууһан нүхэдынъ юунишь болоһыень мэдэхээз болижо, сабшалаагүй түхэрээнүүд нюдөөр Малаадайгаа хаража, гайхалдашоод хуунад. [ЭКБЯ. Х. Намсараев. «Эдиршүүд». 1949] ‘Его друзья, сидевшие и боявшиеся прихода волка, не понимали, что происходит, и с удивлением смотрели на Маладая, раскрыв круглые глаза’.

Стпм. *sirbegedeki* ‘чувствовать нестерпимую боль от прикосновения, не зная куда деваться от стыда, робеть от стыда (при встрече с человеком которому сделал что-либо дурное)’ [Голстунский 2, 1894: 412], восходящий к *sirbegedel* ‘ощущение холода или страха, дрожь, взъерошенные волосы’ [Голстунский 2, 1894: 412], монг. *ширвээдэх* ‘побаиваться; быть в загоне, дрожать (от страха, холода)’ [БАМРС 4, 2002: 1637] – первоначальное восприятие внешних факторов трансформировалось в психологические ощущения внутреннего дискомфорта, что демонстрирует общую тенденцию в языках, когда физические реакции становятся основой для обозначения эмоциональных состояний.

Гараашихан даргаасаа баахан ширвээдэн айж байв. [ЭКБЯ. Намсарайн Банзрагч. «Зам». 1970] ‘Он стоял, побаиваясь начальника гаража’.

Стпм. *šešerekü* ‘дрожать, трястись, трепетать (от страха, холода)’ [Голстунский 3, 1893: 262], бур. *иэшиэрхэ* ‘дрожать, трястись’ [БРС 2, 2010: 643], монг. *чичрэх* ‘трепетать, дрожать, содрогаться, трястись; бросать в

дрожь, лихорадить; вибрировать’ [БАМРС 4, 2002: 1585], калм. *чичрх* ‘дрожать, трястись (от страха, от холода)’ [ТСКЯ 2, 2022: 456].

Чэмэдэймни айдаханиинь удангуй намда үгтэжэ, бинь баһа шэшээржэ эхилбээ. [ЭКБЯ. Ц. Галанов. «Дэрээнэй эзэн»] ‘Страх Чимита вскоре передался мне, и я тоже начал трястись от страха’.

Хүмүүс цөм л чичрэх төлөвтэй байв. [ЭКМЯ. Лодонгийн Түдэв. «Уулын үер». 1971] ‘Ожидалось, что все люди будут бояться’.

– желание бежать. Попытка человека избежать потенциально опасное положение дел может быть выражена:

– движение от источника опасности (попытка убежать), «Х сталкивается с источником страха Y. Х внезапно пугается и стремится как можно быстрее увеличить расстояние между собой и Y»:

стпм. *qaluriqu* ‘уклоняться, уходить, отступать, разбегаться в стороны’ [Голстунский 2, 1894: 81], монг. *халирах* ‘труситься, в страхе отступать, отходить, обращаться в бегство шарахаться в сторону’ [БАМРС 4, 2002: 1237];

бур. *добихо* ‘пугаться, вздрагивать, избегать’ [БРС 1, 2010: 284], монг. *дових* ‘бояться, пугаться, избегать’ (диал., монг. бур) [МХИТТ] – глагол, характерный для бурят, проживающих на территории Монголии и РФ. Шэнэхэнские буряты, проживающие в КНР, данное слово с подобным значением не употребляют (по сообщению информатора Гунгаагай Дамбинима), в словарях К. Ф. Голстунского и О. М. Ковалевского глагол не зафиксирован;

стпм. *ürgükü* ‘спугивать, поднимать криками (зверя в берлоге), пугаться’ [Голстунский 1, 1895: 26], бур. *үргэхэ* ‘испугаться, шарахнуться (о животных)’ [БРС 2, 2010: 349], монг. *үргэх* ‘пугаться, шарахаться, вскакивать, дичиться, бросаться в сторону (о животных)’ [БАМРС 3, 2001: 1186], калм. *үргх* ‘пугаться, шарахаться, бросаться в сторону (о животных)’ [ТСКЯ 2, 2022: 282];

стпм. *qalusqu* ‘отходить прочь, отступать, удаляться, убегать от страха, пугаться, робеть, улететь от испуга (о птицах)’ [Голстунский 2, 1894: 81], монг. *халсах* ‘отходить, отступать; убегать, удаляться; отстраняться, пугаться’

[БАМРС 4, 200: 1238], ойр. *халһаха* ‘не подпускать, не давать подойти к себе, бросаться в сторону’ [СЯОС, 2001 :381];.

стпм. *jigsikü* ‘чувствовать омерзение, отвращение, гнушаться, презирать’ [Голстунский 3, 1893: 364], бур. *жэгшэхэ* ‘1) пугаться, становиться пугливой (о лошади) 2) чувствовать отвращение, гнушаться’ [БРС 1, 2010: 362], монг. *жигших* ‘гнушаться, пренебрегать, брезговать; питать, испытывать, чувствовать отвращение; становиться пугливым; испугаться, перепугаться’ (из-за неправильного ухода о скоте) [БАМРС 1, 2001: 298], калм. *жигших* ‘чувствовать отвращение, омерзение; испугаться, отшатнуться, отпрянуть’ [КРС, 1977: 226] – появление значения страха в рассматриваемых монгольских языках, в отличие от праосновы, может объясняться семантическим развитием, связанным с физической реакцией на негативные стимулы (например, плохой уход за животными), последующим перенесением этих реакций на эмоциональные состояния (страха, тревожности). В параграфе, посвящённом глаголам отвращения, можно рассмотреть проявление отдельных значений посредством анализа примеров, извлечённых из Национальных корпусов;

стмп. *čerbekü* ‘поднимать руки и ноги кверху (в пляске); отмахиваться, обороняться’ [Голстунский 3: 264], монг. *цэрвэх* ‘отпрыгивать, отскакивать (в испуге), отдёргивать (руку); удаляться, отдаляться’ [БАМРС 4, 2002: 1551] – первоначальное физическое действие, заключающееся в активных жестах рук и ног, направленных вверх, переосмысливается как внезапное и быстрое перемещение тела или его частей в пространстве, вызванное необходимостью избежать потенциальной угрозы или раздражения. В результате развития образных ассоциаций сформировались новые значения, характеризующие динамику тела, проявляющуюся в реакциях на испуг, боль, что выразилось в оттенках значения глагола монг. *цэрвэх*.

– движение, которое делает человека менее уязвимым, например, в силу того, что он становится менее заметным (съежиться, пригнуться и т.п.), «Х

сталкивается с источником страха Y. X пугается и стремится сделать так, чтобы Y не заметил X»:

стпм. *kiruqu* ‘делаться безмолвным, примолкать, притихать, притаиваться, столбенеть, цепенеть (от сильного страха и испуга)’ [Голстунский3, 1893: 443], монг. *хярах* ‘прятаться (напр. о зверях); приникнуть; прижаться к земле; притаиться, притихнуть, замирать (от сильного страха)’ [БАМРС 4, 2002: 1486];

Би хярсан туулай шиг сандалдаа тас шигдэж илүү дутуу үг хэлчих вий гэсэндээ амаа алгаараа дарчихаад байлаа. [ЭКМЯ. Шагдайн Цэнд-Аюуш. «Салхи хагалагч». 1990] ‘Я съежился в кресле, словно спрятавшийся заяц, и закрыл рот рукой, чтобы не сказать ничего лишнего’.

Бур. *хулмайха* ‘прижимать уши в страхе или от злости (о животных)’ [БРС 2, 2010: 465], монг. *хулмайх* ‘прижать уши, стараясь укунить (о лошади), испуганно озираться’ [БАМРС 4, 2002: 1400], калм. *хулма* – ‘быть робким, боязливым, бросать украдкой робкий взгляд’ [ЭСМЯ 3, 2018: 67] – содержат специфический аффикс *-ай*, свидетельствующий о характере эмоционального состояния животного. Праязыковая форма *qulma-yi-* возникла путем присоединения аффикса *yі-* к базовой образной основе, которая не зафиксирована отдельно ни в одном из рассматриваемых современных монгольских языков [ЭСМЯ 3, 2018: 67]. Согласно гипотезе В. И. Рассадина, аффикс *-yі-* первоначально представлял собой самостоятельный вспомогательный глагол *ki-* (‘делать’), присоединявшийся к различным корневым основам. Впоследствии произошло фонетическое изменение начальной согласной *k-*, которая озвончалась перед гласными, превращаясь в *g-*. Этот этап знаменовал формирование промежуточного элемента *-gi-*. Следующим этапом было дальнейшее фонетическое преобразование звука *-g*, который стал смягчённым звуком *-у*, что обусловило возникновение конечного варианта аффикса *-yі-* [Рассадин, 2011: 159-160].

Бур. *зээрэгшихэ* ‘быть пугливым’ (главным образом о молодняке домашних животных) [БРС 1, 2010: 426], монг. *зэрлэгших* ‘дичать, одичать,

становиться диким' [БАМРС 1, 2001: 401], калм. *зеергх* 'быть нелюдимым, становиться пугливым' [КРС, 1977: 248] от стпм. *jerlig* 'дикий, дикорастущий' [Голстунский 3, 1893, 348]. Семантическое развитие рассматриваемых глаголов связано с метонимической сменой акцента с внешнего признака («дикий, дикорастущий») на внутреннее состояние («пугливый»). Первоначально прилагательное стпм. *jerlig* характеризовало внешний признак животного или растения, противопоставляя их культурным видам. Затем акцент сместился на поведенческие особенности, присущие животным, находящимся вне человеческого контроля, что проявлялось в повышенной осторожности и боязливости, особенно у молодых особей.

– изменение цвета лица:

монг. *хулчийх* '1) бледнеть, побледнеть (от страха); 2) *разг.* 'труситься, робеть' [БАМРС 4, 2002: 1401] – для данного глагола характерен «наиболее продуктивный словообразовательный формант, релевантный исключительно для сферы образных слов глагольный аффикс *-ай*, *-ой*, *-ий*, *-уй*, который образует глаголы состояния (в 90% случаев) и придаёт производному следующее значение: «предмет обладает внешним видом (имеет форму), выраженным производящей основой, или находится в стадии становления образа» [цит. по Сундуева, 2011: с. 113]. Производящая основа стпм. *qulči-* [ЭСМЯ 2, 2016: 66] имеет значение бледнеть.

– эмоциональное неравновесие:

монг. *хэлмэх* 'взволноваться от испуга' [МХИТТ];

бур. *тэихэхэ* 'суетиться, быть в панике' (о скоте при виде волка) [БРС 2 2010: 281], монг. *тэсгэх* 'паниковать' с пометой бур. в МХИТТ – глагол, характерный только для бурятского языка.

Несмотря на то что стпм. *sortu-* [ЭСМЯ 3, 2018: 124], являющийся праосновой для бур. *хортогонохо* 'пугаться, переполошиться' [БРС 2, 2010: 562], бур. *хортойхо* 'испуганно смотреть на что-л.'; 'настораживаться' [БРС 2, 2010: 562], бур. *хортолзохо* 'вести себя задиристо; двигать острыми ушами, настораживаться (о животных)' [БРС 2, 2010: 562], монг. *сортолзох* 'двигать

острыми ушами, настораживаться (о животных)’ [БАМРС 3, 2001: 830], монг. *сорттойх* ‘настораживаться’ [БАМРС 3, 2001: 830], отражен в этимологическом словаре, он не зафиксирован в словарях К. Ф. Голстунского и О. М. Ковалевского. С другой стороны, был зафиксирован стпм. *serteyikii* ‘оттопыриться, растопыриться, стоять торчком, выдавиться вперед, торчать’ [Голстунский 2, 1893: 335].

Стпм. *baytara-* [ЭСМЯ 1, 2015: 69] (от стпм. *baytu* ‘удушьё, кашель с хрипотой в груди’ [Голстунский 2, 1894: 196]), бур. *багтарха* зап. ‘1) коченеть от холода; 2) цепенеть от страха’ [БРС 1, 2010: 101], монг. *багтрах* ‘1) задыхаться, не может дышать 2) лишиться чувств, сознания; впадать в тяжёлое состояние’ [БАМРС 1, 2001: 367] – выявляется отличие в характере отражаемых смыслов в двух языках: так в бурятском языке наряду с физическим состоянием включен компонент эмоционального восприятия, выраженный переживанием интенсивного страха, ведущего к полной физической пассивности. Напротив, монгольский вариант ограничивается описанием объективных физиологических состояний, таких как нарушение дыхания и потеря сознания.

Калм. *ормлзх* ‘испуганно глядеть, таращить глаза от страха’ [ТСКЯ 2, 2022: 26] несёт ярко выраженную эмоциональную нагрузку: страх, испуг или тревогу. Глагол подчёркивает состояние сильного внутреннего переживания субъекта, передаёт психологическое напряжение, возникающее вследствие угрозы или неожиданности ситуации. Данный корень в словарях К. Ф. Голстунского и О. М. Ковалевского обнаружить не удалось, однако в языке ойратов Синьцзяна зафиксирован ойр. *ормааха* ‘рассматривать удивлённо, поражаться, дивиться чему-либо’ [СЯОС, 2001: 264].

Кроме того, в данной группе распространены эмотивные парные глагольные сочетания: бур. парн. *айха мэгдэхэ* ‘паникерствовать’ [БРС 1, 2010: 45], монг. *айх сандрах* ‘паникерствовать от страха’ [МХИТТ], калм. *ээж үүмх* ‘впадать в панику (от испуга)’ [КРС, 1977: 63], монг. *айн сандрах* ‘растеряться от испуга’ [БАМРС 1, 2001: 201], калм. *ээж сандрх* ‘беспокоиться от испуга,

растеряться' [КРС, 1977: 63]. Приведённые сочетания содержат общую сему – сильное переживание страха, которое ведет к потере спокойствия, уверенности и возможности трезво оценивать ситуацию. Однако интенсивность проявления эмоций варьируется: от простого волнения и нервозности до полного упадка сил и беспомощности.

– потерять сознание: бур. *мэдээ алдаха* досл. 'потерять сознание' [БРС 1, 2010: 51], перен. 'сильно пугаться' [БРС 1, 2010: 51], монг. *мэдээ алдах* 'терять сознание', бур. *ухаа алдаха* [БРС 1, 2010: 51], монг. *ухаа алдах* досл. 'потерять разум', 'трепетать, теряться (от страха)' [БАМРС 1, 2001: 208] и другие сочетания с вспомогательным глаголом бур. *алдаха*, монг. *алдах* 'терять' для выражения потери контроля над телом и сознанием.

Страх как одно из базовых человеческих переживаний проявляется во всех рассматриваемых языках, но в каждой языковой системе его отражение имеет свои особенности. По итогам исследования можно сформулировать следующие выводы:

1. Объём и состав ФСГ глаголов со значением «бояться» варьируются в рассматриваемых монгольских языках. Современный монгольский язык демонстрирует наибольшее число лексем и дифференцированное смысловое разнообразие. Бурятский язык во многом сохраняет иерархию старописьменного монгольского, но с несколько урезанным набором конкретизаторов; при этом в бурятском языке заметно более широкое использование эмотивных глагольных сочетаний. Калмыцкий язык представлен наименьшим числом эмотивных глаголов со значением «бояться».

2) К специфике также можно отнести наличие или отсутствие некоторых значений в рассматриваемых родственных языках: монг. *гэлмэх* [БАМРС 1, 2001: 650], монг. *балмагдах* [БАМРС 1, 2001: 377], бур. *жэыхэхэ* [БРС 1, 2010: 366], монг. (бур. диал) *жихийх* [МХИТТ], бур. *хитэхэ* [БРС 2, 2010: 428], монг. (бур. диал) *дових* [МХИТТ], бур. *тэихэхэ* [БРС 2, 2010: 281], калм. *чочх* [КРС, 1977: 656] и др.

3) Некоторая часть эмотивных глаголов мотивирована наблюдением за животными и отражает традиционный образ жизни носителей: характерные поведенческие реакции животных перенесены на глаголы страха.

4) Эмотивные глаголы «страха» в монгольских языках обладают образной внутренней формой. За счёт этой «внутренней картины» каждая лексема несёт в себе не только семантику самого страха, но и указание на степень его интенсивности или тип эмоциональной реакции (дрожь, дрожание души, внезапный испуг, желание убежать, раболепие и т. п.).

32. Глаголы со значением «стыдиться» в монгольских языках

В данную группу объединены глаголы, которые имеют семантическую идею «испытывать чувство, возникающее, когда человек делает (или считает, что сделал) что-то, противоречащее этическим нормам, сопряжённое с переживанием возможной негативной оценки обществом его действий».

Всего в монгольском языке выделено 12 глаголов со значением «стыдиться», из них 1 глагол – глагол-идентификатор, 7 – в ближайшей периферии, 4 – в дальней периферии (изображено на рис. 5).

В бурятском языке выделено 12 глаголов с данным значением, из них 1 глагол – глагол-идентификатор, 10 глаголов – в ближайшей периферии, 1 – в дальней периферии (изображено на рис. 6).

В калмыцком языке выделено 7 глаголов, из них 1 глагол – глагол-идентификатор, 5 глаголов – в ближайшей периферии, 1 глагол – в дальней периферии (изображено на рис. 7).

На основе компонентного анализа лексических значений слов был выявлен базовый глагол-идентификатор ФСГ – стпм. *ičekii* [Голстунский 1, 1895: 137] ‘стыдиться’, бур. *эшэхэ* ‘стыдиться’ [БРС 2, 2010: 684], монг. *ичих* ‘стыдиться, конфузиться; стесняться, совеститься’ [БАМРС 2, 2001: 441], калм. *ичх* ‘стыдиться’ [КРС, 1977: 275].

Рис. 5. ФСГ глаголов со значением «стыдиться» в монгольском языке

Рис. 6. ФСГ глаголов со значением «стыдиться» в бурятском языке

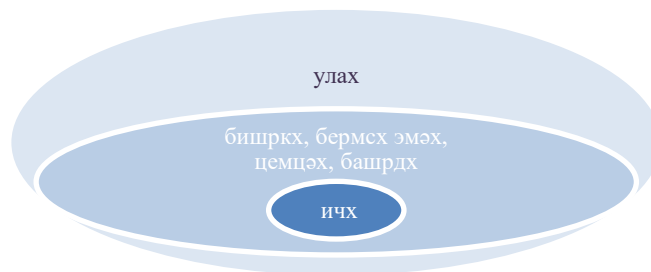

Рис. 7. ФСГ глаголов со значением «стыдиться» в калмыцком языке

Как и другим базовым глаголам-идентификаторам эмоций, бур. *эшэхэ* ‘стыдиться’ [БРС 2, 2010: 684], монг. *ичих* ‘стыдиться, конфузиться; стесняться, совеститься’ [БАМРС, 2 2001: с. 441], калм. *ичх* ‘стыдиться’ [КРС, 1977: 275] характерно образование эмотивных парных глагольных сочетаний, особенностью же является более частое сочетание с глаголами, не имеющими явную семантическую близость:

- в МХИТТ парное слово монг. *ичих-зовох* имеет значение ‘стесняться есть в гостях’ [МХИТТ] (монг. *зовох* ‘мучиться, страдать, беспокоиться, тревожиться; терзаться, горевать’ [БАМРС 1, 2001: 361]), однако на основе анализа примеров из Корпуса монгольского языка выяснилось, что в данном парном сочетании решающую роль в формировании значения играет значение монг. *ичих*.

Гэтэл урьд өмнө оростой холбогдон хэлэгдэж байсан эмэгтэй үгүй тул ичиж зовох явдал гардаг байлаа. [ЭКМЯ. Донровын Намдаг. «Галт тэрэг». 1950]. ‘Однако возникало чувство стеснения, потому что не было женщины, ранее связанной с русским человеком’.

- бур. *эшэхэ элэхэ* ‘стыдиться, смущаться’ (бур. *элэхэ* ‘изнашиваться, стираться’ [БРС 2, 2010: 661]) – эмотивное парное глагольное сочетание отражено в БРС, но примеров в БНК нет, возможно, это связано с малой употребительностью.

В рассмотренных выше парных глагольных сочетаниях глагол бур. *эшэхэ* является доминирующим и подчинённые компоненты добавляют оттенки в основное значение «стесняться», усиливая степень стыда. В следующем сочетании бур. *эшэхэ*, калм. *ичх* является подчинённым компонентом и, утрачивая свое значение, усиливает значение доминирующего компонента бур. *айха*, калм. *эхх*. В монографии «Парные слова и парное словообразование в бурятском языке» бур. *айха эшэхэ* ‘бояться, робеть, стесняться, осторожничать’, монг. *айх ичих* ‘стыдиться, смущаться’ [БАМРС1, 2001: 441], калм. *эхх-ичх* ‘бояться, робеть, трусить’ [КРС, 1977: 63] относят к группе, в которой сочетаются глаголы, имеющие отдалённую семантическую близость между собой, подчеркивается его незримое участие в общем смысловом содержании всего сочетания [Дырхеева, 2014: 47-49]. Это подтверждается данными Большого академического монгольского-русского словаря (далее БАМРС): монг. *айх* помимо основного значения ‘бояться, пугаться, страшиться, опасаться, трусить, робеть, побаиваться, трепетать;

испытывать страх, чувство страха; становиться страшно’ имеет значение ‘стесняться (старших)’ [БАМРС 1, 2001: 201].

Тедү дүңгэ эк-эцкэн күндлэд, теднэсн ээж-ичдг бээж. [ЭККЯ. «Хальмгунн». 2006] ‘Примерно сколько почитали родителей, так же боялись их’.

Энээнһээ урагша үзэһэн хамаг бүхы хүндэ хүшэр, баяртай хүхюу, гуниг голхоролтой үдэрнүүдтэнь, дурлаха жүтөөрхэхэ, айха эшэхэ, нарилха нюуха тэмсэлдэнь эсэсэй ерэһэн мэтэ... [ЭКБЯ. Д. О. Эрдынеев. «Ехэ уг». 1976]. ‘Словно пришел конец всем предшествовавшим тяжелым, счастливым, грустным дня, борьбе за возможность любить, бояться, осторожничать...’

Сүүлийн үед айдас гэгч Дэжидээс холдсон мэт бөгөөд Дэжид Дамба хоёрын тухай жиг жуг яриа, тэр ч бүү хэл хөл хүндтэйгээсээ ч айх ичих нь үгүй болсон мэт ажээ. [ЭКМЯ. Дармын Батбаяр. «Цахилж яваа гөрөөс». 1972] ‘В последнее время словно страх у Дэжид прошел и казалось, что Дэжид больше не боится сплетней о ней и Дамбе и даже своей беременности больше не стесняется’.

- бур. *эшэхэ гайхаха* ‘стыдиться, смущаться’ (бур. *гайхаха* ‘удивляться, изумляться, дивиться, поражаться’ [БРС 1, 2010: 189]):

Хэрбээе урданай саг хаань эшэхэ гайхаха, тэрээн тухайгаа хөөрээжэ бэшэхэһээ байха дүтынгөөшье хүндэ дуулгахагүй, аягүйрхэхэ, бүһэтэй хүниие хүндэлхэ, хүлисэхэ ёһотой гэдэг арад зоной дунда дэлгэрһэн занишалье муушалһан болохоһоо айха һэнби. [ЭКБЯ. Д. Эрдынеев. «Хүлэг инсагаална». 1974] ‘Если бы были старые времена, то я бы постеснялся не то, что рассказать и писать об этом, но даже постеснялся бы сказать об этом близким людям, боясь плохо отзываться о распространенной народной традиции почтительного отношения к мужчине’.

Кроме того, на основе анализа примеров из Корпусов национальных языков отмечены эмотивные парные глагольные сочетания, компонентами которого являются семантически близкие глаголы: калм. *ичх-эмэх* ‘стыдиться’, монг. *ичэх-эмээх* ‘стыдиться’, монг. *ичин бишүүрхэх* ‘стесняться’.

Глаголы, имеющие дифференциальные семы, были распределены по функционально-семантическим подгруппам.

Функционально-семантическая подгруппа глаголов становления эмоционального состояния: категориально-лексическая сема – «становиться наполненным стыдом».

Когда человек оказывается в ситуации, где он чувствует себя слишком открытым и уязвимым, это может вызвать чувство стыда, которое не связано с нарушением этических норм. Данную разновидность стыда также можно рассматривать как «стыд из-за скромности», «стыд из-за непривычности ситуации». Для обозначения такого стыда используются следующие эмотивные глаголы:

Стпм. *γaγiqaqi* ‘удивлять, быть изумлённым’ [Голстунский 2, 1894: 158], бур. *гайхаха* ‘стесняться, совеститься’ [БРС 1, 2010: 189] (для монг. *гайхах* и калм. *həəxx* данное значение не характерно);

Газетын хүнhөө бү гайхагты, хэлэхэ юумээс сэхынь хэлэгты. [ЭКБЯ. Ц. Шагжин. «Шэнэ халхин». 1987] ‘Не стесняйтесь корреспондента, прямо говорите всё, что хотели сказать’.

Бур. *хитэхэ* ‘стесняться, тушеваться, смущаться; дичиться; робеть, побаиваться’ [БРС 2, 2010: 428] от стпм. *kituqi* ‘бояться, пугаться, робеть, опасаться, остерегаться’ [Голстунский 3, 1893: 433] – в МХИТТ данный глагол обозначен как характерный для бурятского диалекта монгольского языка и определяется монг. *айж эмээх, ичсэнээс болж биеэ нууж далдлах* ‘спрятаться от страха или смущения’. По сообщению информатора Гунгаагай Дамбинима, данное слово не распространено в языке шэнэхэнских бурят КНР.

Басаган гайхажа, хитэжэ уруугаа харахан зандаа халта шэшэрэн татаһан гараа харбайба. [ЭКБЯ. А.Бальбууров. «Зэдэлээтэ зэбэнүүд». 1972] ‘Девушка, не обернувшись, стеснясь, протянула немного дрожащую вытянутую руку’.

Бур. *хирүүтэхэ, хирүүдэхэ* ‘стесняться, конфузиться; робеть’ [БРС 2, 2010: 426], от стпм. *kirü-* [ЭСМЯ 2, 2016: 130] (возможная форма

старописьменного написания, но не зарегистрированная в старописьменном языке).

Илангаяа Балжидай хөөрүү хүхюун байхада, тэдэнэр бүришье хирүүдэжэ, Сандагай урдаһаа хүсэд харанашьегүй. [ЭКБЯ. Ц.-Д. Хамаев. «Сагаан сэдхэл». 1962] ‘Стеснясь, в особенности из-за того, что Бальжин была излишне весела, они почти не смотрели в лицо Сандаку’.

Бур. *ербэдэхэ* ‘чуждаться, не идти к кому-л. (о ребёнке)’ [БРС 1, 2010: 337].

Хүнөөр уулзахаһаа хашаржа, таниха хүнүүдһээ ербэдэгшэ һэн. [ЭКБЯ. Ч. Цыдендамбаев. «Түрэл нютагһаа холо». 1958] ‘Чуждался знакомых людей, испытывая тягость от встреч с людьми’.

Түрүүшээр ербэдээд, аалин номхоноор байһан багашуул, байн байн энэ байдалдаа дадажа, шууяа татажа, носолдожо эхилбэ. [ЭКБЯ. С. Цырендоржиев. «Ондоо бодол байхагүй». 1977] ‘Дети, которые сначала стеснясь были тихими и послушными, привыкнув со временем к обстановке, начали шуметь и возиться’.

В результате анализа примеров из Бурятского корпуса (в отличие от значения, зарегистрированного в Бурятско-русском словаре Л. Д. Шагдарова, К. М. Черемисова (далее БРС), с данным глаголом отмечены также примеры с обозначением чувства внутренней неловкости, смущенности, возникающие у влюблённых:

Заримад дурлахадаа ербэдэжэ, зориггүй болошохо, нүгөөдүүлнэ, тандал адляар, инаг басаганайнгаа гэрһээ халахая болишохо... [ЭКБЯ. Ч. Цыдендамбаев. «Түрэл нютагһаа холо». 1958] ‘Некоторые, влюбившись стесняются, становятся несмелыми, другие так же, как и вы, не отходят от дома любимой девушки’.

Стпм. *berilekü* ‘быть застенчивым, конфузиться, стыдиться (о женщинах)’ [Голстунский 2, 1894: 225], монг. *бэрлэх* ‘быть застенчивым, стыдиться, конфузиться’ [БАМРС 1, 2001: 460], монг. *бэргэх* ‘стесняться, робеть’ [БАМРС 1, 2001: 460] – Сундуева Е. В. в качестве гипотезы связывает

этимологию данных глаголов с стпм. *beri, bergen*, монг. *бэр, бэргэн, бур. бэри, бэригэн*, калм. *бер, бергн* ‘невестка, сноха, жена сына’. Подобный мотив номинации не выглядит необоснованным с учетом зависимого положения невестки в странах Востока [Сундуева, 2010: 135]. Данная гипотеза косвенно подтверждается вторым значением глагола монг. *бэрлэх* ‘устар. хуучир. выказывать робкую почтительность (как невестка); соблюдать табу в отношении старших родственников мужа; оказывать услугу почтенному лицу’ [БАМРС 1, 2001: 460].

Бадам бэргээд яах вэ. Нааш ир гэхэд Бадам ч мориноосоо бууж нөхрөө түшин суув. [ЭКМЯ. Сэнгийн Эрдэнэ. «Ихэр толгодын дунд». 1987] ‘Бадам незачем стесняться. Когда сказали идти, Бадам слез с лошади и сел, опираясь на супругу’.

В калмыцком языке данная основа образует калм. *бермсх* ‘стесняться’ [КРС, 1977: 96].

Хүрмнь болад чилж одсн бээдлтэ, шин гермал болсн улст ора болсн цагт одж йовхар гинэд, таньдгарн танаһар орж ирсмнэн, гиж Бата бермсж келв. [ЭККЯ. К. Э. Эрендженов. «Һалан хадһл». Книга 2. 1979] ‘Бата, стесняясь, сказал, что зашел по-приятельски, ведь, похоже, свадьба уже подошла к концу и к молодоженам уже идти поздно’.

Бур. *бэшүүрхэхэ* ‘чуждаться; чураться; дичиться (о детях)’ [БРС 1, 2010: 175], монг. *бишүүрхэх* ‘дичиться, чуждаться (о ребёнке), стесняться, глядеть букой (о детях по отношению к незнакомому человеку)’ [БАМРС 1, 2001: 401], калм. *бишркх* ‘держаться отчуждённо’ [ТСКЯ 1, 2022: 123] восходит к стпм. *busu, bisi* ‘иной, другой, особый’ [Голстунский 2, 1894: 244].

– *Энэш намайе ондоо хүн гэжэ бэшүүрхэнэ бэшэ гү? – гэжэ Юмжид хэлээд, гар дээрээ үлгэдэбэ.* [ЭКБЯ. Г-Д. Дамбаев. «Алтан бэһэлиг». 2010] ‘Он, кажется, чуждается, потому что считает меня посторонним человеком’, – сказала Юмжид и покачала его на руках’.

Когда человек делает что-то плохое, он может испытывать неприятные ощущения – стыд, имеющий связь с этическими принципами. В этом случае

человек переживает «внутри себя» из-за совершённого поступка: «Х считает, что Y, который он совершил, плохой; Х ощущает что-то неприятное из-за этого; Х думает о себе плохо»: бур. *хэмшээрхэхэ* ‘конфузиться, совеститься’ [БРС 2, 2010: 520] (от бур. *хэмшэхэ* ‘1) привыкать к норме 2) входить в определённые рамки; входить в норму, нормализоваться; стабилизироваться’ [БРС 2, 2010: 520])

Эмчи Соном Насаран хамба хоёр үүдхэжэ байһан ажалайнгаа эсэсэй тодхорһоо хэмшээрхэхэ муртөө... [ЭКБЯ. Д. Батожабай. «Төөригдэһэн хуби заяан». 1959–1965] ‘Наряду с тем, что эмчи Соном и хамба Лхасаран совестились по поводу рокового несчастья в результате совершаемых действий...’

Испытывая «этический стыд», человек может также переживать о социальной оценке причины стыда, таким образом «этический стыд» переходит в «социальный стыд»: «Х думает, что Y, который он сделал, плохой; Х чувствует что-то плохое от этого; Х думает, что кто-то думает плохое об X» или «Х думает, что Y, который он сделает, плохой; Х думает, что кто-то думает плохое об X, X не делает Y»:

Бур. *аягүйрхэхэ* [БРС 1, 2010: 96], монг. *аягүйрхэх* ‘смущаться, конфузиться, испытывать неловкость, приходить в замешательство, смущение, стесняться, робеть’ [БАМРС 1, 2001: 351] восходит к стпм. *ау-а-йгеi* ‘несоответствующий, не подходить’ [Голстунский 1, 1895: 53].

Эгэшэнэртэй адли болон хүхихэ гэхэдээ аягүйрхэжэ халта амсаба. [ЭКБЯ. Ц.-Ж. Жимбиев. «Урасхал». 1973–1976] Постеснявшись веселиться наравне с сестрами, он чуть-чуть пригубил.

Стпм. *joki-* [Голстунский 3, 1893: 381] образует глаголы, которые несут значение ‘соответствовать, подходить’, но только в бурятском языке образуется глагол бур. *зохидгүйшөөхэ* ‘считать неподходящим (или неудобным, неприличным)’ [БРС 1, 2010: 404];

— *Хэшэгтэ Никитуевич, эдэ юунүүд гээшэб?* — *гээжэ Таня асуугаад, гэнтэ зохидгүйшөөжэ, хүлисэл гуйба.* [ЭКБЯ. Ч. Цыдендамбаев. «Түрэл

ньютагһаа холо». 1958] ‘- Хэшэгтэ Никитуевич, что это? – спросила Таня и внезапно застеснявшись, попросила прощения’.

В результате анализа примеров с глаголом монг. *нэрэлхэх* (‘стесняться есть в гостях; церемониться’) [БАМРС 2, 2001: 623] из Монгольского корпуса было выявлено, что его значение связано с переживанием социального стыда.

Одоо яаж амьдаръя гэж олон арга бодовч, амьтан хүнээс нэрэлхээд асууж зөвлөн үзсэнгүй. [ЭКМЯ. Лувсандашийн Бадарч. «Чулуун арслангийн хэрэг». 1962] ‘Хотя я сейчас и думал о многих способах как жить, стесняюсь, я не пробовал спрашивать совет у людей’.

Калм. *эмэх* ‘стесняться, смущаться, быть скромным’ [КРС, 1977: 698] – глагол может выражать как этический, так и социальный стыд (от стпм. *етиуекй* ‘бояться, робеть, трусить, побаиваться, оберегаться, остерегаться, опасаться, обнаруживать испуг, тревогу; отлынивать от дела’ [Голстунский 1, 1895: 91], варианты в других рассматриваемых монгольских языках описаны в параграфе о глаголах со значением «бояться»):

Би нам эмәһәд яахв гихләрн, хувцан чирж авад гер эргүв. [ЭККЯ. К. Эрендженев. «Һалан хадһл». Книга 2. 1979] ‘Я в смятении, не зная, что делать, притащила вещи и ходила вокруг дома’.

Медәтнр, күүкд эмәһәд, чолун дүрсн болж хуврәд, әәмж тагчгрв. [ЭККЯ. Н. Илюмжинов. «Абиль». 2005] ‘Пожилые и дети в стеснении превратились в «каменную глыбу» и после волнения затихли’.

Монг. *ичгүүрэх* ‘стыдиться, конфузиться’ [БАМРС 1, 2001: 441], монг. *ичингүйрэх, ичингүүрэх* [БАМРС 1, 2001: 441] книжн. ‘стыдиться, конфузиться, смущаться’ – видовые формы от глагола-идентификатора монг. *ичих*.

Миний төр барих сайн хүүгийн заяаны хань нь болох болтугай гэхэд нь хүрэн бор царайтай Ану ичингүйрэн улайгаад доошоо харсныг нь Галдан санав. [ЭКМЯ. Бямбын Ринчен. «Гүнж». 1969] ‘Галдан вспомнил, как загорелая Ану застенчиво покраснела и опустила глаза, когда он попросил стать супругой сына, которая будет управлять моей страной’.

Калм. *цѣмцэх* ‘стесняться, чувствовать стеснение’ [ТСКЯ 2, 2022: 418], ойр. *цѣмцээхе* ‘чувствовать себя стеснённым’ [СЯОС, 2001: 426] – локальный глагол для калмыцкого и языка ойратов Синыцзяна КНР.

Балыков дэжнэс бийдэн домчин цухл өргүлигон эрkd, чирмэж цѣмцэхэд, мөргүлин авъясар тагчгар хойр һаран намчлж бэрэд, тедниг өрч тусан өргэж авад, чаңһан олн бурхдт, шүтэнд, герин эзнд нерэдж, йөрэл тэвв. [ТСКЯ 2, 2022: 418] ‘Чтобы вновь не навлечь заслуженный гнев лекаря, Балыков, чувствуя стеснение, сложил в молитве ладони перед алтарем и произнес молитву-благопожелание, посвящённую хозяину дома и всемогущим божествам, которые милосердно помогают и охраняют’.

Монг. *эвгүйрэх* ‘1) чувствовать себя плохо; не помогать; 2) стесняться; совеститься’ (восходит к стпм. *eb ügei* ‘отсутствие согласия, соответствия, угодливости, покорности, послушания’ [Голстунский 1, 1895: 43]), – появление эмотивного значения (‘стесняться; совеститься’) у глагола *эвгүйрэх* обусловлено метафорическим переносом исходного физического значения (‘чувствовать себя плохо; не помогать’) на область эмоций и чувств. Этот механизм является распространённым способом расширения семантической структуры многозначных слов в различных языках мира.

Функционально-семантическая подгруппа глаголов эмоционального воздействия: категориально-лексическая сема – «вызвать стыд». В данную подгруппу объединены глаголы со сценарием «Х воздействует на Y, Y думает, что то, что он сделал плохо; Y чувствует что-то плохое от этого».

Имея широкий диапазон значений, базовый глагол-идентификатор в рассматриваемых языках характеризуется большой продуктивностью при образовании глаголов эмоционального воздействия: монг. *ичгийлэх* ‘улюлюкать, стыдить, конфузить’ [БАМРС 1, 2001: 440], монг. *ичиглэх* ‘дразнить; стыдить; показывать «длинный нос»’ [БАМРС 1, 2001: 441], монг. *ичээх* ‘стыдить, устыдить, пристыдить, конфузить, усовестить, смутить, вгонять в краску’ [БАМРС 1, 2001: 442], бур. *эшээхэ* ‘стыдить: устыдить, пристыдить, усовестить, смутить, вгонять в краску;’ [БРС 2, 2010: 685], калм.

ичүлх ‘стыдить’ [КРС, 1977: 275], калм. *ичэх* ‘стыдить, конфузить’ [КРС, 1977: 275] и др.

Многие глаголы со значением «стыдиться» не имеют пары с глаголами эмоционального воздействия. Это связано с тем, что этический стыд, который переживается глубоко внутри человека, чаще всего является неконтролируемой эмоцией (бур. *ербэдэхэ*, монг. *бэргэх*, монг. *бэрлэх* и др.). В то же время «сконфуженность» и «социальный стыд» более контролируемы человеком, возникая под воздействием социального окружения, они имеют формы эмоционального воздействия (калм. *бермсх* – калм. *бермсүлх*, бур. *хэмшээрхэхэ* – бур. *хэмшээрхүүлхэ*, монг. *улайх* – монг. *улайлгах*, калм. *баирдх* - калм. *баирдуулх* и др.).

Бидэ эдэниие хашажса, муу муухайень уудалжса, улайлгаха эшээхэ гэхэн бэшэ... [ЭКБЯ. Х. Намсараев. «Дурасхаалта нүхэд». 1932] ‘Мы не стыдим их, притесняя и роясь во всем их плохом...’

Стпм. *balaṣiqu* ‘стыдить, срамить, чернить’ [Голстунский 2, 1894: 204], монг. *балчих* ‘стыдить, смущать’ [БАМРС 1, 2001: 378] выделяет факт того, что он является примером лексического каузатива.

Функционально-семантическая подгруппа глаголов эмоционального отношения эмоций: категориально-лексическая сема – чувствовать определённое эмоциональное отношение, вызванное стыдом.

Бур. *аягүйшөөхэ* ‘1) относиться с неодобрением; 2) смущаться, стесняться, сконфузиться; совеститься, чувствовать себя не по себе, испытывать неловкость’ [БРС 1, 2010: 96] восходит к стпм. *ay-a-ügei* ‘несоответствующий, не подходящий’ [Голстунский 1, 1895: 53]. Глагол отражает внутреннее состояние субъекта, испытывающего дискомфорт или несоответствие внешним обстоятельствам. При помощи суффикса *-шөө* образуются глаголы преимущественно от имен прилагательных, суффикс характеризуется в семантической классификации глагольных основ У.-Ж. Ш. Дондукова как «испытывать то, что выражается в производящей основе» [Дондуков, 2007: 207].

*Байрадаа ошоходонь, аба абаһаар танингүй, Лоська нохойнь хоёр удаа Доржо тээшэ хусаад, гэнтэ **аягүйшөөжэ**, дуугай болоод, һүүлээ хүдэлгэн эрхэлнэ.* [ЭКБЯ. Ч. Цыдендамбаев. «Түрэл нютагһаа холо». 1958] ‘Когда он подошёл к общежитию, собака Лоська, не узнав его, сначала дважды пролаяла в сторону Доржи, а затем, резко смутившись, замолчала и стала ластиться, виляя хвостом’.

Калм. *баширдх* ‘чувствовать себя неловко, смущаться, стесняться’ [ТСКЯ, 2022: 102], ойр. *баширдаха* ‘смущаться, стесняться, чувствовать себя неловко’ [СЯОС, 2001: 60].

Бата баширдад, багийн өмнөс чик хэлэж чадл уга, хажудан герин эрст өлгөтө бээсн зургуд хэлэв. [ТСКЯ 1, 2022: 102] ‘Бата, стесняясь не мог смотреть прямо на учителя, устремил взгляд на висевшие на стене картины’.

Функционально-семантическая подгруппа глаголов внешнего выражения эмоции:

Основным внешним признаком стыда или смущения является покраснение лица. Это отражено в бур. *улагашаха* ‘1) мерцать (о чём-либо красном); 2) то и дело выглядывать из-за чего-либо; 3) краснеть (от смущения); смущаться’ [БРС 2, 2010: 294], калм. *улах* перен. ‘краснеть, стыдиться’ [КРС, 1977: 531], стпм. *теуйкейекü* ‘устыдиться, покраснеть от стыда’ [Голстунский 3, 1893: 213], монг. *мэхийрэх* ‘1) стыдиться, становиться застенчивым, робеть, стесняться; 2) хитрить, прибегать к уловкам’ [БАМРС 3, 2001: 542]. Однако монг. *улайх* ‘краснеть, становиться красным’ самостоятельно значения стыда не несет, сема «стыдиться» появляется в сочетаниях монг. *нүүр улайх* ‘краснеть, стыдиться’, монг. *ичиж улайх* ‘краснеть от стыда, гореть от стыда’, монг. *царай улайх* ‘покраснеть, сконфузиться’ [БАМРС 4, 2002: 1504].

Охины царай яагаад юунаас үүдэн улайв? Үснээс минь биш байгаа гэж бодсоноос болоод миний өөрийн царай бас л яах ийхийн завдалгүй улайчихлаа. ‘Почему лицо девушки покраснело (Чего застеснялась девушка?)? Я подумал, что из-за моих волос, и мое собственное лицо так раскраснелось, что ничего не сделаешь’.

Ярко выражен стыд во фразеологических выражениях с компонентом монг. *нүүр*, бур. *нюур*, калм. *нүүр* ‘лицо’ – монг. *нүүр зулчилзах* ‘беспокоиться, тревожиться; прятать лицо от стыда; не знать куда деваться от стыда, не смотреть друг на друга, отворачиваться (при ссоре)’ [БАМРС 2, 2001: 610]; монг. *нүүрээ ширлэх* перен. ‘совесть потерять, быть бесстыжим, бессовестным’ [БАМРС 2, 2001: 610]; бур. *нюуртаа нохойн даахи ургуулха* досл. «на лице своем собачью свалявшуюся шерсть вырастить» – ‘вести себя бессовестно, без стыда’ [ФСБЯ, 2014: 244], монг. *нюуртаа шабааһа няаха* досл. «прилепить на лицо свое навоз» – ‘вести себя бессовестно, без стыда’ [ФСБЯ, 2014: 244], калм. *нүүртэн шикэ наах* досл. «на лицо приклеена кошма» – ‘потерять чувство стыда’ [ППЗ, 2007: 540] и др.

Таким образом, анализ глаголов стыда в монгольских языках показывает богатство номинаций и вариативность когнитивной интерпретации данного явления. Базовыми элементами выступают глаголы-идентификаторы, выполняющие организующую функцию в системе деривационных процессов и семантических взаимодействий. Выделение типов стыда (этический, социальный, обусловленный обстоятельствами) подчеркивает комплексность восприятия данного чувства в сознании носителей. При анализе функциональных связей глаголов установлено существование эмотивных парных глагольных сочетаний, фразеологических единиц, несущих функцию не только усиления степени стыда, но и передачи различных оттенков переживаний, сопровождающихся стыдом. Большинство эмотивных глаголов со значением «стыдиться» обладают общим характером происхождения, претерпевая лишь фонетические изменения в конкретных языках. Вместе с тем каждый из рассматриваемых языков обладает уникальными лексемами, репрезентирующими категорию стыда (бур. *гайхаха*, бур. *хитэхэ*, бур. *ербэдэхэ*; монг. *нэрэлхэх*, монг. *эвгүйрэх*; калм. *эмэх*, калм. *цэмцэх* и др.). Данный феномен свидетельствует о том, что функционально-семантическая группа глаголов со значением «стыдиться» развивалась исторически неравномерно и прошла путь самостоятельного развития в каждом из языков.

3.3. Глаголы со значением «радоваться» в монгольских языках

Функционально-семантическая группа объединена семантической идеей «испытывать приятное чувство, какое бывает в случае, когда субъект оценивает что-то как хорошее для себя».

Базовым глаголом-идентификатором в рассматриваемых языках является глагол стпм. *bayarlaqu* ‘радоваться, веселиться’ [Голстунский 2, 1894: 209], бур. *баярлаха* ‘радоваться, веселиться, приходить в восторг’ [БРС 1, 2010: 124], монг. *баярлах* ‘радоваться, веселиться, ликовать, приходить в восторг’ [БАМРС 1, 2001: 392], калм. *байрлх* ‘торжествовать, радоваться, быть радостным’ [КРС, 1977: 77]. Этот глагол представляет обобщённую форму значения, лишён ярких эмоциональных оттенков и свободно употребляется вне зависимости от конкретного контекста.

В монгольском языке рассмотрено 13 глаголов, из них 1 глагол-идентификатор, 3 глагола – в ближайшей периферии (изображено на рис.8). В бурятском языке зафиксировано 13 глаголов, из них 1 глагол-идентификатор, 3 глагола – в ближайшей периферии (изображено на рис.9). В калмыцком языке выявлено 7 глаголов, из них 1 глагол-идентификатор, 2 глагола – в ближайшей периферии (изображено на рис.10).

Рис. 8. ФСГ глаголов со значением «радоваться» в монгольском языке

Рис. 9. ФСГ глаголов со значением «радоваться» в бурятском языке

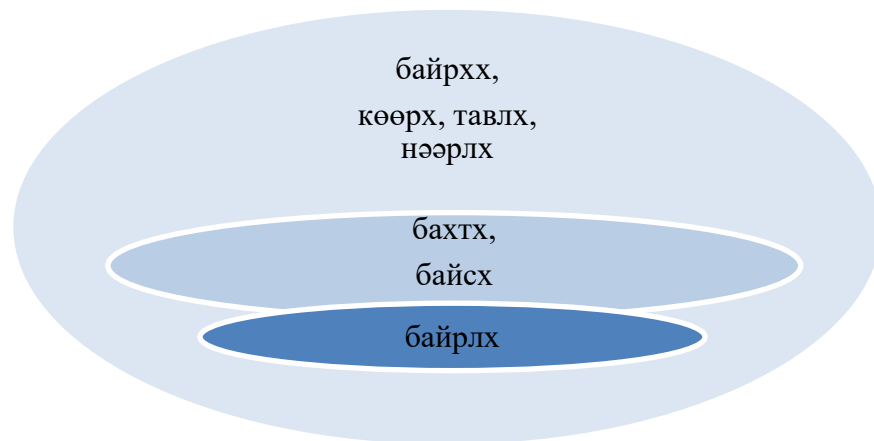

Рис. 10. ФСГ глаголов со значением «радоваться» в калмыцком языке

Глаголы, конкретизирующие эмоцию за счет оттенков, имеющие какие-то контекстные значения, были разделены на функционально-семантические подгруппы.

Глаголы эмоционального состояния: категориально-лексическая сема – «быть в состоянии радости, испытывать радость».

Стпм. *bayasqu* 'радоваться, веселиться, чувствовать удовольствие' [Голстунский 2, 1894: 208], бур. *баясаха* 'радоваться, веселиться, быть довольным' [БРС 1, 2010: 124], монг. *баясах* 'радоваться, ликовать, восторгаться' [БАМРС 1, 2001: 393], калм. *байсх* 'радоваться, восторгаться, быть радостным' [КРС, 1977: 78]:

*Хэшэгмаа басаганай ажалша бэрхэ байһанда арад зон **баясана**, Ашата үбгэн үнэн зүрхэнһөө һайхан үрээл хэлэнэ, бэлэг барина.* [ЭКБЯ. С. Содномов. «Багшын булан». 2006] ‘Народ радуется тому, что Хэшэгмаа работающая и умелая, старик Ашата от всего сердца говорит благопожелания и дарит подарки’.

*Чиний дуулахыг сонсох бүрдээ би түүнийгээ дурсан санаж өр зүрх минь **баясдаг** юм.* [ЭКМЯ. Бөхийн Бааст. «Хаш аяга»] ‘Каждый раз, когда я слышу твоё пение, я вспоминаю его и моё сердце радуется’.

*Бамб цецгэһэн үзхлэрн, **байсад байрлад** однав.* [ТСКЯ 1, 2022: 90] ‘Очень радуюсь при виде тюльпанов’.

Эмоцию, репрезентируемую данными глаголами, могут вызывать любые положительно воспринимаемые факторы: от успехов детей до наличия теплой одежды. Субъектом, способным бур. *баясаха*, монг. *баясах*, калм. *байсх*, является человек, а также душа как место сосредоточения чувств и эмоций в понимании монголоязычных народов:

*Ой соо гү, али голый эрьедэ авторай бэшэһые хараха бэшэ, мүн баһа шэхээрээ дуулаха, сэдхэлээрээ **баясаха** болоно.* [ЭКБЯ. С. Содномов. «Уран зохёолнуудые уншалгын болон анализ хэлгын ажалай методико». 2006] ‘Это не значит читать то, что написал автор в лесу или на берегу реки, но и слышать ушами и радоваться душой’.

*Гэлээ ч Балданцэрэнгийн сэтгэлд **баясах** юм алга.* [ЭКМЯ. Донровын Намдаг. «Цаг төрийн үймээн». 1960] ‘Однако душе Балданцэрэна нечему радоваться’.

Отмечены также примеры, когда рассматриваемый глагол обозначает радость, вызванную чем-либо негативным:

*Хүнэй гэмтэмсээр **баясаха** гээшэ хаа,*

Хүнэй хүүр эдигшэ тас шубуун мэтэ болохо. [ЭКБЯ. Э-Х. Галшиев. «Бэлигэй толи». 1880–1915]

‘Если радоваться, как только кто-то получает увечья,

Это подобно тому, как орел-ягнятник кушают труп человека’.

бур. *хоротойгоор баясаха* ‘злорадствовать’ [БРС 1, 2010: 124]

монг. *башийх* (простореч.) ‘радоваться’ [МХИТТ].

Становление эмоционального состояния: эмотивные глаголы данной подгруппы позволяют описать процесс возникновения эмоции в различных аспектах его протекания: степень проявления, причина проявления эмоции.

Высокая степень проявления выражается:

Глаголы с корнем *maḥa-*, которые восходят к праязыковой форме *masa-* (**masa?* *maḡasa-*?): **masaḡar*, **masara-*, **masaḡi-* [ЭСМЯ 2, 2016: 164]: бур. *maḥaḡанаха* ‘очень радоваться, таять от радости’ (языковые параллели в монгольском и калмыцком языках не обнаружены), бур. *maḥарха* ‘радоваться, торжествовать’ [БРС 1, 2001: 545], монг. *maasḡанах* ‘обольщать, соблазнять’ [БАМРС 2, 2001: 464] (эмотивное значение отсутствует).

Описывая глагол бур. *maḥаḡанаха*, Б. Д. Цыренов отмечает, что «человек, радость которого выражается глаголом, несколько смущён или находится в более уязвимой, низкой позиции по отношению к окружающим, проявляет некий пиетет, подобострастие, или желает угодить тому, с кем взаимодействует или контактирует» [Чертыкова, 2021: 45]. На основе примеров с глаголами бур. *maḥаḡанаха*, бур. *maḥарха*, представленных в Толковом словаре бурятского языка, выделяется значение ‘торжествовать’. Примеров с данными глаголами в Корпусе бурятского языка не обнаружено.

Одоол оройдонь гараба гээшэ хабди, – гээжэ Баяр maḥаḡанана. [ТСБЯ]
‘«Наконец дошли до вершины», – торжествует Баяр’.

Одоо даа, хуушанай ангуушанай түхэлтэй болоболтойш! - гээжэ отообайнь maḥаран, эрьен тойрон хараад... хойр хүбүүдтээ хандаба. [ТСБЯ]
‘«Наконец ты стал выглядеть прежним охотником!» – обрадовался дед, разглядывая по сторонам...обратился к двум сыновьям’.

Чрезвычайную степень радости в монгольском языке выражает многозначный глагол монг. *хөөрөх* ‘1) возбуждаться, быть в возбуждении; горячиться; пьянеть; 2) чрезвычайно радоваться, веселиться, ликовать, разгуляться’ [БАМРС 4, 2002: 1375], восходящий к глаголу стпм. *kögerkü*

[Голстунский 3, 1893: 477] ‘пениться, выступает пена, закипать, подниматься вверх, пучиться’. Вышеуказанное значение связано с физическими процессами, которые ассоциируются с движением вверх, всплеском энергии или бурлением. В данном случае произошло метафорическое расширение значения через связь процесса закипания с всплеском энергии. Менее интенсивную эмоцию передают бур. *хөөрэхэ*, имеющее переносное значение ‘быть в приподнятом настроении, быть в возбуждении’ (особенно после приёма горячительных напитков) [БРС 2, 2010: 456], калм. *көөрх* ‘1) хвалиться, хвастаться, бахваливаться 2) быть в радостном настроении’ [КРС, 1977: 318]. «Субъектом радости с монг. *хөөрөх*, бур. *хөөрэхэ* может выступать душа, сочетания со словами, обозначающими людей, не выявлены: монг. *сэтгэл хөөрөх* ‘воодушевляться; быть в приподнятом настроении’, бур. *сэдьхэл хөөрэхэ* ‘воодушевляться, приходить в возбуждение, становиться словоохотливым’» [Бадмадоржиева, 2023: 145].

Тишхэдэнь, үбгэн эмгэн хоёрой сэдьхэл хөөрэхэн янзатай, бага энеэбхилэлдэн, шэнэ айлишамнай сохом ойлгобо ха гү гэхэн маягтайгаар хоюулан сэхэ хараад нуугаа нэн. [ЭКБЯ. Х. Намсараев. «Үмсэ ба хамта». 1930] ‘Тогда, старик и старуха, будто воодушевившись, немного посмеиваясь, сидели и смотрели оба прямо, словно гадая, понял ли точно новый гость’.

Сайн эхэлж юм бүхэж бүтэж байгаа хоёр залуугийн хөл хөнгөрч сэтгэл хөөрнө. [МХИТТ] ‘У двоих молодых людей, которых хорошо начали и продолжали выполнять дело, радовалась душа’.

Аналитические конструкции базового глагола с наречиями, например, бур. *ехээр*, калм. *икэр*, монг. *ихээр* ‘сильно’ в препозиции. В корпусах рассматриваемых языков также зафиксированы примеры с другими наречиями. Б. Д. Цыренов [Чертыкова, 2021: 42-43], рассматривая синонимический ряд глаголов с общим значением ‘радоваться’ в бурятском языке, дает следующие примеры: бур. *аймшагтай баярлаха* ‘сильно, страшно (об)радоваться’, бур. *ехээр баярлаха* ‘ужасно (об)радоваться’, бур. *мүргүй баярлаха* ‘сильно (об)радоваться’, бур. *шэггүй баярлаха* ‘сильно

(об)радоваться’, бур. *хизааргүй баярлах* ‘безмерно (об)радоваться’, бур. *тэнэ (биса) баярлах* ‘сильно радоваться’. В Национальном Корпусе монгольского языка отмечены такие наречия как *хэмжээлшгүй, үнэхээр*.

Если рассматривать глаголы радости в монгольских языках с точки зрения причины возникновения эмоции:

1) Радость по поводу чего-то приятного: стпм. *kōkikū* ‘воспрянуть духом, делать что-то с рвением, напрягать силы, увлекаться чем-либо, быть побуждаемым, поощряемым, подстрекаемым’ [Голстунский 3, 1893: 477], бур. *хүхихэ* ‘веселиться, радоваться, ликовать’ [БРС 2, 2010: 507], монг. *хөхөх* ‘ободряться, оживляться; вдохновляться; возбуждаться, увлекаться чем-либо, воспрянуть духом; ликовать’ [БАМРС 4, 2002: 1384] – в этимологическом словаре монгольских языков помимо вышеуказанных значений включает значение ‘восторгаться, видя что-то приятное у другого’.

«Халаг даа, эсэгэшни байгаа хаа, яатараа *хүхихэ* байгаа гээшэб», – гэжэ *hanaa алдахадань, Даримын хэлэхэ үгэ олдохойё болижо, арсалдаагаа зогсоодог байгаа*. [ЭКБЯ. Ц. Шагжин. «Сэлмэг тэнгэри». 1981] ‘«Эх, если бы был твой отец, как бы он радовался», – после того как он так сетовал, Дарима, не найдя слов, прекращала своё сопротивление’.

2) радость богатству: стпм. *bayarqaqu* ‘гордиться, чваниться богатством’ [Голстунский 2, 1894: 209], монг. *баярхах* – несмотря на то, что в монгольско-русском словаре находим значение ‘хвастаться, кичиться богатством’ [БАМРС 1, 2001: 393], словарная статья в толковом словаре монгольского языка дает нам основания считать данный глагол эмотивным: «*баян гэж хөөрөх, хөрөнгө мөнгөөрөө гайхуулах*» [МХИТТ] – досл. ‘радоваться богатству, удивлять богатством’. Если калмыцкий глагол с общим корневым элементом калм. *байрхх* сохраняет значение радости ‘1) радоваться, веселиться 2) перен. бодриться, не унывать’ [ТСКЯ, 2022: 90], то бур. *баярхаха* имеет лишь значение ‘хвастаться (кичиться) своим богатством’ [БРС 1, 2010: 124].

Итгэлтийн баярхах нь бусдад ер таашаагдсангүй. [МХИТТ] ‘То, как радовался Итгэлт, другим совершенно не понравилось’.

3) радость по поводу чего-либо плохого:

- глагол бур. *хүглэхэ* ‘радоваться чему-либо’ [БРС 2, 2010: 480] (восходит к стпм. *kög* – бур. (зап.) *хүг, хөг* пылающий, красный уголёк; (перен.) ‘жизнерадостность, веселье, оживление’ [ЭСМЯ 2, 2016: 135]) несет негативный оттенок, основанием для такого вывода можно считать устойчивое сочетание бур. *мууда хүглэхэ* ‘злорадствовать’. В калмыцком языке языковых параллелей не обнаружено, в монгольском же глагол монг. *хөглөх* имеет значение ‘попадать в смешное положение; срамиться’ [БАМРС 4, 2002: 1357].

- стпм. *tabalaqu* ‘чувствовать удовольствие, спокойствие, радоваться (чужой беде)’ [Голстунский 2, 1894: 21], монг. *тавлах* ‘злорадствовать, удовлетворять своё желание’ [БАМРС 3, 2001: 896], калм. *тавлх* ‘злорадствовать, чувствовать спокойствие, успокаиваться’ [КРС, 1977: 477].

Хэд хоноод энэ хадан хясааг нураахаар рашаан чинь улам цэвэр тунгалаг болно доо гэж өндөр залуу тавлах мэт хэлэхэд Дамбийн бие зарсхийж дэмий л шогширов. [ЭКМЯ. Намсарайн Банзрагч. «Энгэрийн гурван хайлаас». 1990] ‘«Через несколько дней, когда будет снесен этот утес, твой источник станет еще чище», – сказал высокий юноша, как бы злорадствуя, по телу Дамби пробежал холод и он щелкнул языком’.

Глаголы эмоционального воздействия: категориально-лексическая сема «вызывать радость через воздействие на субъект».

Данная подгруппа глаголов в большинстве своем представляет собой морфологические каузативы, то есть имеет специальные каузативные аффиксы. Они образуются от некаузативных лексем, обозначающих соответствующие эмоции и состояния: например, монг. *хөгжих* – *хөгж-үүл-эх*, бур. *баярлах* – *баярл-уул-ха*, калм. *бахтх* – *бахт-а-х* и т.д.

Глаголы эмоционального отношения: передают переживание радости от чего-либо или вызванное чем-либо.

Стпм. *kögjikü* ‘разгореться, гореть, пылать, умножаться, распространяться, приходить в цветущее состояние, процветать, иметь охоту, рвение, пристращаться, быть в веселом расположении’ [Голстунский 3, 1893: 180], монг. *хөгжих* ‘веселиться, забавляться; иметь охоту, рвение, желание, быть в хорошем настроении’ [БАМРС 4, 2002: 1356], калм. *көгжх* [КРС, 1977: 310], бур. *хүгжэхэ* ‘развиваться, процветать’ [БРС 2, 2010: 480] (значения ‘быть в хорошем настроении’ не зафиксировано)

Харин танил талынхаа айл гэрийн нэгэнд орвоос эрхгүй сэтгэл сэргэн, хөгжих болов уу гэж бодогдов. [ЭКМЯ. Донровын Намдаг. «Цаг төрийн үймээн». 1960] ‘Он подумал, что, однако, если бы он зашёл в дом к какому-нибудь своему знакомому, его настроение невольно бы улучшилось и, возможно, он даже повеселел бы’.

Стпм. *čenggekü* ‘веселиться, радоваться, забавляться, чувствовать удовольствие’ [Голстунский 3, 1893: 260], бур. *сэнгэхэ* ‘1) веселиться, радоваться, развлекаться, забавляться 2) наслаждаться’ [БРС 2, 2010: 209], монг. *цэнгэх* ‘1) веселиться, развлекаться, забавляться, радоваться; встряхиваться; нагуляться; тешиться’ [БАМРС 4, 2002: 1550], калм. *ценглх* ‘1) веселиться, развлекаться, забавляться 2) наслаждаться, блаженствовать’ с пометой устар. [КРС, 1977: 632] – значение ‘радоваться’ не зафиксировано.

Удовольствие, как положительное чувство, может вызывать желание испытывать его снова. С другой стороны, желание что-то сделать может возникнуть, если человек считает, что это принесёт ему удовольствие. Таким образом, есть связь между желанием и тем, что приносит удовольствие и радость. Связь между желанием с одной стороны, и удовольствием и радостью, с другой, лежит в основе переходов «желание» – «удовольствие» [Ионесян, 2020: 29].

- стпм. *baqatiqu* ‘находить удовольствие, нравиться, быть по сердцу, по мысли, желать, зариться’ [Голстунский 2, 1894: 196], бур. *бахатаха* ‘1) сильно желать, гореть желанием 2) восхищаться, интересоваться, находить удовольствие в чем-либо’ [БРС 1, 2010: 123], монг. *бахдах* ‘1) восторгаться,

быть в восторге, восхищаться; радоваться; чувствовать, находить удовольствие, любоваться; 2) гордиться’ [БАМРС 1, 2001: 390], калм. *бахтх* ‘восторгаться, восхищаться, получать удовольствие’ [КРС, 1977: 86].

— *Бадан, амараг гоохоноо хүлээжэ аба, үгэдөө хүрөө бэээб! — гээд, энеэн байжа, Баданай гар бахатан шангаар адхаба.* [ЭКБЯ. Б. Санжин, Б. Дандарон. «Заяанай зам». 1966] ‘— Бадан, встречай свою красавицу, я, должно быть, сдержал свое слово! — сказал он, смеясь, и радостно пожал руку Бадану’.

Василь чадх арһта болжах төлэдэн нам бийдэн невчк бахтад, көөрэд бээв. [ТСКЯ, 2022: 446] ‘Василь с гордостью, зная, что сможет, стоял радостный’.

- стпм. *baqaraqu* ‘чувствовать удовольствие, нравиться, иметь склонность, пристрастие, зариться’ [Голстунский 2, 1894: 196], монг. *бахрах* — отсутствует в БАМРС, но отражено в Большом толковом словаре монгольского языка (далее МХИТТ) ‘таашаан бахдах’ ‘приятно восторгаться, быть в восторге, восхищаться; радоваться; чувствовать, находить удовольствие, любоваться’, бур. *бахархаха* ‘1) быть довольным, восторгаться чем-л.; 2) быть в хорошем настроении; 3) гордиться чем-л.’ [БРС 1, 2010: 123];

- стпм. *urmasiqu* ‘быть мужественным, смелым, радоваться, чувствовать расположение, охоту, удовольствие’ [Голстунский 1, 1895: 213], бур. *урмашаха* ‘быть в хорошем настроении; радоваться чему-л.’ [БРС 2, 2010: 306], монг. *урамших* ‘получать стимул; воодушевляться, вдохновляться; быть в хорошем расположении духа, настроении’ [БАМРС 3, 2001: 1091], калм. *урмдх* ‘вдохновляться, воодушевляться’ [ТСКЯ 2, 2022: 246].

- стпм. *qangqu* ‘быть довольным, удовлетворённым, быть сытым, быть благодарным’ [Голстунский 2, 1895: 53], бур. *ханаха* ‘получать удовлетворение, удовлетворяться; успокаиваться’ [БРС 2, 2010: 394], монг. *ханах* ‘удовлетворяться, получать удовлетворение, быть довольным, удовлетворённым; успокаиваться; быть благодарным’ [БАМРС 4, 2002: 1249], калм. *ханх* ‘получить моральное удовлетворение’ [ТСКЯ 2, 2022: 322].

Глаголы внешнего выражения эмоций: категориально-лексическая сема «выражать во внешности, жести страх, эмоциональное отношение к радости».

Национальный сдержанный характер монгольских народов, который проявляется тем, что в монгольской культуре не принято ярко выражать эмоции, в особенности положительные, объясняет относительно небогатый сценарий выражения радости во внешнем виде. Улыбка во весь рот, блаженная улыбка – один из признаков переживания радости, но даже излишне проявленная улыбка, может оцениваться как простодушие: бур. *maḥайxa* ‘расплываться в улыбке, улыбаться во весь рот, радоваться; перен. быть простофилей (или растяпой)’ [БРС 1, 2010: 545], монг. *маасайх* (разг.) ‘расплываться в улыбке, улыбаться, радоваться’ [БАМРС 2, 2001: 463]; бур. *maḥалзаха* ‘принимать глупо радостный вид’ [БРС 1, 2010: 545], монг. *маасгардах* ‘блаженно улыбаться’ [БАМРС 2, 2001: 464], калм. *маасхлзх* ‘улыбаться, ухмыляться’ [КРС, 1977: 338].

Басагантаяа эблэржэ, эсэгэ мэтээр хүндэлүүлжэ хууһан Бизьяа үбгэн энэ дэлхэйдэ намһаа жаргалтай хүн үгы гэжэ хүхиржэрхихэ хэмдээ хүрэшэнхэй маһалзана. [ТСБЯ] ‘Старик Бизьяа, примилившийся с дочерью и почитаемый ею как отец, улыбался во весь рот, желая прокричать, что счастливее его никого нет на свете’.

Глаголы, передающие чувство радости, в рассматриваемых языках широко используются в составе сложных глагольных конструкций, имеющих общее значение «радоваться». При анализе структуры таких конструкций видно, что оба компонента – как основной глагол, так и вспомогательные элементы, содержащие дифференциальные признаки эмоции, – одинаково активно формируют смысл выражения. Парные глагольные конструкции со значением «радость» чаще всего включают идеографические синонимы, способствующие полному раскрытию сути понятий. Как отмечают авторы исследования «Парные слова и парное словообразование в бурятском языке» [Дырхеева, 2014: 30], такие сочетания позволяют точнее передать оттенки значения, усиливая выразительность речи: монг. *баярлах хөөрөх* ‘сильно

радоваться', бур. *сэнгэхэ хүхихэ* 'радоваться, развлекаться', калм. *байсад бахтх* 'радоваться' и др.

Встречаются также эмотивные парные глагольные сочетания вторым компонентом, которых чаще всего являются глаголы со значением «быть счастливым», «играть». Данные глаголы тоже несут в себе положительную коннотацию: монг. *цэнгэх наадах* 'веселиться, радоваться, забавляться, развлекаться', бур. *сэнгэхэ жаргаха* 'радоваться, блаженствовать' и т.д.

Итак, несмотря на то, что корневые элементы эмотивных глаголов со значением «радоваться» в рассматриваемых языках в основном общие, в некоторых случаях наблюдаются расхождения в значениях. При рассмотрении дифференциальных сем выявляется, что в рассматриваемых языках есть не только глаголы, раскрывающие значение «радоваться чему-то хорошему», но и амбивалентные, по степени интенсивности можно выделяются глаголы, обозначающие не интенсивную, интенсивную и высокоинтенсивную радость.

Также выделены эмотивные глаголы со значением «радоваться», свойственные только одному из рассматриваемых языков: бур. *маһаганаха*, монг. *башийх*, бур. *хүглэхэ* и др.

3.4. Глаголы удивления в монгольских языках

Под глаголами удивления понимаются глаголы, выражающие эмоции, вызванные неожиданностью, непонятностью, странностью каких-либо явлений, ситуаций или предметов.

Рис. 11. ФСГ глаголов со значением «удивляться» в монгольском языке

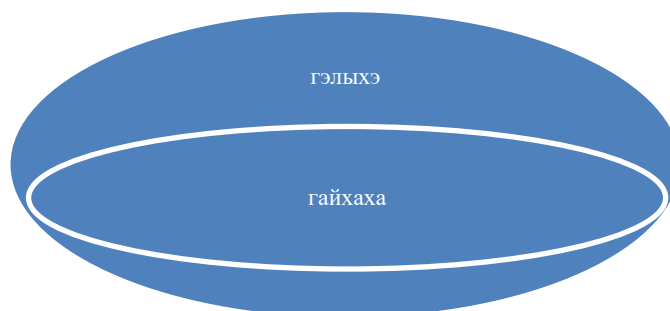

Рис. 12. ФСГ глаголов со значением «удивляться» в бурятском языке

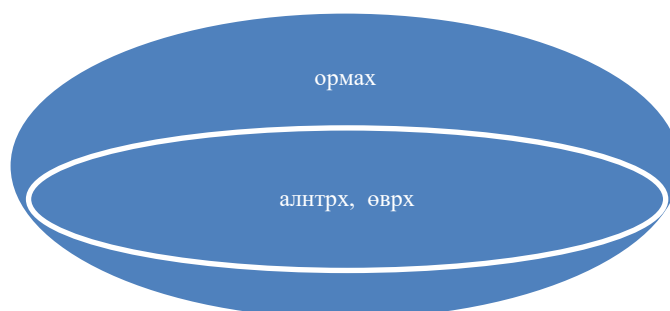

Рис. 13. ФСГ глаголов со значением «удивляться» в калмыцком языке

Группа включает девять глаголов монгольского языка (изображено на рис. 11), два глагола бурятского языка (изображено на рис. 12) и три глагола калмыцкого языка (изображено на рис. 13). Базовым глаголом-идентификатором является глагол стпм. *γaγiqaqi* ‘удивлять, быть изумлённым’ [Голстунский 2, 1894: 158], монг. *гайхах* ‘1. удивляться, изумляться, приходить в изумление; дивиться, повергнуть в изумление; любоваться 2. поражаться, ахать от удивления 3. поражаться, ахать от удивления’ [БАМРС 1, 2001: 512], бур. *гайхаха* ‘удивляться, изумляться, дивиться, поражаться’ [БРС 1, 2010: 189]. Однако, калм. *һәәхх* утратил значение ‘удивляться’, приобретя значение ‘смотреть, глядеть’ (преимущественно на выставке), первоначальное значение сохранилось в словах калм. *һәәхмж* ‘удивление, изумление’, калм. *һәәхмжтә* ‘удивительный, изумительный’ [ССКЯ, 1985: 55]. Для калмыцкого языка базовый глагол-идентификатор не был выделен.

Монгольская форма глагола *гайхах* позволяет выражать состояние души наряду с действиями человека, тогда как бурятский вариант *гайхаха* ограничен лишь человеческой референцией, демонстрируя своеобразие эмоционально-психологической структуры каждого из языков.

Хүү нь хэдэн зуун цэрэг захирсан жанжин болсноор барахгүй эгэл биш хүн гэж бишрэн залбирч явдаг энэ мундаг эрийн жанжин нь байсан гэдгийг сонсоод Өлзий өвгөний сэтгэл гайхахын туйлд хүрлээ. [ЭКМЯ. Чадраабалын Лодойдамба. «Тунгалаг Тамир». 1973] ‘Когда старик Олзий узнал, что его сын не просто стал полководцем, командовавшим сотнями воинов, но был тем самым выдающимся человеком, перед которым преклонялись и к которому зывали даже простые люди, его сердце переполнилось изумлением’.

Базовый глагол-идентификатор бур. *гайхаха*, монг. *гайхах* активно участвует в образовании эмотивных парных глагольных сочетаний. Монг. *гайхах* отличает сочетание только с глаголами, содержащих сему «удивляться» (монг. *гайхан шагшрах* ‘сильно удивиться’, монг. *гайхан мэлрэх* ‘сильно удивиться’ и т.д.), в то время как бур. *гайхаха* также может сочетаться с другими глаголами. Основная функция подобных сочетаний – изображение динамики эмоции, его нарастания.

Эмотивное парное глагольное сочетание в бурятском языке бур. *гайхаха гэлыхэ* ‘удивляться’ (бур. *гэлыхэ* ‘удивляться’ [БРС 1, 2010: 237]) представляет собой пример синтагматического объединения двух автономных глаголов, каждый из которых сохраняет свою полную лексическую значимость и самостоятельность. Компоненты *гайхаха* и *гэлыхэ* функционируют независимо друг от друга, обладая собственной внутренней формой и смысловым наполнением, что проявляется в возможности отдельного употребления каждого элемента вне контекста другого компонента пары:

Энэ бэшэг соо Пушкинай шүлэгэй ороһондо хэн гайхаха гэлыхэ юм? [ЭКБЯ. Ч. Цыдендамбаев. «Түрэл нютагһаа холо». 1958] ‘Кто будет удивляться тому, что в это письмо вошло стихотворение Пушкина?’

Хэндэшье шимэ эридээр хэлүүлжэ үзөөгүй ламбагай гэлыжэ, үмхи шара шүдэнүүдээ саб зуугаад, зананаар үгы болон тоңилоо һэн. [ЭКБЯ. Ц.-Д. Хамаев. «Энэрхы сэдхэл». 1967] ‘Не испытывавший на себе такие откровенные слова, лама удивился и ушел, поругиваясь, закусив гнилые желтые зубы’.

Сагаан бүд хаража, эндэхи хүн гайхаха. [ЭКБЯ. Ч. Цыдендамбаев. «Түрэл нютагнаа холо». 1958] ‘Местные удивятся, когда увидят белую ткань’.

Однако компонент бур. *«тагнаха»* глагольного сочетания бур. *«гайхаха тагнаха»* (бур. *тагнаха* парн. к *агнаха, гайхаха, магтаха* [БРС 2, 2010: 221]) самостоятельно в значении ‘удивляться’ не употребляется:

Үшөө хоёр нүхэдын тэдэнэй ошоһон хойно дасанда үлэһэн хүнүүд юу хэлэгшэ ааб гэжэ тагнаха даабаритай гээгдэһэн байгаа. [ЭКБЯ. Д. Батожабай. «Төөригдэһэн хуби заяан». 1959–1965] ‘Еще два их друга потерялись с заданием разведывать о том, что скажут люди, оставшиеся в дацане после их отъезда’.

«Ай даа, тиигээ хаань, яагааш аягүй юумэ болохоб?» гэхэ мэтын элдэб бодол Раднын толгой соо орожо, ехэ эмэгэнин гутажа, үе наһаараа үзөөгүй юумээ үзэжэ, гайхажэ тагнажэ, бурхандаа зальбаржа ябаба. [ЭКБЯ. Ц. Дон. «Хиртэһэн һара». 1932] ‘«Ай, если так будет, какая постыдная вещь произойдет?» – подобными разными мыслями почувствовав сильное отвращение, он ходил, молясь богам’.

Анализируя бур. *гайхаха гэлмэхэ* ‘удивляться, изумляться, дивиться’, можно обнаружить, что в составе данного парного слова используется глагол бур. *гэлмэхэ*, который очевидно произошел от стпм. *gelme-* (описан в 3.1.), но самостоятельно в бурятском языке не используется:

Хүн зон гансата абяагүй боложо, юун болобо гээшэб гэжэ гайхаһан гэлмэһэн нюдөөр бүгэдөөрөө гулваагай зүг тээшэ харашана. [ТСБЯ] ‘Люди резко замолчали и посмотрели на главу рода удивлёнными глазами, как бы спрашивая, что происходит’.

Глаголы эмоционального состояния: категориально-лексическая сема «быть в состоянии удивления, испытывать удивление».

Стпм. *γayiqaraq* ‘быть удивлённым, изумлённым’ [Голстунский 2, 1894: 158], монг. *γayxpaх* ‘удивляться, изумляться’ [БАМРС 1, 2001: 513] – однокоренное производное слово базового глагола-идентификатора с более ограниченным употреблением. В корпусе монгольского языка нет примеров с данным глаголом, это может свидетельствовать об ограниченности употребления данного глагола.

Стпм. *alangtraqu* ‘изумляться’ [Голстунский ПД, 1901: 3], калм. *алңтрах* ‘1. удивляться, быть удивлённым 2. сомневаться’ [КРС, 1977: 36], ойр. *алаңтарха* ‘удивляться чему-либо; недоумевать, сомневаться’. Глагол не имеет параллелей в бурятском и монгольском языках.

– Хулдж авлт тиигэд, гижэ гемнсг гергн, эн хамгиг эс медэд, гем уга дууһар *алңтрэж* сурв. [ЭККЯ. Сян-Белгин Х. Б. «Дурн болн дун». 1970] ‘Ну купите тогда, удивляясь, громко спросила прохворавшая женщина, не будучи в курсе дела’.

Глаголы становления эмоционального состояния: категориально-лексическая сема «прийти в состояние удивления, становиться удивлённым».

Когда в качестве причины описываются предмет, явление, событийные имена, по своим качествам превосходящие общепринятую норму, то они вызывают интерес, удивление субъекта:

Несмотря на то, что монг. *сэвүүрхэх* в БАМРС имеет значение ‘лакомиться; пробовать на вкус’ [БАМРС 3, 2001: 867] в МХИТТ зафиксировано значение монг. *сэвүүрхэх* ‘заинтересоваться интересными, незаурядными вещами, внезапно заинтересоваться’ [МХИТТ] (от основы стпм. *sebegün* ‘новый, новинка’ [Голстунский 2, 1894: 321]).

Монг. *хачирхах* ‘дивиться, удивляться, изумляться’ [БАМРС 4, 2002: 1292], монг. *хачин* ‘странный, удивительный; интересный’ (от *qaciin* [← *qa-tiin*] [ЭСМЯ, 2018: 16])

Сэрчин өвгөн гэртээ эхнэр Балжин, жаал хүүтэйгээ гурвуул боловч мал аж ахуйгаа гэр хоорондын болон сум багийн бусад ажилд арван хуруу тэгш хүрэлцэн ажиллаад байгаань хүн гайхаж хачирхах зүйлгүй... [ЭКМЯ. Донровын Намдаг. «Галт тэрэг». 1950] ‘Хотя старик Сэрчин вместе с женой Балжин и младенцем-сыном втроём трудились и занимались своим хозяйством столь же усердно, сколь и общественными делами своего родного села, это ничуть не вызывало удивления окружающих’.

Стпм. *oburuqu* ‘обращать внимание, примечать, замечать, удивляться’ [Голстунский 1, 1895: 166], калм. *өврх* ‘изумляться, удивляться’ [ТСКЯ 2, 2022: 36]

Заводт көдлдг амтнд эн йовдлднь өврх юмн уга билэ, яһад гихлэ, эн алтн харта урч, өрсө уга эрkdжэсинь эдн ил меджэсмн. [ЭККЯ. Н. Илюмжинов. «Ө-шуһу модна һазрт». 1900–2011] ‘Люди, которые работают на заводе, не удивились, узнав, что он, мастер с золотыми руками, пьет целый день и они это сразу поняли’.

Глаголы эмоционального воздействия: категориально-лексическая сема «вызвать удивление через воздействие на субъект». Прототипический сценарий «Х уверен, что (не) произойдет Y, (не) свершение Y, каузирует то, что X находится в эмоциональном состоянии».

Большинство рассматриваемых глаголов обладают способностью формировать конверсивные пары, в которых переходный глагол выражает значение каузации «вызывать удивление», например, монг. *хачирхах* ‘дивиться, удивляться, изумляться’ – монг. *хачирхуулах* ‘удивлять, изумлять’. Как правило, такие глаголы образованы от именных основ с первичным значением «удивление». В номенклатуре значений бур. *гайхуулха*, монг. *гайхуулах* обращает внимание большое количество значений глагола (8 значений против 4 значений монг. *гайхах*).

Глаголы эмоционального отношения: передают переживание удивления чем-либо, кем-либо. Удивление сопровождается эмоциями, в которых

проявляется растерянность, протрация субъекта, утрата контроля над своими мыслями, неспособность владеть сложившейся ситуацией:

Монг. *гайхирах* несет значение ‘перестать знать, что делать, обдумать в сомнении, колебаться от большого удивления’ [МХИТТ] (слово не отражено в переводных словарях) – видовая форма глагола-идентификатора.

Эзэгтэй авгай гайхиурсан янзаар асуув. [МХИТТ] ‘Госпожа спросила, словно была удивлена’.

Монг. *гөлрөх* ‘обомлеть; ахнуть от удивления; поразиться, остолбенеть’ [БАМРС 1, 2001:610] (от стпм. *gölire-* [**göli-re-*] [ЭСМЯ 2, 2016: 46])

Айлын маань бүсгүй Халиунаа эгч урьд хожид үзэгдэж харагдаагүй хачин сонин инээмсэглээд байхаар нь би өөрийн эрхгүй гайхан гөлөрчихсөн зогсож байлаа. [ЭКМЯ. Дармын Батбаяр. «Амрагийн тэнгэр». 2000] ‘Я невольно стоял поражённый, потому что сестра Халиуна, наша семейная служанка, стояла с необычной, ранее невиданной улыбкой’.

Глаголы внешнего выражения эмоций: категориально-лексическая сема «выражать во внешности, жесте удивление чем-либо».

Стпм. *šayšaraqu* ‘чмокать губами, закрыв рот рукой (при удивлении)’ [Голстунский 2, 1894: 373], стпм. *šaysiqu* ‘прищелкивать языком, чмокать губами (при удивлении)’ [Голстунский 2, 1894: 373], монг. *шагирах* ‘щёлкать языком (в знак удивления, огорчения), всплескивать’ [БАМРС 4, 2002: 1600], монг. *шагших* ‘1) стрекотать (о сороке); 2) щёлкать языком, чмокать губами (от удивления); дивиться, удивляться, поражаться’ [БАМРС 4, 2002: 1600].

Хатан, авхай хоёрт манай гэгээн өчүүхэн бэлэг авчирсан юм гээд Жамбал өврөөсөө хадаганд боосон очиртой алтан бөгж, эрхий дарам сувдтай ээмэг хосыг гаргаж өгөхөд бүх цугларагсад шижир алтны чанарыг гайхан шагирав. [ЭКМЯ. Чадраабалын Лодойдамба. «Тунгалаг Тамир». 1973] ‘Когда Жамбал, сказав, что он привёз царице и принцессе скромный дар от нашего святого, вынул из-под одежды завернутые в хадаг золотое кольцо с самоцветом и пару серёжек с крупными жемчужинами, все присутствующие щелкнули языком, удивляясь чистоте золота’.

Калм. *ормах* ‘смотреть с удивлением, удивляться’ [ТСКЯ, 2022: 26], ойр. *ормааха* ‘рассматривать удивлённо, поражаться, дивиться чему-либо’ [СЯОС, 2001: 264] – согласно БАМРС монг. *ормойх* имеет значение ‘поднять глаза’ [БАМРС 3, 2001: 674], однако в МХИТТ отражено значение монг. *ормойх* «нүдээ өргөн гайхах» – ‘удивляться, широко раскрыв глаза’. В бурятском языке данный глагол не зафиксирован.

– *Янж ийр!* – *болад, Жала өвгн ормаһад одв.* [ТСКЯ 2022: 26] ‘Неужели! – удивлённо посмотрел старик Жала’.

Монг. *мэлрэх* ‘столбенеть, окаменевать (от удивления)’ [БАМРС 3, 2001: 536] (не зафиксирован в ЭСМЯ, в словарях К. Ф. Голстунского и О. М. Ковалевского).

Гэтэл Лог шарын өрөвлөг бууралтсаныг үзээд Гажидмаа гайхан мэлэрч орхив. [ЭКМЯ. Доржзовдын Энхболд. «Шар хөвийн зэрэглээ». 2003] ‘Но, увидев, что сострадание Лог шара поубавилось, Гажидмаа изумлённо остолбенела’.

Итак, глаголы удивления в монгольских языках образуют семантически цельную, но лексически неоднородную группу. Их общая сема – внезапное столкновение с чем-то, противоречащим ожиданиям – проявляется в невербальных реакциях (чмоканье языком, изумлённый взгляд, оцепенение) без глубокой интеллектуальной переработки стимула. Стилистически эти глаголы нейтральны, что отражает традицию сдержанности эмоциональных проявлений, лексические единицы, представленные в монгольском языке, отличаются различными нюансами, подчёркивая универсальность реакции удивления и одновременно богатство её вербализации.

Несмотря на то что в рассматриваемых монгольских языках репрезентация удивления происходит на основе единых культурных традиций, которые выражаются в некотором осуждении ярких проявлений эмоций, интересно отметить, что именно данная ФСГ глаголов обладает неоднородностью лексических единиц, отражающих значение «удивляться».

3.5. Глаголы со значением «грустить» в монгольских языках

В рассматриваемую функционально-семантическую группу входят глаголы, объединяемые семантической идеей «произошло Y, X оценивает Y как плохое, X чувствует, что-то плохое из-за этого».

В рассматриваемых монгольских языках выделен базовый глагол-идентификатор грусти – стпм. *uyidqu* ‘скачать, тосковать, кручиниться, сокрушаться, внутренне беспокоиться’ [Голстунский 1, 1895: 146], бур. *уйдаха* ‘грустить, тосковать, печалиться, кручиниться’ [БРС 1, 2010: 290], монг. *уйдах* ‘скачать, тосковать, грустить, печалиться, кручиниться’ [БАМРС 3, 2010: 1056], калм. *уйдх* ‘грустить, тосковать’ [ТСКЯ 2, 2022: 233].

Данные глаголы являются наиболее употребительными по данным корпусов национальных языков (49, 155, 79 вхождений соответственно), а также несут в себе наиболее полную совокупность значений без ярких эмоциональных оттенков.

Всего в рамках данного исследования проанализированы функционально-семантические особенности 17 глаголов со значением «грустить» в бурятском языке (изображено на рис. 14), 23 глагола грусти в монгольском (изображено на рис. 15) и 15 глаголов в калмыцком (изображено на рис. 16) языках.

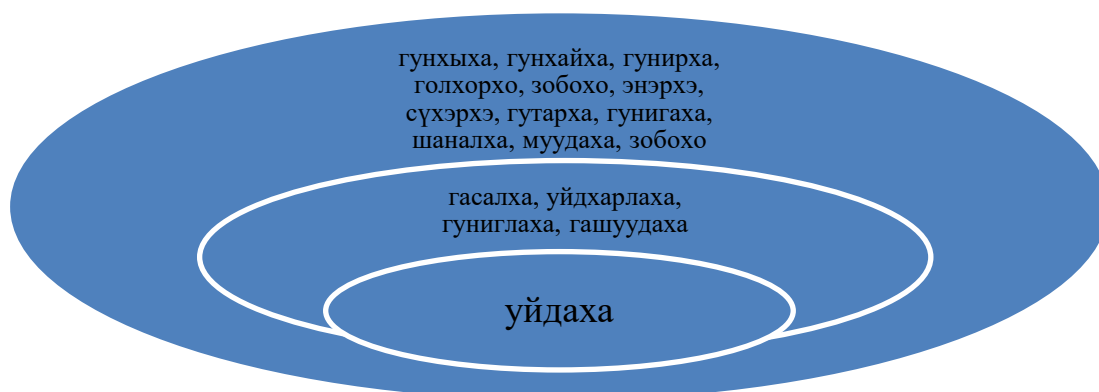

Рис. 14. ФСГ глаголов со значением «грустить» в бурятском языке

Рис. 15. ФСГ глаголов со значением «грустить» в монгольском языке

Рис. 16. ФСГ глаголов со значением «грустить» в калмыцком языке

Глаголы эмоционального состояния: категориально-лексическая сема «быть в состоянии грусти, испытывать грусть».

Стпм. *uyidqarlaqu* ‘постоянно, беспрестанно скучать, грустить, кручиниться, скорбеть’ [Голстунский 1, 1895: 146], бур. *уйдхарлаха* ‘грустить, печалиться, скорбеть’ [БРС 1, 2010: 290], монг. *уйтгарлах* ‘1) грустить, тосковать; унывать; 2) печалиться, кручиниться, скорбеть, горевать’ [БАМРС 3, 2001:1059].

Становление эмоционального состояния: эмотивные глаголы подгруппы позволяют описать процесс возникновения эмоций с разных сторон: степень проявления грусти, факторы, способствующие её возникновению.

Скорбь, утрата близкого человека:

Е. В. Сундуева отмечает характерный для многих языков перенос вкусовых качеств на эмоции, который также наблюдается в стмп. *γasiyudaqu* ‘скорбеть, печалиться, горько плакать’ [Голстунский 2, 1894: 164], бур. *гашуудаха* ‘огорчаться, скорбеть, печалиться, тосковать’ [БРС 1, 2010: 202], монг. *гашуудах* ‘1) скорбеть, огорчаться; горевать, опечалиться, сокрушаться; оплакивать; 2) раскаиваться; убиваться; 3) соболезновать; сетовать’ [БАМРС 1, 2001: 555], калм. *нашудх* ‘огорчаться, скорбеть, печалиться, тосковать’ [КРС, 1978: 162]. Данный семантический перенос может быть объяснен тем, что при сильных эмоциональных переживаниях, таких как скорбь, печаль, человек может ощущать физические проявления, например, сухость во рту и ощущение горечи на языке. Таким образом, вкусовые ощущения становятся метафорическим отражением глубины и интенсивности переживаемых эмоций [Сундуева, 2022: 23].

Из 42 примеров использования глагола монг. *гашуудах* в Национальном Корпусе монгольского языка 30 случаев относятся к значению «скорбеть» или «оплакивать», а 12 случаев – к значению «грустить». Это свидетельствует о том, что данный глагол в основном ассоциируется с выражением печали и утраты, рассмотренные примеры также подчеркивают эмоциональную насыщенность глагола для передачи глубоких чувств.

Анализ примеров использования бурятского глагола *гашуудаха* из Национального Корпуса бурятского языка показывает, что его преобладающее значение связано с выражением грусти и сокрушения по какому-либо поводу, что подтверждается 41 примером. В то же время, случаи, где глагол используется в значении «скорбеть», встречаются значительно реже – всего 23 примера. Это указывает на то, что в бурятском языке акцент делается на более широкий спектр эмоциональных состояний, связанных с грустью, в отличие от узкого значения скорби.

Не удалось рассмотреть аналогичным образом калм. *нашудх*, так как в Национальном корпусе калмыцкого языка примеров с данным глаголом нет.

Стпм. *emgenikü* ‘беспокоиться, тревожиться, сокрушаться, печалиться, грустить, тужить, скорбеть, изнывать’ [Голстунский 1, 1895: 93], монг. эмгэнэх ‘горевать, печалиться, скорбеть; оплакивать; быть в трауре’ [БАМРС 4, 2002: 1694] – согласно данным Этимологического словаря монгольских языков [ЭСМЯ 1, 2015: 213-215], глагол происходит от корня стпм. *em-*, который также является корнем для других слов, связанных с состоянием боли или повреждения: стпм. *embüiri*, монг. эмбэр- ‘разламываться разрушаться’, стпм. *emgeg*, монг. эмгэг, калм. эмгг – ‘недуг, болезнь; увечье, повреждение’, стпм. *emjeg*, монг. эмзэг ‘ломкий, хрупкий; слабый, нежный; болечувствительный’ и др. Таким образом, можно предположить, что современное значение монг. эмгэнэх произошло в результате описания сложных человеческих эмоций через призму физического состояния. Данный семантический переход подчеркивает, что горе и печаль могут быть восприняты как «разламывание» внутреннего мира человека.

Энэ гайхамшигт хүнийг идэр залуу наснаасаа нөгчсөнд үнэхээр гашиудан эмгэнэн уйлавч барахгүй. [ЭКМЯ. Дүгэрийн Гонгор. «Д. Сүхбаатарын тухай дуртгалууд». 1964] ‘Не перестаю скорбеть по поводу смерти этого удивительного человека в таком молодом возрасте’.

Стпм. *enelkü* ‘скорбеть, печалиться, сокрушаться, мучиться, быть тронутым, соболезновать, сострадать’ [Голстунский 1, 1894: 70], бур. энэлхэ книжн. ‘горевать, сокрушаться; скорбеть’ [БРС 2, 2010: 668], монг. энэлэх ‘горевать, сокрушаться; печалиться, скорбеть, страдать; мучиться’ [БАМРС 4, 2002: 1705], калм. энлх ‘горевать, сокрушаться, скорбеть, страдать’ [КРС, 1977: 700] – глагол произошел от стпм. *ene-* [ЭСМЯ 1, 2015: 216], который образует также стмп. *eneri-*, монг. энэрэх ‘1) щадить, оказывать милосердие; питать жалость, сочувствовать, иметь сострадание; 2) проявлять гуманное отношение к кому-либо; 3) поступать милостиво с кем-либо; благосклонно относиться кому-либо; 4) питать любовь к кому-либо’ [БАМРС 4, 2002: 1705], калм. энрх ‘горевать, страдать, переживать’ [ТСКЯ, 2022: 527], бур. энэрхэ ‘1) быть великодушным (человечным, гуманным); сочувствовать; 2) жалеть’ [БРС 2,

2010: 668]. Данные глаголы демонстрируют тесную семантическую связь между понятиями горя, страдания и сострадания. На основе рассмотренных примеров из Национальных корпусов рассматриваемых языков можно отметить, что в монгольской культуре горе и страдание тесно связаны с эмпатией и способностью испытывать сострадание к другим:

Хаан хатан хоёр зүрхэ үбдэхэ мэтэ дуугаар энэлэн шаналан, хамаг шэмэгүүдээ тайлажа, олон хүн ехэ аймагтай хамта хүбүүнэйнгээ яһанда тахил үйлэдэжэ, хүбүүнэй яһые энэ газарта табиба. [ЭКБЯ. В.-П. Цындэма. «Алтан гэрэл». 2009] ‘Король и королева заплакали, запевая душераздирающую песню, сняли с себя все украшения, и многие люди вместе с великим племенем принесли жертвы костям своего сына и похоронили его в этом месте’.

Данный пример иллюстрирует функционирование эмотивного парного глагольного сочетания бурятского языка бур. *энэлхэ шаналха* ‘горевать’, оба компонента которого обладают идентичным значением и выполняют стилистико-экспрессивную роль усиления интенсивности эмоционального переживания.

Арнзлынъ унж овна гинэд, энлэдэд, уульдад бээв. [ЭККЯ. «Джангар»] ‘Узнав, что оседлали Аранзала, стали горевать, плакать’.

Стпм. *γasalqu* ‘печалиться, скорбеть, горевать, грустить, плакать, сокрушаться’ [Голстунский 2, 1894: 164], бур. *гасалха* ‘печалиться, скорбеть, оплакивать, тужить’ [БРС 1, 2010: 200], монг. *гаслах* ‘1) оплакивать, печалиться, горевать, сокрушаться, грустить, предаваться грусти; скорбеть, горевать; 2) тужить, горюниться, печалиться; кручиниться; скорбеть; сокрушаться; 3) огорчаться, расстраиваться, вздыхать; воздыхать; быть безутешным; убиваться; 4) пенять на кого-что-либо, ныть, скулить, плакаться, хныкать; жаловаться, жалиться; печалиться; 5) стонать, издавать стоны; стенать; сетовать, роптать’ [БАМРС 1, 2001: 550], калм. *һаслңтх* ‘печалиться, скорбеть, оплакивать горе’ [ТСКЯ, 2022: 203]. Е. В. Сундуева, подчеркивая сложность выявления мотива номинации в рассматриваемых глаголах,

связывает рассматриваемое значение с глаголом *yaṣa-* ‘тормозить, препятствовать’, то есть печаль может восприниматься как препятствие к нормальному состоянию [Сундуева, 2022: 23]. Глаголы отличаются широкой сочетаемостью и большим объемом значений от легкой грусти до скорби по поводу потери близкого человека.

Энэ жил жаран нэг хурч байгаа амьтан шүү дээ гээд толгойгоо сэжлэн гаслав. [ЭКМЯ. Чадраабалын Лодойдамба. «Тунгалаг Тамир». 1973] ‘Сказав, что в этом году человеку исполняется шестьдесят лет, он покачал головой с грустью’.

– *Зай, абгайхан, юу тэрээнһээ боложо уйдажа, гасалжа ябаха юм.* [ЭКБЯ. А. Жамбалдоржиев. «Гэрэлтэй мүшэн». 1964] ‘– Ну что, сестрица, зачем из-за этого плакать и грустить’.

Стпм. *sinalqu* ‘стенать, рыдать, соболеznовать’ [Голстунский 2, 1894: 376], бур. *шаналха* ‘скорбеть, печалиться, сокрушаться’ [БРС 2, 2010: 604], монг. *шаналах* ‘сокрушаться, скорбеть; страдать, мучиться; печалиться’ [БАМРС 4, 2002: 1610]

Тиигээжэшье хаяхан наһа бараһан хүбүүдэй эжые шаналхань нэгэ бага бараг болоо һэн бээ. [ЭКБЯ. А. Л. Ангархаев. «Мүнхэ ногоон хасуури». 1982] ‘Так немного утихла скорбь мальчиков по недавно ушедшей матери’.

Харин ингэж бодох дээр Төмөрийнхөө тухай, түүнд юу учирснаар ингэж ирэхгүй байна гэж бодоод сэтгэл нь шанална. [ЭКМЯ. Чадраабалын Лодойдамба. «Тунгалаг Тамир». 1973] ‘Но, когда она думает об этом, её душа страдает, вспоминая о своём Тумуре и о причинах, по которым он не приходит к ней’.

Рассмотрим синонимическую группу глаголов, в которых наблюдается метонимический переход от описания физического разрушения к обозначению внутреннего эмоционального состояния, причём он реализован не во всех соответствующих глаголах рассматриваемых языков. Прототипический сценарий для данного синонимического ряда: «Х получает

сильный эмоциональный импульс У. «Внутренняя структура» Х под воздействием У повреждается. Х чувствует нечто плохое из-за этого».

Глагол монг. *эвдэрэх* (от стпм. *ebderekü* ‘разрушаться, ломаться, портиться, разваливаться, приходить в расстройство, в упадок, погибать, гбнуть, развращаться, враждовать’ [Голстунский 1, 1895: 77]), изначально имевший значение ‘ломаться, разбиваться’, приобрёл новое смысловое наполнение монг. *эвдрэх* ‘сокрушаться, огорчаться’ [БАМРС 4, 2002: 1672], передавая внутреннее чувство расстройства, огорчения или потери гармонии внутри самого человека. Этот переход значений является примером метонимии, распространённой в различных языках, когда физическое разрушение становится символом морального потрясения. Для бур. *эбдэрхэ* ‘1) ломаться, разбиваться, разваливаться, рушиться; 2) срываться, расстраиваться (например, о плане): выходить из строя; 3) парн. к *эсэхэ*’ [БРС 2, 2010: 644] и калм. *эвдрх* ‘ломаться, рушиться, разваливаться’ [ТСКЯ 2, 2022: 513] такое явление не характерно.

Бур. *муудаха* (от стпм. *mayudaqu* ‘ухудшаться, изменяться к худшему, быть не в ладах’ [Голстунский 3, 1893: 207]), имея значение ‘становиться плохим, приходить в негодность, ухудшаться, портиться; худеть, слабеть; спадать с тела, тощать (о скоте)’ [БРС 1, 2010: 564], может быть употреблен в переносном значении ‘печалиться, грустить’ (для калм. *муудх* ‘ухудшаться, портиться, делаться плохим; слабеть, истощаться’ [ТСКЯ 2, 2022: 519] и монг. *муудах* ‘ухудшаться, ослабевать, портиться, становиться плохим, приходить в негодность, изнашиваться, рваться, тупеть, стачиваться, быть с кем-либо не в ладах’ [БАМРС 3, 2001: 522-523] это не характерно).

Дулмаадай эхэдэнь голуулһан юумэдэл муудаба. [Ц.-Ж. Жимбиев. «Урасхал». 1973–1976] ‘Дулмаадай загрустила, словно не понравилась его матери’.

Явление семантической эволюции лексемы стпм. *yutuqu* [Голстунский 2: 182], *yuturaqu* [Голстунский 2: 183] ‘смущаться, приходить в замешательство, в бесчувствие, портиться, изменяться к худшему, срамиться, позориться’,

зафиксированное в рассматриваемых языках, представляет собой классический пример метонимического переноса значения. Первоначальная основа лексемы означала физическую порчу или деградацию какого-либо объекта, характеризуя объективное ухудшение свойств и качеств материального мира («портиться», «преть», «ухудшаться»). Однако, в результате развития значения произошло распространение первоначального физического значения на субъективную сферу переживаний человека. Так, первоначальный внешний признак повреждения продуктов или веществ был перенесён на внутренние ощущения человека, обусловленные сходством восприятия разрушающегося материала и болезненного опыта личного самоощущения. Следовательно, выражение внутренней слабости, дискомфорта или сожаления («терять надежду», «унывать», «опускать руки») было обусловлено ассоциированием физиологических признаков разложения с личным состоянием беспомощности, утраты контроля над ситуацией и неспособностью противостоять внешним обстоятельствам: монг. *гутрах* '1) терять надежду, унывать, отчаяться; тосковать, хандрить; приходить в угнетённое состояние, падать духом; омрачаться; огорчаться; 2) портиться; срамиться, позориться; 3) приходить в замешательство, смущаться' [БАМРС 1, 2001: 633], бур. *гутарха* 'тосковать, хандрить' [БРС 1, 2010: 228].

Дальнейшее расширение значения включило социальную плоскость – представление о потере чести и уважения в обществе, которое осознаётся человеком как эквивалент порче имущества или ослаблению сил («подрывать репутацию», «срамиться», «позориться»). Такое расширение свидетельствует о глубокой связи между физическим опытом и социально-нормативной системой общества, где личное достоинство подвергается таким же испытаниям, как материальные объекты подвергаются разложению и порче: стпм. *yutuqu* 'смущаться, приходить в замешательство, в бесчувствие, портиться, изменяться к худшему, срамиться, позориться' [Голстунский 2, 1893: 182], монг. *гутах* '1) портиться; ухудшаться; срамиться, позориться; 2) терять надежду, унывать, отчаяться; 3) приходить в замешательство, в

смущение' [БАМРС 1, 2001: 633], калм. *хутах* 'позорить, порочить' [ТСКЯ 1, 2022: 219], бур. *гутаха* '1) портиться, протухать; преть; ухудшаться; 2) терять охоту к чему-либо, испытывать отвращение; 3) подрывать свою репутацию; позориться, срамиться' [БРС 1, 2010: 228].

Субстантивно-глагольные сочетания с бур. *түрэхэ*, монг. *төрөх* 'рождаться, появляться, возникать', бур. *хухарха*, монг. *хугарах* 'ломать' и др. Данные сочетания включают в себя глаголы конкретного физического воздействия с семантикой разрушения и именной компонент цельного выражения, обозначающий ту эмоционально-психическую сферу, на которую оказывается воздействие, или непосредственно эмоцию: монг. *урам хугарах*, бур. *урмаа таһарха* досл. «настроение порваться, сломаться» – 'расстроиться', монг. *замбараа алдах* досл. «потерять порядок» – 'падать духом', монг. *сэтгэл гутах* досл. «испортиться душа» – 'быть удручённым' [Дадуева, 2023: 77].

Вызывает интерес подгруппа глаголов с корнем *gini-*, на примере которой можно наблюдать неравномерное развитие значения слова и семантического поля от общемонгольской праединицы. В лексикографических источниках нами обнаружено в бурятском языке – 3, в калмыцком языке – 1, монгольском языке – 8, в языке ойратов Синьцзяна – 2 глагола с данным корнем. Несмотря на практически схожее значение «грустить, печалиться, горевать» данных глаголов, следует сказать о ряде особенностей.

Наибольшее разнообразие форм и оттенков значений наблюдается именно в монгольском языке, что подтверждает высокую продуктивность корня *gini-*: монг. *гуних* '1) грустить, печалиться, горевать; тосковать, унывать; 2) вздыхать, охать (от горя)', монг. *гунирах* 'печалиться, грустить, горевать, унывать', монг. *гунсрах* 'горевать, унывать, печалиться' [БАМРС 1, 2002: 629], монг. *гансрах* '1) огорчаться, расстраиваться, вздыхать; воздыхать; быть безутешным; убиваться; 2) грустить, горевать, предаваться грусти, печалиться, сокрушаться; тужить; 3) горюниться, печаловаться; кручиниться; скорбеть; 4) унывать; приходить в уныние, хандрить; быть в миноре, киснуть,

кукситься; 5) тосковать, томиться, скучать; отчаиваться' [БАМРС 1, 2002: 532]. Таким образом, в монгольском языке выделяются три основных группы значений с данным корнем:

1. Обозначение эмоционального состояния (грусть, печаль);
2. Выражение внешнего проявления страдания (вздохи, стоны);
3. Конкретизация степени длительности переживаний («всё время печалиться», «огорчаться глубоко»).

В бурятском языке отмечены бур. *гунигаха* '1) приуныть; 2) сентиментальничать' [БРС 1, 2010: 223], бур. *гуниглаха* 'печалиться, грустить, тосковать' [БРС 1, 2010: 223]. Однако вызывает сомнение значение бур. *гунирха* 'ласкаться, ластиться' в отличие от его языковых параллелей монг. *гунирах* 'печалиться, грустить, горевать, унывать', ойр. *хунирхаха* 'печалиться, горевать', калм. *хуньрх* 'печалиться' [ТСКЯ 1, 2022: 217]: в Корпусе бурятского языка отмечено 5 вхождений, все эти примеры связаны со значением «грустить, печалиться» (несмотря на то, что в БРС указано только значение «ласкаться, ластиться»). Таким образом, возникает противоречие между зафиксированным значением в словаре и практическим употреблением глагола в речи.

Цэрэнпил мүн лэ сабшажа ябаха зуураа өөрынгөө түрэнхэн гарахан эхэ нутаг Хэжэнгээ, баһа эмгэн болоһон эжыгээ, инаг нүхэд Радна Гамбал хоёроо, унаган ябахаһаань эрхэлүүлдэг хайн бууралаа ханажа гунирна. [Х. Намсараев. «Үүрэй толон». 1959] 'Когда Цэрэнпил косил сено, он загрустил, вспоминая место, где родился и вырос – свою родину Хэжэнгэ, постаревшую мать, любимых друзей Радну и Гамбала, а также доброго деда, который баловал его с самого детства'.

Широкий спектр негативных переживаний от легкого беспокойства до глубокого горя имеют глаголы, восходящие к стпм. *joba-*. Глаголы демонстрируют высокий уровень полисемичности и способны использоваться в различных контекстах:

1) стпм. *jobaqui* ‘мучиться, терзаться, беспокоиться, тревожиться, скорбеть’ [Голстунский 3, 1893: 374], монг. *зовох* ‘мучиться, страдать, беспокоиться, тревожиться; терзаться, горевать’ [БАМРС 1, 2002: 361], калм. *зовх* ‘мучиться, страдать, терзаться, горевать’ [ТСКЯ 1, 2022: 335], бур. *зобохо* ‘мучиться, страдать; горевать, терзаться’ [БРС 1, 2010: 399] – чаще подчёркивают сильную, длительную и даже мучительную эмоциональную боль (сильная тоска, скорбь, «невыносимая» душевная мука).

2) стпм. *jobaniqu* ‘мучиться, терзаться, беспокоиться, быть в тревоге, горе’ [Голстунский 3: 374], монг. *зовних* ‘страдать, беспокоиться, тревожиться, мучиться’, монг. *зовинох* ‘страдать, беспокоиться, тревожиться; мучиться’ [БАМРС 1 2002: 361], в отличие от калм. *зовных* ‘скорбеть, печалиться, горевать, страдать’, могут быть употреблены и для умеренной тревоги, и для горя, и для беспокойства. В ряде текстов именно они встречаются в описаниях «мелких» переживаний (страх перед сложным решением, лёгкая грусть). Калмыцкий вариант может использоваться как синоним калм. *зовх*.

Глаголы имеют схожее значение, однако первый ряд глаголов акцентирует эмоциональную глубину переживания, подчеркивая интенсивное внутреннее состояние страдания и печали. Более часто используется в описаниях тяжелых жизненных ситуаций.

Глаголы часто употребляются в сочетании с монг. *санаа*, бур. *hanaa(гаа)*, калм. *санан* ‘мысль’, монг. *сэтгэл*, бур. *сэдьхэл*, калм. *седкл* ‘душа’.

Глаголы эмоционального воздействия: большинство рассматриваемых глаголов обладают способностью формировать конверсивные пары, в которых переходный глагол выражает значение каузации ‘вызывать грусть, печаль’, например, монг. *гансрах* ‘1) огорчаться, расстраиваться, вздыхать; вздыхать; быть безутешным; убиваться; 2) грустить, горевать, предаваться грусти, печалиться, сокрушаться; тужить’ – монг. *гансруулах* ‘1) огорчать, печалить; удручать, сокрушать, надирать сердце, душу; приводить в отчаяние; 2) доставлять, причинять, приносить огорчения кому-либо; расстраивать’ и т.д.

Как правило, такие глаголы образованы от именных основ с первичным значением «грусть». Однако в номенклатуре значений монг. *гажуудалах* находим ‘расстраивать, приводить в расстройство, разрушать, разваливать; разлаживать’, несмотря на то, что сам переходный глагол монг. *гажуудах* ‘1) искривляться; передёргиваться, кривиться, перекашиваться; 2) искажаться, извращаться; 3) уклоняться, отклоняться, отвлекаться, отдаляться, отходить; 4) изгибаться, выгибаться; 5) нарушаться’ эмотивного значения не несет. Факт того, что эмотивное значение было характерно для монг. *гажуудах*, частично подтверждается значением аналогичного глагола в бурятском языке бур. *гажарха* ‘унывать, впадать в уныние, испытывать безнадежную печаль, гнетущую скуку’, развившемся на основе значения «кривиться» (бур. *гажанхай* ‘кривой, изогнутый’) [Сундуева, 2022: 21].

В лексико-семантической группе глаголов эмоционального отношения основные различия касаются интенсивности выражаемых состояний:

- 1) монг. *гутчих* – ‘беспрерывно мучиться, всё время быть в отчаянии, стонать от отчаяния’ [БАМРС 1, 2001: 633] – глагол, восходящий к стпм. *yutu*, *yuta*, отражающему связь между признаками физического разложения и ощущением глубокой скорби [ЭКМЯ 2, 2016: 37]. Глагол описывает наиболее тяжёлое состояние непрерывного мучительного отчаяния.
- 2) монг. *гиюүрэх* – ‘грустить, предаваться грусти, понуриться, иметь понурый вид, печалиться, сокрушаться; тужить’ [БАМРС 1, 2001: 566], калм. *гейүрх* ‘унывать, быть подавленным горем, тосковать’ [ТСКЯ 1, 2022: 174] – охватывает спектр умеренных проявлений грусти и печали. Калмыцкий вариант акцентирует внимание на внутреннем ощущении подавленности и уныния. Глагол не встречается в словарях К. Ф. Голстунского и О. М. Ковалевского; Е. В. Сундуева связывает семантику слова со значением «прилагательного стпм. гиюу «наклонный, покатый», т. е. «падать вниз, ухудшаться – о настроении» [Сундуева, 2022: 22]. Глагол *гиюүрэх* демонстрирует прямую связь между физической позицией тела и эмоциональным состоянием, выражая идею метафорического переноса:

«низкое положение тела = подавленное настроение». Аналогичный пример наблюдается в калмыцком языке, где слово калм. *урудох* означает ‘печалиться, горевать’, а также буквально ‘спускаться’, происходя от корня *уру*, означающего направление вниз (‘вниз, книзу’) [ТСКЯ 2, 2022: 284].

- 3) бур. *сүхэрхэ* ‘терять надежду, отчаиваться, удручаться’ [БРС, 2010: 203];
- 4) монг. *мэтүүрэх* ‘тужить, горевать’ [БАМРС 2, 2001: 541];
- 5) калм. *хундрхх* ‘глубоко сожалеть, переживать’ [ТСКЯ 1, 2022: 217];
- 6) калм. *хурних* ‘горевать, печалиться, унывать, тосковать’ [ТСКЯ 1, 2022: 219].

Глаголы внешнего выражения эмоций: категориально-лексическая сема «выражать во внешности, жесте удивление чем-либо».

1) Бур. *гунхыха* [БРС 1, 2010: 224], *гунхайха* ‘1) ходить с поникшей головой; 2) перен. быть подавленным горем, иметь понурый вид’ [БРС 1, 2010: 223] выразительно кодирует «поникшую» позу как знак угнетённости, грусти. Основной компонент данного глагола состоит в изображении позиции тела («ходить с поникшей головой»), что метафорически связывается с ощущением подавленности или несчастья. Дополнительная сема предполагает подчёркивание пониженного настроения («быть подавленным горем»).

2) Стпм. *гуниги* ‘тужить, горевать, грустить, печалиться’ [Голстунский 2, 1894: 178], монг. *гуних* ‘1) грустить, печалиться, горевать; тосковать, унывать; 2) вздыхать, охать (от горя)’ [БАМРС 1, 2001: 628];

3) Монг. *шогишрох* ‘щёлкать языком (в знак удивления или огорчения)’ [БАМРС 4, 2002: 1643];

4) Бур. *халаглаха* ‘сожалеть; горевать; сетовать; раскаиваться’ [БРС, 2010: 384], монг. *халаглах* ‘охать, ахать; огорчаться, переживать огорчение, сокрушаться, выражать досаду’ [БАМРС 4, 2002: 1232];

5) Бур. *голхорхо* ‘обижаться; огорчать, огорчаться; плакаться’ [БРС, 2010: 215], монг. *голхорох* с пометой, что глагол является диалектным характерного для бурятского диалекта монгольского языка, калм. не обнаружено [МХИТТ].

Для более полного выражения внутренних эмоций нередко формируются эмотивные парные глагольные сочетания, включающие два компонента: глагол, направленный на фиксацию эмоций, с другим, уточняющим способ их выражения: монг. *шаналан гашуудах* 'скорбеть, рыдать', монг. *эмгэнэн гашуудах* 'оплакивать; быть в трауре', монг. *гасалж гангинах* 'сокрушаться, сетовать, проявлять свою печаль рыданием, стонами', монг. *гасалж гиниих* 'скулить; причитать' и т.д.

Итак, объем и состав лексико-семантических групп глаголов грусти в монгольских языках неоднозначен, несмотря на близкородственность; отражение грусти в каждом из языков имеет свою специфику в результате неравномерного развития значений эмотивных глаголов. Очевидно и различие по степени частотности употребления определённых значений, что подтверждается данными из Корпусов соответствующих языков. В рассматриваемых языках эмотивные глаголы грусти обладают образной внутренней формой: ведущим мотивом её номинации становятся понурый вид, поникшая голова, уныние.

3.6. Глаголы со значением «гневаться» в монгольских языках

В данную группу объединены эмотивные глаголы с семантической идеей «испытывать неприятное чувство из-за недовольства чьими-то действиями или свойствами».

Анализ лексического состава исследуемых языков показывает, что в бурятском языке зафиксировано 31 наименование глаголов со значением выражения гнева, среди которых выделяется один глагол-идентификатор и ещё один – в составе ближайшего семантического окружения (изображено на рис. 17). Монгольский язык демонстрирует наличие 27 соответствующих глагольных единиц, включая одну лексему, относящуюся к ближней периферии (рис. 18). Калмыцкий же язык характеризуется наличием всего

лишь 13 обозначений подобного рода, причём три из них выступают в ближней периферии, остальные девять представляют собой единицы дальней периферии (рис.19).

Базовым глаголом-идентификатором во всех рассматриваемых языках является глагол стпм. *ayurlaqui* ‘гневаться, сердиться, злоумышлять’ [Голстунский 1, 1895: 16], бур. *уурлаха* ‘злиться, сердиться’ [БРС 2, 2011: 311], монг. *уурлах* ‘сердиться, злиться; раздражаться; гневаться; возмущаться’ [БАМРС 3, 2001: 1125], калм. *уурлх* ‘сердиться, злиться, гневаться’ [КРС, 1978: 542]. Данные глаголы характеризуются наибольшей частотностью, которая напрямую связана с её обобщённым значением: бур. *уурлаха* – 241, монг. *уурлах* – 176, калм. *уурлх* – 91 вхождений в Корпусах рассматриваемых языков соответственно.

Анализ функционирования базового глагола-идентификатора выявил, что раздражителем злости для бур. *уурлаха*, монг. *уурлах*, калм. *уурлх* ‘сердиться, злиться, гневаться’ могут быть как внешние воздействия, так и внутренние переживания.

Тэр их мөнгө хаана байна гэж уурлав. [ЭКМЯ. Хоролын Зандраабайдий. «Ганцаардлын гаслан». 1994]. ‘Он злился: «Где есть такие большие деньги?»’

«Иигээд үхэшөө хаамни дээрэ нэн», – гэжэ тэрэ бодотороо, гэнтэ өөртөө уурлаба. [ЭКБЯ. С. Доржиев. «Байгалай басаган». 2006] ‘«Было бы лучше вот так умереть», – он резко разозлился на себя из-за этой мысли’.

Характерно, что злость зачастую испытывается «внутри себя». Вероятно, это может быть связано с культурными нормами, которые предписывают сдержанность или контроль над эмоциями:

«Тиимэшье бэлэхэнээр сохюулаад орхихогүй байхаб», – гэжэ хүбүүн бүтүүхэн уурлана. [ЭКБЯ. С. Цырендоржиев. «Мүнхэ эрьесэ». 1980] ‘«Так просто меня побьют», – злится про себя мальчик’.

Базовый глагол-идентификатор активно участвует в образовании эмотивных парных глагольных сочетаний со значением эмоции «злиться». Данные глагольные конструкции преимущественно состоят из двух значимых

компонентов, в которых сочетаются как глаголы, близкие по значению, так и глаголы различного смыслового содержания. При этом в парных глаголах с близким содержанием один из них выражает эмоцию в более обширном проявлении (глагол-идентификатор), а другой глагол – какой-то оттенок эмоции, например, монг. *унтууцан уурлах* ‘раздражаться, испытывая затруднение’, монг. *уурлах уцаарлах* ‘нервничать от отчаяния’, монг. *цухалдаж уурлах* ‘поспешно злиться, не зная полностью ситуацию’, бур. *уурлаха сухалдаха* ‘злиться’, бур. *уурлаха тэбдэхэ* ‘горячиться’, бур. *уурлаха голхорхо* ‘злиться’.

В парных словах, в которых сочетаются различные по значению слова, один из компонентов под влиянием значения другого приобретает свойство употребления в переносном смысле: монг. *уурлаж давилах* ‘раздражаться; гневаться’ (монг. *давилах* ‘бросаться в бой, атаку, наступать’), монг. *зэвүүцэн уурлах* ‘возмущаться’ (монг. *зэвүүцэх* ‘робеть, испытывать робость’) и т.д.

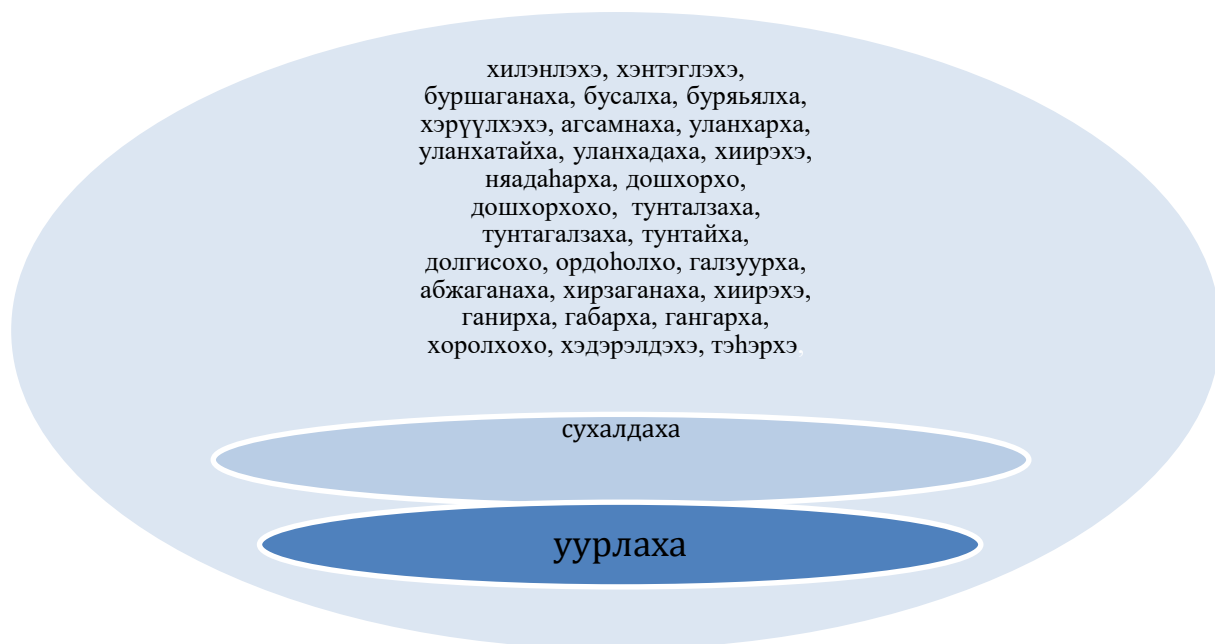

Рис. 17. ФСГ глаголов со значением «гневаться» в бурятском языке

Рис. 18. ФСГ глаголов со значением «гневаться» в монгольском языке

Рис. 19. ФСГ глаголов со значением «гневаться» в калмыцком языке

Глаголы, составляющие периферию, конкретизируют содержание эмоции.

ФСГ «Глаголы эмоционального состояния»: категориально-лексическая сема – «быть в состоянии гнева, испытывать гнев».

Стпм. *kilinglekü* 'гневаться, сердиться' [Голстунский 3, 1893: 434], бур. *хилэнлэхэ* 'гневаться' с пометой «старомонг.» [БРС 2, 2011: 424], монг. *хилэнлэх* 'гневаться, приходить в ярость, сердиться' [БАМРС 4, 2002: 1305], калм. *килңнх* 'сердиться, гневаться' с пометой «высок.» [КРС, 1977: 301].

Монг. *уурсах* высок. ‘сердиться; быть недовольным, гневаться’ [БАМРС 3, 2001: 1125]

Гажиг Самбуутай ихэрлэх нь дутаа юу гэж уурсав. [ЭКМЯ. Сүрэнжавын Хишигсүрэн. «Хүзүү». 2001] ‘Он разозлился, что мало ли того, что один из её близнецов был уродливый Самбу’.

Помимо обозначения эмоционального состояния злости, монг. *уурсах* может иметь значение монг. *уурлах байдал илрэн мэдэгдэх* ‘становиться очевидным (о состоянии гнева)’, поэтому вместе с данным глаголом часто используются описания физиологических реакций, сопровождающих гнев, например, монг. *уурсан шүд зуух* ‘стиснуть зубы разозлившись’, монг. *уурсан царай нь өөрийн эрхгүй улсхийв* ‘разозлившись, его лицо самовольно побагровело’ [ЭКМЯ] и др.

Стпм. *kenteglekii* ‘быть вспыльчивым, гневным’ [Голстунский 2, 1894: 400], бур. *хэнтэглэхэ* ‘1) скупиться, жадничать; 2) ворчать, брюзжать’ [БРС, 2011: 520], монг. *хэнтэглэх* ‘проявлять запальчивость, вспыльчивость, быть вспыльчивым, раздражаться’ [БАМРС 3, 2001: 1466], калм. не обнаружено. В старописьменном и современном монгольском в содержание значения данного глагола объединены близкие по смыслу понятия «вспыльчивость», «раздражение», оба указывают на кратковременные негативные эмоциональные реакции. Значения «жадничать» и «ворчать» в бурятском языке расширяют спектр негативных эмоциональных состояний, связанных с недовольством и недовольством окружающими.

Калм. *урных* ‘злиться, сердиться’ [КРС 1978: 537] (от стпм. *urip* ‘гнев’ [Голстунский 1, 1895: 20])

Эрт юңгад эс наар гисмч? – гижэ урньжэ Хоңһр келжэна [ТСКЯ 2022: 246].

От калмыцкого корня калм. *урьн* ‘гнев’ образуется глагол *урных*, который также присутствует в языке ойратов Синыцзяна в форме ойр. *урньха* ‘сердиться, злиться, становиться гневным’. В монгольском языке корень *урин* означает ‘гнев, пылкая страсть’, но самостоятельного эмотивного глагола от

него не образуется; зафиксировано лишь сочетание монг. *урин хилэн* ‘сильный гнев’. В бурятском языке аналогичных языковых параллелей не выявлено. В монгольском языке также отмечено однокоренное слово стпм. *urilaqu* ‘питать страсть, гнев, ненависть, гневаться, звать, позывать, призывать’ [Голстунский, 1, 1895: 20], монг. *урилах* ‘сердиться, злиться; раздражаться; гневаться; возмущаться’ [БАМРС 3, 2001: 1097] (глагол является абсолютным синонимом глагола-идентификатора).

ЛСГ «Глаголы становления эмоционального состояния»: категориально-лексическая сема «прийти в состояние гнева, становиться наполненным гневом». Эмоция в ЛСГ отражена в развитии.

Отчетливо увидеть становление эмоционального состояния можно через анализ субстантивно-глагольных единиц. В сочетании с глаголами бур. *хүрэхэ*, монг. *хүрэх*, калм. *күрх* ‘быть охваченным чем-либо, быть одолеваемым чем-либо’, монг. *төрөх* ‘возникать, происходить (о переживаниях)’, монг. *гаргах* ‘выходить, выделяться’, бур. *хүдэлхэ*, монг. *хөдлөх*, калм. *көдлх* ‘зарождаться, пробуждаться (о каких-л. побуждениях, желаниях)’ показывают начальную стадию гнева (инхоативное значение): монг. *хилэн төрөх* ‘гневаться, разгневаться’, монг. *уур хүрэх*, бур. *уур хүрэхэ*, калм. *ур күрх* ‘злиться, сердиться’, монг. *цухал хүрэх*, бур. *сухал хүрэхэ*, калм. *цухл күрх* ‘злиться, гневаться’, монг. *зэвүү хүрэх* ‘гневаться, возмущаться’, монг. *омог төрөх* ‘злиться’, монг. *унтуу гаргах* ‘разгневаться’, монг. *шар гаргах* ‘злиться’, монг. *шар хөдлөх* ‘злиться’, монг. *унтуу хөдлөх* ‘гневаться’, монг. *омог нь хөдлөх* ‘злиться’, монг. *хор хөдлөх* ‘досадовать, гневаться на кого-либо’, бур. *хороо хүдэлхэ* ‘раззадориваться’, калм. *хор буслх* ‘злиться’, бур. *уураа худэлхэ* ‘сердиться, гневаться’, монг. *уур хөдлөх* ‘гневаться’, калм. *уурнь көдлх* ‘рассердиться’ и т.д.

Интересно, что в корпусах рассматриваемых языков не зафиксированы примеры употребления глаголов бур. *түрэхэ*, калм. *төрх* в значении ‘гневаться’. Эти глаголы чаще используются в контексте рождения или появления эмоций, таких как радость (бур. *баяр түрэхэ* ‘радоваться’) или

обида (калм. *хундл төрх* ‘обижаться’). Это подчеркивает, что в этих языках гнев не рассматривается как эмоция, возникающая изначально, а скорее как результат других эмоциональных состояний.

Субстантив бур. *зэбүүн* в бурятском языке семантически отличается от монг. *зэвүү* ‘возмущение, гнев’, имея значение ‘отвращение, омерзение; гадливость’, соответственно бур. *зэбүүгээ хүрэхэ* ‘испытывать отвращение’. В калмыцком языке данная лексема не обнаружена, что подтверждается данными этимологическими словаря монгольских языков.

В сочетании с глаголами монг. *шатах* ‘гореть’, бур. *бусалха*, монг. *буцлах* ‘кипеть’, монг. *бадрах* ‘пылать’ описывается пик гнева, высшая степень гнева: монг. *омог, уур нь шатах* ‘кипеть от гнева’, бур. *уураа бусалха* ‘кипеть от гнева’, монг. *шар буцлах* ‘кипеть от злости’, монг. *хилэн бадрах* ‘пылать гневом’, бур. *сухал бурьялха* ‘кипеть от злости’, калм. *хор буслх* ‘быть в гневе’ и т.д. Здесь и в подобных субстантивно-глагольных сочетаниях видим метафорический перенос гнев – огонь, гнев – горячая жидкость. Это так называемые ‘биологические’ метафоры, имеющие высокую языковую универсальность и основанные на физиологическом повышении температуры тела человека при сильном гневе [Апресян, 2011: 30]. Подобная метафора лежит в основе глаголов стпм. *burgilaqu* ‘подниматься, бить вверх ключом (о воде), фонтаном, klokотать’ [Голстунский 2, 1894: 267], бур. *бурьялха* ‘горячиться [БРС 1, 2010: 156]’, монг. *бургилах* (эмотивного значения не зафиксировано) [БАМРС 1, 2001: 436], стпм. *burčiginaqu* ‘гневаться, сердчать, показывать неудовольствие’ [Голстунский 2, 1894: 267], бур. *буриаганаха* ‘кипятиться, горячиться; нервничать перен. быть недовольным; хмуриться’ [БРС 2, 2010: 156], монг. *бурчигнах* ‘сильно гневаться, сердиться’ [БАМРС 1, 2001: 438], калм. *буржңнх* ‘кипятиться, горячиться, быть недовольным’ [ТСКЯ 1, 2022: 153], стпм. *biŋalqu* ‘кипеть’ [Голстунский 2, 1894: 259], бур. *бусалха* ‘кипятиться, горячиться’ [БРС 1, 2001: 157], монг. *буцлах* ‘кипятиться, горячиться; klokотать’ [БАМРС 1, 2001: 445], калм. *буслх* ‘кипеть о жидкости, бурлить, бить ключом’ (нет эмотивного значения) [ТСКЯ 1, 2022: 155] и др.

Отметим, что внутри вышеописанных подгрупп субстантивно-глагольных единиц характерны синонимические связи, как одна из основных форм проявления системности ФСГ. Основное отличие этих синонимов (идеографических) друг от друга заключается в оттенках значения и в выражении различной степени проявления гнева.

Начало проявления эмоции гнева также может обозначаться глаголом стпм. *qataranqu* ‘ожесточаться, делаться свирепым (о вспыльчивом человеке в гневе)’ [Голстунский 3, 1893: 75], монг. *хатархах* ожесточаться, свирепеть [БАМРС 4, 2002: 1286], бур. *хэруулхэхэ* ‘злиться, раздражаться’ [БРС 2, 2010: 522].

Внезапность приступа гнева обозначает калм. *игзерлх* ‘испытывать отвращение, гневаться, внезапно разозлиться’ [КРС, 1977: 263]. В языке ойратов Синьцзяна данная лексема ойр. *игээрхехе* носит только значение ‘испытывать отвращение’ [СЯОС, 2001: 171].

– *Тэр сууна, – гижэ шуһуд шухиһэд суусн Бокта тал сеглэтр игээрлэж заав.* [ТСКЯ 1, 2022: 359] ‘«Вот он сидит», – внезапно разозлившись, указал секретарь собрания в угол, где сидел поникший Бокт’.

Высшая степень гнева обозначается глаголами. Они подчеркивают активный характер гнева, направленный вовне, часто сопровождаемый хаотичными действиями и потерей контроля над собой:

Монг. *агсрах* ‘1) горячиться, бросаться, кидаться, вспылить; буйствовать, буяннить, скандалить’ [БАМРС 1, 2001: 170], ойр. *агсараха* ‘рассердиться, разгневаться, быть в гневе’ [СЯОС, 2001: 20], ойр. *агсамлаха* ‘буяннить, горячиться’ [СЯОС, 2001: 20];

Бур. *агсамнаха* зап. ‘1) рваться вперёд, горячиться (о лошади) 2) горячиться; скандалить, буяннить (о человеке) [БРС 1, 2010: 36], монг. *агсамнах* ‘бесчинствовать, буйствовать, буяннить; бушевать; куролесить’ [БАМРС 1, 2001: 169], калм. *агсмнх* ‘буяннить, дебоширить, скандалить’ [ТСКЯ, 2022: 22];

Монг. *улангасах* ‘становиться свирепым; звереть, сатанеть, неистовствовать’ [БАМРС 3, 2001: 1069], бур. *уланхарха, уланхатаха, уланхадаха* ‘звереть, сатанеть, становится свирепым’ [БРС, 2010: 295]:

Энэ нөхцөлд хүмүүс амьдралаа өөрчлөх, өөрийн хүлээлтээ хэрэгжүүлэх хэрэгсэл хангалтгүй гэдгээ мэдэrmэгцээ улангасч эхэлдэг. [ЭКМЯ. Баатархуяг. «Эрх баригчдаа өргөх цэцэг»] ‘В ситуации, когда люди чувствуют, что у них недостаточно инструментов, чтобы изменить свою жизнь и оправдать свои ожидания, они начинают свирепеть’.

Тэдэ бүгэдыень шэхэндээ хабишуулжа ерэнэн Хархандай улам ехээр уланхадажа, үбгэн Жолбоондоо ороно даа. [ЭКБЯ. Б. Мунгонов. «Хараалша Хархандай, хатуужаһан Жолбон». 1989] ‘Хархандай, который услышал всё это, еще больше освирепел и начал наступать на старика Жолбона’.

Монг. *хийрхэх* [БАМРС 4, 2002: 1302], бур. *хиирэхэ* ‘быть в состоянии нервного возбуждения; впадать в истерику; нервничать; 2) сойти с ума, помешаться, рехнуться; 3) беситься’ [БРС 2, 2010: 423], от стпм. *kei* ‘воздух, газ; узкая щель, через которую может проходить воздух; (*перен.*) пустой, напрасный; несбыточный, утопический; бессодержательный; зря, впустую’ [ЭСМЯ 2, 2016: 113].

Тучин гэнтэ хүндөөр үбшэлһэн хүгшэн эжытээ байтараа, Балтын шиидхэбэри тухай дуулажа, хиирэн, галзууран алдаа һэн. [ЭКБЯ. Д. Эрдынеев. «Ехэ уг». 1976] ‘Тучин, который был у внезапно серьезно заболевшей бабушки, услышав о задумке Балто, чуть не впал в истерику’.

Бур. *няадаһарха* ‘доходить до крайнего нервного расстройства, быть в состоянии нервного возбуждения’ [БРС 1, 2010: 633].

Монг. *тэсрэх* (стпм. *tesürekü* (то же самое, что стпм. *tasuraqu*) ‘оторваться, лопнуть, распусться, отделиться, прекратиться, прерваться, окончиться, превосходить, отличиться’ [Голстунский, 1893: 31]) в монгольском языке демонстрирует эволюцию своего значения от прямого смысла ‘взрываться, лопаться’ [БАМРС 3, 2001:1039] до переносного употребления ‘не выдержав, разозлиться’. Данный дополнительный смысл

отмечается в МХИТТ и свидетельствует о сильном проявлении гнева. В бурятском языке *тэһэрхэ* также обладает переносным значением, однако преимущественно ассоциируется с длительным периодом ожидания и последующим эмоциональным разрядом (бур. *тайшаа тэһэрхэээ байна* ‘тайша вот-вот взорвётся (от гнева)’, бур. *тэһэрсэрээ энеэхэ* ‘чуть не лопаться от смеха’ [БРС 2, 2010: 281]. В калмыцком языке глагол калм. *тесрх* сохранил исключительно прямое значение ‘трещать, лопаться’, не приобретя эмоционального компонента [ТСКЯ 2, 2022: 174].

Значение излишне большой злости несут глаголы стпм. *doysiraqu* ‘ожесточаться, свирепеть, остервеняться, свирепеть’ [Голстунский 3, 1893: 156], стпм. *doysirqaqu* ‘неистовствовать, приходить в ярость, ожесточаться, поступать жестоко’ [Голстунский 3, 1893: 156], бур. *доихорхо* ‘приходить в ярость, ожесточаться, свирепеть’, бур. *доихорхохо* ‘приходить в ярость, свирепеть’ [БРС 1, 2010: 297], монг. *догирох*, монг. *догиурхох* ‘свирепствовать; приходить в ярость; горячиться; лютовать’ [БАМРС 1, 2001: 713], монг. *догидох* ‘быть чересчур свирепым, жестоким, неистовым’ [БАМРС 1, 2001: 712], калм. *догирх* ‘приходить в ярость, неистовствовать, свирепствовать’ [ТСКЯ 1, 2022: 262], подчеркивается ненужная потеря энергии от неё:

‘Баһа юуниһнь хүдэлөөд, энэмни эмнигээ оруулжа **доихорбо** гээшэб? [ЭКБЯ. Б. Мунгонов. «Хараалша Хархандай, хатуужаһан Жолбон». 1989] ‘Что же опять произошло, отчего он опять пришел в ярость?’

Эдн цаарандан һалзурад, **догиурхад** бээв, аш сүүлднь күүтрин бөдүн улс һарч ирлдэд, эн шуугата кергт орлцад, һаньдглэж зерлгшсн нохасиг тараж көөцхэв [ЭККЯ. Н. Илюмжинов. «Абиль». 2005].

Объектом, способным монг. *догирох*, в монгольском языке помимо человека может быть монг. *омог* ‘дух, гордость’ [БАМРС 1, 2001: 657]:

Ямар нэгэн яришг төвөг болохоос айсан Дулмаа сандран тэгвэл үүнийг өгье гэж ганц байдаг эр хонио заасан чинь, зарц нарынхаа аль дөмөг юмыг элдэв аргаар луйвардаж сурсан Баяны омог улам **догиурч** та нараас гуйж

байгаа биш. [ЭКМЯ. Чадраабалын Лодойдамба. «Тунгалаг Тамир». 1973] ‘Боясь навлечь на себя какие-либо неприятности, Дулмаа в панике решила: «Тогда отдам это», и отдала своего единственного барана. Но Баян, который научился самыми разными способами обманывать слуг даже из-за мелочей, освирепел – и вовсе не потому, что он что-то просит’.

Глаголы эмоционального воздействия: категориально-лексическая сема «вызвать гнев через воздействие на субъект». Значительная часть глаголов данной ФСГ составляют каузативные глаголы, в значениях которых можно отследить указание на способ воздействия, например, бур. *гаарулха* ‘сердить, дразнить, выводить из себя, раздражать, злить’ [БРС 1, 2010: 184], монг. *гааруулах* ‘разъярить, раздражить, подстрекать, бесить, вызывать усиление, обострение; усиливать, обострять’ [БАМРС 1, 2001: 470], монг. *уцаарлуулах* ‘раздражать, дразнить’ [БАМРС 3, 2001: 1137], калм. *килннүлх* ‘сердить, вызывать гнев’ [КРС, 1977: 301], монг. *хилэгнүүлэх* ‘вызывать гнев, сердить’ [БАМРС 1, 2001: 1305] и др.

Рассмотрим наиболее интересные примеры глаголов. Наблюдается потеря эмотивного компонента значения ойр. *агсуулха* в языке ойратов Синьцзяна (от ойр. *агсаха* ‘рассердиться, быть в гневе’) – ‘заставить вооружиться, повесить доспехи’ [СЯОС, 2001: 20]. В современном монгольском же монг. *агсаргах* несет в себе целый спектр способов эмоционального воздействия: ‘1) сердить, злить, бесить, приводить в бешенство, ярость; разъярять; распалять; гневить; 2) возмущать, вызывать возмущение, приводить в негодование, возмутить, привести в негодование кого-л.; 3) раздражать, нервировать; дёргать, коробить; раздражить; действовать кому-л. на нервы; 4) горячить, вызывать, провоцировать, возбуждать, пробуждать, будить, зарождать, поднимать, внушать, вселять в кого-л., поселять, сеять, навевать, зажигать’ [БАМРС 1, 2001: 170]. Семантические преобразования, связанные с изменением объема слов, определяются как историческими процессами и явлениями в жизни общества, так и иными внешними причинами, по-разному воздействующими на

семантическую структуру слова [Цыбикова, 2003: 18-19]. Полагаем, что значение «заставить вооружиться, привесить доспехи» является более архаичным в отличие от значений монг. *агсаргах*, преобразование может быть объяснено утратой в жизни общества соответствующего явления.

Бур. *шүргөөхэ* ‘1) тереться, чесаться обо что-л. (о скоте), 2) перен. дразнить, стараться рассердить кого-либо; пилить [БРС 2, 2010:628] (от стпм. *šürgügekü* ‘чесаться, тереться (о скотине; затрагивать, задирать, чесать язык на счет кого-либо’ [Голстунский 2, 1894: 42]) выражает воздействие на объект с целью спровоцировать негативные эмоции, но сам не имеет формы, выражающей эмоциональное состояние субъекта, испытывающего раздражение или недовольство. Для монг. *шүргэх* ‘касаться, задевать что-либо, затрагивать; зацеплять’ [БАМРС 4, 2002: 1664], калм. *шүргх* ‘тереть, протирать’ [ТСКЯ 2, 2022: 509] такое эмотивное значение не характерно.

Примером лексического способа выражения каузативности становится монг. *гаажлах* ‘задевать, раздражать, выводить из терпения’ [БАМРС 1, 2001: 469] (стпм. *γajilaqu* ‘искривлять сгибать, нагибать’ [Голстунский 2, 1894: 171]), образованный от корня *гааж-* ‘что-нибудь из ряда вон выходящее’ [БАМРС 1, 2001: 469], вероятно, близко с бур. (зап) *гаатай* ‘вредный, раздражительный (о человеке)’ [БРС 1, 2001: 184], ойр. *хажуурах* ‘вести себя недостойно, куражиться’ [СЯОС, 2001: 98] и употребляется, когда гнев вызван поведением, отклоняющимся от нормы. Примеров с данным словом в Национальном корпусе не зафиксировано.

Глаголы эмоционального отношения передают переживание гнева к чему-либо, кому-либо, направленное на что-либо или вызванное чем-либо. Глаголы демонстрируют способность передавать оттенки эмоционального переживания, такие как напряжённость, неудовлетворённость и озлобленность, демонстрируя богатство выразительных возможностей языкового материала. В целом, исследуемые единицы создают многослойную картину восприятия негативных эмоций, позволяя глубже понять культурные и психологические аспекты эмоционального опыта говорящих.

Если стпм. *ċiquldaq* не несет эмотивной коннотации и обозначает ‘быть стеснённым, сжатым, сдавленным, быть в стеснённом состоянии, нуждаться в необходимом’ [Голстунский 3, 1893: 270], то бур. *сухалдах* ‘сердиться, гневаться; возмущаться; раздражаться, горячиться, вспылить’ [БРС 2, 2010: 200], монг. *цухалдах* ‘нервничать; раздражаться; сердиться; гневаться, горячиться, вспылить’ [БАМРС 3, 2001: 1539], калм. *цухлтх* ‘гневаться, негодовать, возмущаться’ [ТСКЯ 2, 2022: 436] передают эмоциональное состояние недовольства, вызванного необходимостью мириться с неприятной ситуацией. Вероятно, физическое давление или стеснение, обозначаемое стпм. *ċiqul-*, постепенно начало приобретать психологическое измерение, расширяя сферу употребления корня и приводя к формированию значений, связанных с негативными эмоциями, такими как раздражение, гнев или досада. Б. Д. Цыренов в статье «Эмотивы со значением «злость, гнев» в монгольских языках» [Цыренов, 2022: 61] выделяет оттенок нервозности, раздражения в номенклатуре значений слов с корнями *сухал-* и дериватах от этих корней. Согласно данным толковых словарей, рассматриваемые глаголы употребляются только со словами, обозначающими человека, для обозначения злобного состояний животных чаще всего употребляется базовый глагол-идентификатор. Также со значением гнева собак зафиксированы монг. *ганиших* ‘визжать, злобно лаять (о собаке)’ [БАМРС 1, 2001: 541], восходящий к общемонгольскому корню – звукоподражательному слову для обозначения визга собаки *yang* (однако в бурятском и калмыцком языке нет глаголов с таким значением, ср. калм. *һанньх* ‘выть визжать’, бур. *гангинаха* ‘выть, визжать, скулить’).

Бур. *тунталзаха, тунтагалзаха, тунтаганаха, тунтагашаха, тунтайха* ‘сердиться, дуться, капризничать’ [БРС 2, 2010: 257], монг. *тунтганах* ‘дуться, вздуваться, сердиться, двигаться (о ком-л. пухлом, круглом)’ [БАМРС 3, 2001: 991] восходят к праязыковой основе *tumba-* ‘быть округлым, выпуклым’ [ЭСМЯ 3, 2018: 181-182]. Связь между формой и эмоциональным состоянием может указывать на метафорический перенос,

когда состояние злости, недовольства или раздражения ассоциируется с физическим изменением тела, возможно, напряжением мышц, расширением грудной клетки, неким движением и т.п. Таким образом, можно предположить, что исходная идея формы (округлость, выпуклость) была перенесена на эмоциональную сферу через образное восприятие физического состояния человека в моменты негативных эмоций.

Хашарһан эхэнь үүдэ хаб хаяад, тунтайжа хэрүүлхэнги гаража ябашаба. [ЭКБЯ. Ц.-Д. Хамаев. «Найдал». 1967] ‘Уставшая мать хлопнула дверью и, рассердившись, вышла’.

Стпм. *kögseyikü* ‘озлиться, прийти в азарт (от гнева), вспылить’ [Голстунский 3: 479], монг. *хөгсөх* ‘приходить в раздражение, раздражаться, злиться’ [БАМРС 4, 2002: 1357], монг. *хөгсийх* ‘быть надменным, зазнаваться; возбуждаться (от гнева), разозлиться’ [БАМРС 4, 2002: 1357], калм. *көгсх* ‘расвирепеть’ [ТСКЯ 2, 2002: 434]. Приведённые глаголы сохраняют общую тему негативных эмоций, связанных с агрессивностью, раздражением или вспышкой ярости. Различаются лишь степени интенсивности: стпм. *kögseyikü* подчеркивает именно активный аспект эмоции, монг. *хөгсөх*, монг. *хөгсийх* больше акцентируют состояние раздражения, которое может быть менее выраженным, чем явный гнев, калм. *көгсх* указывает на крайнюю степень проявления агрессии – ‘расвирепеть’.

Стпм. *γaniraqu* ‘быть в опьянении, в упоении, опьяняться, помутиться, ошалеть, одуреть’ [Голстунский 2, 1894: 159], бур. *ганирха* ‘беситься, бесноваться, быть вне себя’ [БРС 1, 2010: 194], монг. *ганирах* ‘безумствовать, неистовствовать, буйствовать, бушевать, яриться, свирепствовать; быть вне себя, беситься, бесноваться’ [БАМРС 1, 2001: 531], калм. *һаньдглх* ‘быть в ярости, неистовствовать, бесноваться’ [ТСКЯ 1, 2022: 198], калм. *һаньрх* ‘неистовствовать, быть вне себя’ [ТСКЯ 1, 2022: 198] – рассматриваемый глагол, обозначающий высокую степень гнева, в бурятском языке также имеет значение конкретного действия при гневе – брань, крик на кого-либо. Усиление степени гнева с данным глаголом может происходить также в

парных словах: бур. *ганирха габарха*, бур. *ганирха тунирха* – ‘быть вне себя, бушевать, браниться’. Меньшей интенсивностью действия характеризуются бур. *габарха* ‘1) выражать недовольство, брюзжать; 2) поучать, говорить наставительно; 3) растрескиваться’ [БРС 1, 2010: 184] и бур. *гангарха* ‘выражать недовольство, ворчать, брюзжать’ [БРС 1, 2010: 193].

Бур. *хоролхохо* ‘злиться, таить злобу на кого-либо, злобствовать; быть раздражённым’ [БРС 2 2010: 449] (от стпм. *qoor-a* ‘вред, зло, яд; огорчение, урон, ущерб’ [Голстунский 2, 1894: 109]). Монг. *хоролхох* не отражен в БАМРС, но присутствует в МХИТТ со значением ‘завидовать, испытывать зависть, чувствовать злобу, гнев или раздражение’ – оба глагола связаны с негативными эмоциями, но в бурятском языке акцент смещён в сторону злобы и раздражения, тогда как в монгольском добавляется компонент зависти. На примерах и МНК, и БНК можно сделать вывод о том, что в рассматриваемых языках также присутствует более обобщённое значение, охватывающее как зависть, так и злобу.

Монг. *эгдүүрхэх* ‘1) возмущаться, раздражаться; 2) питать страсть’ [БАМРС 4, 2002: 1678], калм. *эгдүтх* ‘негодовать, возмущаться’ [ТСКЯ, 2022: 515] – праоснова не отражена в лексикографических источниках.

Глаголы внешнего выражения эмоций. Глаголы отражают как субъективные ощущения (например, внутренний дискомфорт, недовольство), так и объективные физические проявления гнева (изменение мимики, жестов, речи).

Стпм. *kederlekü* ‘быть вспыльчивым, гневным, говорить колкости’ [Голстунский 2, 1894: 407], бур. *хэдэрэлдэхэ* ‘упрямиться, артачиться’ [БРС 2, 2001: 513], монг. *хэдэрдэх* ‘быть слишком вспыльчивым’, монг. *хэдэрлэх* ‘быть непослушным, упрячиться; противоречить; быть вспыльчивым’ [БАМРС 4, 2002: 1451]. От базовой семантики, связанной с отрицательными эмоциями (вспыльчивость) в старомонгольском, в современном бурятском и монгольском языках, глагол расширил свое значение до обозначений непослушания и противоречия (упрямиться, артачиться). Это расширение

показывает, как эмоции могут переходить в поведение и характеризовать черты характера.

Стпм. *untuuᠵaᠭᠢ, untuuyurᠭaᠭᠢ* ‘изменяться в лице от гнева, показывать сердитый злобный вид, надуться’ [Голстунский 1, 1895: 154], монг. *унтуурхах*, монг. *унтуурах* ‘раздражаться; изменяться в лице от гнева, принимать злобный вид, пылать гневом, злиться’, монг. *унтууцах* ‘сердиться, пылать гневом, гневаться, изменяться в лице от гнева, принимать злобный вид’ являются однокоренными словами (корень *унтуу* ‘гнев, злоба, злость; сердитый, злобный вид’), употребляются в высоком стиле. В этимологическом словаре монгольских языков отражен корень калм. *унту* ‘гнев’, однако в лексикографических источниках по калмыцкому и ойратскому языкам, Калмыцком национальном корпусе не удалось обнаружить слов, имеющих данный корень. В бурятском языке языковые параллели также не обнаружены.

Несмотря на то, что глагол монг. *уцаарлах* в БАМРС имеет значение ‘раздражаться’, данное слово было отнесено в данную ЛСГ, основываясь на данные толкового словаря монгольского языка «Монгол хэлний тайлбар толь» Ц. Норжины: «монг. *уур уцаар – уурласан хүний хатуу гажуу үгс*» досл. *уур уцаар* – «грубые слова гневного человека». Так, если монг. *унтуурхах*, монг. *унтуурах* выражают значение ‘внешний сердитый, злобный вид’, то глагол монг. *уцаарлах* выражает типичное действие при гневе – ‘ругаться грубыми словами’. Глагол не отражен в словарях К. Ф. Голстунского и О. М. Ковалевского. Интересны значения глагольных сочетаний, представленные в МХИТТ: монг. *унтууцан уурлах* ‘раздражаться, испытывая затруднение’, монг. *уурлах уцаарлах* ‘нервничать от отчаяния’, монг. *цухалдаж уурлах* ‘поспешно злиться, не зная полностью ситуацию’.

В. И. Рассадин и С. М. Трофимова, рассматривая процессы развития и обогащения лексики калмыцкого языка и его говоров, происходившие под влиянием тюркских языков, описывают глагол калм. *аһлх* ‘плакать от злости’. Данный глагол отражен в калмыцком словаре Г. И. Рамстедта как общекалмыцкий, но отсутствует в современных калмыцких словарях.

Языковые параллели также не отражены в остальных монгольских языках [Рассадин, 2014: 42].

Психологическую реакцию человека в гневе отражал стпм. *keiikirkii* ‘бушевать, неистовствовать, приходить в запальчивость’ (о сердитом человеке) [Голстунский 2, 1894: 399]. В современном монгольском языке глагол приобрел значение монг. *хүүхрэх* ‘реветь, шуметь, кричать в гневе’ [БАМРС 4, 2002: 1438], в бурятском и калмыцком языках также не наблюдается семантической общности с праединицей, произошла утеря эмоциональной окраски: бур. *һүүхирхэ* ‘1) кликать, звать; 2) кричать, орать; 3) гукать (о филине)’ [БРС 2, 2010: 580], калм. *хээкpх* ‘кричать, вопить, восклицать’ [ТСКЯ 2, 2022: 341].

Стпм. *buysaqui* ‘дуться, сердиться, не разговаривать’ [Голстунский 2, 1894: 261], *бугсах* ‘сердиться, дуться, злиться (молча)’ [БАМРС 1, 2001: 427].

Из примеров, представленных в данной ФСГ, можно сделать вывод, что в калмыцком языке в большинстве случаев выражение гнева представлено «синтетически» – словами, которые указывают одновременно на эмоцию и на тип поведения: злиться, гневаться, в монгольском и бурятском языках наблюдаются специализированные глаголы, описывающие в первую очередь внешние проявления этого чувства

Итак, глаголы злости в монгольских языках обозначают эмоцию со значением «проявлять гнев, злиться». Основным выразителем эмоции – глаголом-идентификатором – выделены глаголы бур. *уурлах* ‘злиться, сердиться’, монг. *уурлах* ‘сердиться, злиться; раздражаться; гневаться; возмущаться’, калм. *уурлх* ‘сердиться, злиться, гневаться’. Глаголы со значением ‘гневаться’ в монгольских языках демонстрируют богатый спектр эмоциональных оттенков, от слабого раздражения до сильной агрессии и характеризуются множественностью лексем, глагольными эмотивными парными и аналитическими сочетаниями, уточняющими интенсивность и происхождение гнева. Они демонстрируют сходство, однако значительная

часть лексики прошла самостоятельную семантическую эволюцию, результатом которой стали уникальные варианты и различия в употреблении.

3.7. Глаголы со значением «презирать, испытывать отвращение» в монгольских языках

Отвращение – это эмоция с ясно выраженной эволюционной функцией, заключающейся в стремлении избегать контактов с предметами, которые кажутся потенциально опасными для испытывающего эту эмоцию.

Глаголы данной группы объединены семантической идеей «испытывать неприятное чувство при контакте с чем-либо неприятным внешне, на вкус, на осязание, или обладающим неприятным запахом, и избегание этого». Группа глаголов представлена ограниченным количеством глаголов: в монгольском языке – 8 глаголов (изображено на рис. 21), в бурятском языке – 6 глаголов (изображено на рис. 20), в калмыцком языке – 3 глагола (изображено на рис. 22). Наряду с этим характерно выражение презрения и отвращения в большинстве случаев одной и той же группой лексем. Таким образом, отвращение и презрение в монгольских языках представляют собой комплексную эмоцию, возникающую вследствие отрицательной оценки субъекта или явления и сопровождающуюся чувствами неприятия, отторжения и стремления дистанцироваться от раздражающего фактора. Это может объясняться близостью данных эмоций, поскольку обе характеризуются негативно окрашенной оценкой объекта или ситуации.

Кроме этого, как отмечает В. Ю. Апресян, отвращение имеет значительное семантическое пересечение со страхом. Обе эмоции мотивируют избегание объекта, хотя и по разным причинам: страх связан с угрозой физической безопасности, а отвращение – с потенциальным вредом или нарушением норм [Апресян, 2011б: 69]. Отметим, что глаголы отвращения в монгольских языках могут пересекаться с лексикой, выражающей

раздражение, что указывает на их общую функцию – маркировку дискомфорта и стремление к дистанцированию.

Для группы эмотивных глаголов со значением «презирать, испытывать отвращение» в монгольских языках характерно наличие уникального глагола-идентификатора для каждого из рассматриваемых языков: в монгольском языке – монг. *зэвүүрхэх* ‘1) возмущаться; 2) испытывать отвращение’ [БАМРС 2, 2001: 398], в бурятском языке – бур. *жэрхэхэ* ‘чувствовать отвращение, брезговать’ [БРС 1, 2010: 366], в калмыцком – калм. *жигших* ‘1) чувствовать отвращение, омерзение, гадливость 2) испугаться’ [ТСКЯ 1, 2022: 294].

Рис. 20. Глаголы со значением «презирать, испытывать отвращение» в бурятском языке

Рис. 21. Глаголы со значением «презирать, испытывать отвращение» в монгольском языке

Рис. 22. Глаголы со значением «презирать, испытывать отвращение» в калмыцком языке

Рассмотрим каждый из глаголов идентификаторов.

Стмп. *jigirkekii* ‘делаться, быть отвратительным, мерзким, противным, ужасным, страшным’ [Голстунский 2, 1984: 363], бур. *жэрхэхэ* ‘чувствовать отвращение, брезговать’ [БРС 1, 2010: 366], монг. *жийрхэх* ‘1) отчуждаться, сторониться, избегать; чураться, шарахаться от кого-чего-л.; обегать кого-чего-л.; 2) дичиться, тушеваться; смущаться, приходить в замешательство, смущение; конфузиться, стесняться, робеть; 3) робеть, испытывать робость; 4) страшиться, бояться; 5) перен. негодовать; брезговать, питать омерзение’ [БАМРС 2, 2001: 302], калм. не обнаружено (вероятно калм. *жиирх* ‘постепенно удаляться’ [ТСКЯ 1, 2022: 296]).

Значение бур. *жэрхэхэ* можно эксплицировать следующим образом «Х видит, что Y очень неприятный на вкус или на ощупь, или обладает очень неприятным запахом, или очень грязный, или очень плохой; X не хочет быть в контакте с Y; когда X в контакте с Y, X чувствует что-то очень плохое; X может чувствовать тошноту, когда он в контакте с Y».

«*Ямар ехые эдидэг зон бэ!*» — гэжэ Ефим *жэрхэнэ*. [ЭКБЯ. С. Цырендоржиев. «Шулуун хадын хойморто». 1985]. ‘«Как много люди едят!» – брезгует Ефим’.

Как и большинство глаголов-идентификаторов бур. *жэрхэхэ* ‘чувствовать отвращение, брезговать’ – это глагол, образующий эмотивные парные глагольные сочетания: бур. *жэрхэхэ жэгшэхэ* (или *жутөөрхэхэ*) ‘брезговать’, бур. *жэрхэхэ зэбүүрхэ* ‘содрогаться от отвращения’. По смысловой структуре данные глаголы являются синонимичными и несут функцию усиления интенсивности эмоции и выразительности значения слова:

Уб улаан болошоһон нюдэтэй, хаһатай томо бээтэй Дэлэг старишһае амин хайра үрхигэрхэн нүхэртэйнь захиран туужа, Должоной хажуугаар милицин зургаан руу оруулхадань, омогтой дуугай зогсон хаража, досоогоо айхабтар жэрхэн зэбүүрхэжэ байгаа һэн. [ЭКБЯ. Ц. Дон. «Брынзын санха». 1935] ‘Когда рослый Дэлэг, у которого стали ярко-красными глаза, погоняя,

загнал в отделение милиции старшину вместе с её любимым мужем, Должон гордо молча смотрела и ощущала внутри себя сильное презрение’.

В данном случае усиление эмоции также обеспечивается словом *айхабтар*.

Эмотивные парные глагольные сочетания бур. *жэрхэхэ жүтөөрхэхэ* ‘брезговать’, бур. *жэрхэхэ жэсгшэхэ* хоть и зафиксированы в словаре, но в БНК не отражены.

На примере глагола монг. *жийрхэх* можно увидеть поэтапное образование других значений глагола: последовательно расширяя первоначальное значение для обозначения физической реакции организма на неблагоприятные обстоятельства или угрозу опасности, глагол стал средством выражения глубоких эмоциональных и моральных установок.

Для монгольского языка в качестве глагола-идентификатора выделен монг. *зэвүүцэх* ‘1) робеть, испытывать робость; 2) страшиться, бояться [БАМРС 1, 2001: 396] от стпм. *jibegüčel* ‘отвращение’ [Голстунский 3, 1893: 353]. Анализ данного глагола в МХИТТ позволяет усомниться в адекватности представленного в БАМРС варианта перевода. В данном толковом словаре глагол определяется монг. *юманд ихэд дургүйцээж зэвүү нь хүрэх* ‘быть очень недовольным чем-либо и испытывать к этому отвращение’. Большинство лексем данной функционально-семантической группы во время процедуры компонентного анализа определялись именно данным глаголом, что явилось одной из причин, почему глагол является идентификатором ФСГ. Дополнительно это подтверждается примерами в Национальном корпусе монгольского языка и наличием сходного глагола в бурятском языке – бур. *зэбүүсэхэ* ‘1) испытывать отвращение; 2) негодовать’ [БРС 1, 2010: 421]. В калмыцком языке лексема не представлена.

У данного слова есть однокоренное слово стпм. *jibegürkekü* ‘чувствовать отвращение, омерзение, гнушаться, презирать, претить’ [Голстунский 3, 1893: 354], бур. *зэбүүрхэхэ* ‘1) испытывать отвращение; 2) негодовать’ [БРС 1, 2010: 421], монг. *зэвүүрхэх* ‘1) возмущаться; 2) испытывать отвращение’ [БАМРС 2,

2001: 398]. Отвращение бур. *зэбүүрхэхэ*, бур. *зэбүүсэхэ*, монг. *зэвүүрхэх* – это не отвращение от физического восприятия чего-либо неприятного, а от возмущения (не смирения) какой-либо ситуацией: «Х понимает, что Y неправильно себя ведет, или обладает очень неприятным качествами, X возмущает Y; когда X в контакте с Y, X чувствует что-то очень плохое».

Эгц өөдөөс ирмэх ч үгүй ширтээд байгаа энэ этгээд инээх аядсанаа зэвүүцэх мэт болж шазуураа зуув [ЭКМЯ. Нямаа Г. «Цагаан хэрээ». 1998]

«*Яахан ором жэрэмгүй зон сугларна гээшэб?*» – гэжэ хүгшэн *зэбүүрхэнэ*. [ЭКБЯ. С. Цырендоржиев. «Хүрьгэнэйдөө». 1977] ‘«Какие же это бесстыжие люди собрались?» – возмущался старик’.

«*Ямар ехэ нүгэл гээшэб!*» – гэжэ *зэбүүсэбэ*. [ЭКБЯ. Б. Санжин, Б. Дандарон. «Заяанай зам». 1966] ‘«Какой большой грех они совершают! – испытал он отвращение’.

На базе анализа примеров из БНК и МНК у глаголов бур. *зэбүүрхэхэ*, бур. *зэбүүсэхэ* ‘1) испытывать отвращение; 2) негодовать’, монг. *зэвүүрхэх* ‘1) возмущаться; 2) испытывать отвращение’ прослеживается больше «моральное» отвращение, чем «физическое». В плане «физического» отвращения более продуктивен бур. *жэрхэхэ* ‘чувствовать отвращение, брезговать’.

В калмыцком языке в качестве глагола-идентификатора выделен стпм. *jigsikii* ‘чувствовать омерзение, отвращение, гнушаться, презирать’ [Голстунский 3, 1893: 364], монг. *жигших* ‘1) гнушаться, пренебрегать, брезговать; питать, испытывать, чувствовать отвращение; 2) презирать, третировать, относиться свысока к кому-л’ [БАМРС 1, 2001: 298], калм. *жигших* ‘1. чувствовать отвращение, омерзение, гадливость 2. испугаться’ [ТСКЯ, 2022: 294]. Несмотря на присутствие в Бурятском национальном корпусе глагола бур. *жэгшэхэ* ‘I.1) пугаться, становиться пугливой (о лошади) 2) от испуга убегать подальше от людей (о лошади); II. 1) чувствовать отвращение, гнушаться 2) ненавидеть’ [БРС, 2010: 362] (всего зафиксировано 17 случаев употребления), ни один пример не иллюстрирует значений типа

«ощущать отвращение»; напротив, данное слово закреплено исключительно за значением: 1) ощущать тревогу, беспокойство, пугаться (чаще всего о лошадях); 2) вследствие сильного испуга удаляться, избегать контактов с людьми.

Жиитң акад кун гиж санад, жигишч одхла, яахв! [ТСКЯ 1, 2022: 294].
 ‘Подумав над тем, что этот человек является кокетливым и сомнительным, он почувствовал отвращение, что поделать!’

Зафиксирован однокоренной глагол, который можно отнести к подгруппе глаголов эмоционального состояния: стпм. *jigsawirekü* ‘быть отвратительным, мерзким, гадким’ [Голстунский 3, 1893: 364], монг. *жигшүүрэх* ‘чувствовать отвращение’ [БАМРС 1, 2001: 298], калм. *жигшүрх* ‘чувствовать отвращение’ [ТСКЯ, 2022: 294], бур. *жэгшүүрхэ* ‘чувствовать отвращение, гнушаться’ [БРС, 2010: 362]. В отличие от предыдущего глагола, глагол однозначно несет значение отвращения и не является многозначным. Форма, закреплённая в старописьменном монгольском языке, обозначает негативное качество предмета или явления, оно описывает внешнюю характеристику объекта, воспринимаемого субъектом как неприятный или отталкивающий. Значение направлено преимущественно на объект, а не на внутреннее переживание самого субъекта. В современных рассматриваемых монгольских языках произошла переориентация значения глагола с внешнего описания объекта на внутренний опыт чувствования субъекта. Тенденция постепенного смещения акцента со свойств объекта на внутренние ощущения субъекта хорошо согласуется с общелингвистическими законами формирования понятийной базы эмоциональных состояний в большинстве мировых языков.

ФСГ «Глаголы эмоционального состояния»: категориально-лексическая сема «испытывать отвращение».

Отмечаются специальные слова для отражения брезгливости:

1. Стпм. *sejiglekü* ‘сомневаться, недоумевать, подозревать, не доверять’ [Голстунский 2, 1839: 328], монг. *сэжэглэх* ‘1) сомневаться,

подозревать; относиться недоверчиво; 2) быть мнительным 3) брезгать' [БАМРС 3, 2001: 872], бур. *hэжэглэхэ* '1) сомневаться, подозревать; 2) остерегаться; опасаться' [БРС 2, 2010: 583], калм. *сежглх* 'проявлять мнительность, остерегаться' [ТСКЯ 2, 2022: 94] – значение 'брезгать' в монгольском языке могло развиваться через метафорический перенос: «остерегаться (опасного, нечистого)» → «испытывать отвращение к чему-то неприятному». В бурятском и калмыцком этот переход не закрепился, сохранив более нейтральное значение осторожности.

2. Стпм. *šegerlekii* 'воздерживаться, удерживаться от чего-либо, жить целомудренно, в чистоте, воздержанно, очищать себя перед жертвоприношением, поступать, действовать прямо, честно' [Голстунский 3, 1893: 264], монг. *цээрлэх* '1) запрещать, налагать запрет, табу на что-л.; возбранять; 2) соблюдать чистоту, опрятность; 3) воздерживаться от чего-л.; быть умеренным, целомудренным, избегать чего-л.; 4) брезгать' [БАМРС 4, 2002: 1559], бур. *сээрлэхэ* '1) налагать запрет на что-л.; 2) бояться (или стесняться) чего-либо' [БРС 2, 2010: 213], калм. *цеерлх* 'запрещать, налагать запрет, устанавливать карантин, соблюдать табу, воздерживаться' [ТСКЯ 2, 2022: 416] – значение 'брезгать' возникло в монгольском языке как результат семантического расширения от абстрактного запрета к конкретному эмоциональному отторжению в результате семантического перехода: «запрещать → избегать → испытывать отвращение». В бурятском и калмыцком этот оттенок не зафиксирован, что указывает на возможное локальное развитие в монгольском или утрату в других языках.

Таким образом, «брезговать» в монгольском языке в данных словах – это вторичное значение, отражающее культурно-эмоциональную реакцию, связанную с табуированием и избеганием.

3. Бур. *этээрхэхэ* 'брезговать, гнушаться чем-либо' [БРС 2, 2010: 681]. В МХИТТ зафиксирован глагол монг. *этээрхэх* с пометой диалектное (характерное для бурятского диалекта монгольского языка). Данный глагол не распространен в языке шэнэхэнских бурят КНР (по сообщению информатора

Гунгаагай Дамбинима). Праоснова не зафиксирована в словарях К. Ф. Голстунского, О. М. Ковалевского и в ЭСМЯ.

Мархансай хаартаар наададаггүй, гартаашье барихая этээрхэдэг. [КТСБЯ, 1992: 172] ‘Мархансай не играет в карты, брезгует даже брать в руки’.

ЛСГ «Глаголы становления эмоционального состояния»: категориально-лексическая сема «прийти в состояние отвращения». Эмоция в ЛСГ отражена в развитии.

Калм. *иззерлх* ‘испытывать отвращение, гневаться, внезапно разозлиться’ [КРС, 1977: 263] – глагол, характерный только для калмыцкого языка, передает спектр эмоций, связанных с проявлением негативных чувств: «испытывать отвращение», «гневаться», «внезапно разозлиться». В то же время в языке ойратов Синьцзяна эта форма ограничивает свою семантику единственным значением ойр. *изгээрхехе* – ‘испытывать отвращение’.

Калм. *һаалх* ‘1. Считать приносящим несчастье 2. питать отвращение, ненависть 3. Быть изгнанным’ [ТСКЯ 1, 2022: 206], ойр. *һаалехе* ‘изгонять, лишать приюта; чувствовать отвращение к кому-чему-либо, невзлюбить, считать несчастливым, приносящим беду’ [СЯОС, 2001: 104].

Баарн амтн эдниг бандеровцнр гиж нерәдәд, Советск йосна хортд гиж һааләд, әвр дурго болдмн. [ТСКЯ 1, 2022: 206]. ‘Местные люди, называя их бандеровцами, питая отвращение как к врагам Советской власти, очень невзлюбили их’.

Формирование категории отвращения в современном монгольском языке выражается через функционирование двух глагольных форм: монг. *жидүүрэх* и монг. *жидүүцэх*, которые не нашли полного отражения в БАМРС и словарях К. Ф. Голстунского и О. М. Ковалевского. В частности, глагол монг. *жидүүрэх* в БАМРС фиксируется исключительно в узко-медицинской интерпретации («заболеть чесоткой») [БАМРС 1, 2001: 299]. Тем не менее, согласно материалам МХИТТ, указанный глагол получил значительное расширение своего семантического поля, дополнившись новыми оттенками значения, отражающими сферу межличностных отношений и социально-

психологические феномены. Новая семантика охватывает такие аспекты, как возникновение ревности, проявления недовольства, негодования и сильного отвращения («*жидүү хүрэх, эгдүү, зэвүү хүрэх, дургүйцэх*» [МХИТТ]). Этот феномен демонстрирует активный процесс перехода от первоначально физиологической коннотации к этически окрашенной, предполагающей включение эмоциональных компонентов. Глагол монг. *жидүүцэх* отражает процесс развития негативного отношения или эмоции, выражаясь через формирование внутреннего ощущения неприязни или антипатии («*дур гутан зэвүүцэх*»). Частое употребление обеих форм совместно с понятием монг. *сэтгэл* ‘душа’ подчеркивает глубокую связь выражения отвращения с внутренними чувствами и эмоциями субъекта.

Стпм. *qasirqu* ‘скорбеть, печалиться, огорчаться, сокрушаться, болеть сердцем, терзаться, внутренне мучаться, гнушаться, досадовать’ [Голстунский 2, 1894: 41], бур. хашарха ‘получать отвращение к чему-либо; прискучивать’ [БРС 2, 2010: 418] – старописьменный глагол охватывает широкий спектр негативных эмоций, начиная от скорби и заканчивая лёгким раздражением, подчеркивая глубину переживания и интенсивность эмоций. Особенность бурятского варианта заключается в том, что субъект Х первоначально может получать удовольствие или удовлетворение от объекта Y, однако вследствие продолжительного повторяющегося воздействия теряет интерес, испытывает усталость или даже отвращение, стремясь разорвать связь с данным объектом или ситуацией. Глагол образует эмотивные глагольные парные сочетания бур. хашарха *сүхэрхэ* (бур. *сүхэрхэ* – отчаиваться), бур. хашарха *шалаха* (бур. хашарха ‘томиться от бездействия’), бур. хашарха *далтирха* (бур. *далтирха* ‘уклоняться, прятаться, отклоняться от удара’), бур. хашарха *эсэхэ* (бур. *эсэхэ* ‘уставать, утомляться, изнуряться, выбиваться из сил’), которые также имеют значение «получать отвращение к чему-л.; прискучивать».

Глаголы эмоционального воздействия: Все глаголы образуют каузативные формы, выражающие значение «вызывать отвращение, презрение» морфологическим способом, например, калм. *жигиш* ‘испытывать

чувство отвращения, омерзения, гадливости’ – калм. *жигшэх* ‘вызывать отвращение, омерзение’, бур. *хашарха* ‘получать отвращение к чему-либо; прискучивать’ – бур. *хашаруулха, хашарааха, хашаргааха* ‘вызывать отвращение: надоедать, докучать, приедаться; утруждать’, монг. *жигшүүрэх* ‘чувствовать отвращение’ – монг. *жигшүүлэх* ‘вызывать отвращение; опротиветь’.

Глаголы эмоционального отношения в данной ФСГ не были выделены.

Глаголы внешнего выражения эмоции:

Стпм. *šangdayuraqu* ‘делаться приторно, противно чувствуется, неприятное ощущение, претить, отрыгается жирным (после жирной пищи)’ [Голстунский, 2, 1894: 368], монг. *шандуурах* ‘пресыщаться приторной пищей и чувствовать к ней отвращение; иметь неприятное ощущение, отрыжку от жирной пищи’ – здесь мы видим чёткий физический аспект отвращения, связанный непосредственно с качеством пищи и её воздействием на организм. Это больше касается непосредственного дискомфорта тела, вызванного употреблением определённых продуктов питания.

Стпм. *yekeüreki* ‘гнушаться, чувствовать отвращение, тошнить, претить (от неряшливой позы, от докучливого, привязчивого человека)’ [Голстунский 3, 1983: 345] – глагол подчёркивает наличие внутреннего психоэмоционального состояния, связанного с сильным чувством неприятия и нежелания контактировать с объектом раздражения. В отличие от монг. *шандуурах*, где основной акцент сделан на физические последствия приёма пищи, стпм. *yekeüreki* затрагивает сферу личных отношений и восприятия окружающего мира человеком.

Итак, отвращение в монгольских языках зачастую сопряжено с презрением, образуя единую сложную эмоцию. Например, глагол монг. *зэвүүрхэх* выражает как физическое неприятие, так и нравственное осуждение. Количество глаголов различается: 8 в монгольском, 7 в бурятском, 3 в калмыцком, но общий смысловой фундамент сохраняется, соединяя восприятие внешних факторов и внутреннюю моральную оценку. Некоторые

глаголы развивались путем переосмысления первоначальных значений, демонстрируя связи с общеязыковыми тенденциями развития значения слов.

Выводы по главе 3

Проведённое исследование глагольной эмотивной лексики монгольских языков позволило выявить ключевые закономерности её структурирования и определить направления семантического развития. Анализ языкового материала, включающего свыше трехсот лексических единиц, продемонстрировал корреляцию глаголов с культурными особенностями монголоязычных народов, а также показал существование универсальных принципов функционирования эмотивной лексики, общих для большинства языков.

Среди функциональных семантических групп наиболее многочисленными оказались группы с семантикой «гнева» и «страха», что соответствует общей лингвистической тенденции доминирования негативных эмоций вследствие их первостепенной роли в процессе биологической адаптации и выживания индивидов.

Основными источниками расширения фонда эмотивной глагольной лексики являются процессы метафоризации и семантического сдвига. Глаголы, первоначально обозначавшие физические ощущения или конкретные действия, часто становятся основой для формирования эмотивных форм. Однако абсолютное большинство глаголов сохранило свои исходные значения, зафиксированные в словарях К. Ф. Голстунского и О. М. Ковалевского. Лишь 4 основы в старомонгольском языке претерпели глубокие изменения в своем исходном значении, 3 из них не получили развития в рассматриваемых языках.

Для точной передачи интенсивности переживания эмоции характерны многочисленные случаи употребления производных форм глагола.

Эмотивные глагольные сочетания также выступают важным средством детализированного представления оттенков чувств, позволяя фиксировать тонкие различия в эмоциональных реакциях, в степени их выражения. Особое место занимают образные глаголы, поскольку их специфическое семантическое наполнение позволяет наглядно отражать эмоциональные состояния.

Таким образом, проведённый анализ выявил комплекс взаимосвязанных процессов, определяющих структуру и динамику развития глагольной эмотивной лексики монгольского языка, раскрыв общие механизмы, регулирующие функционирование и развитие эмотивной лексики.

Заключение

Настоящее исследование посвящено комплексному изучению структуры и функционирования эмотивной глагольной лексики современных монгольских языков – современного монгольского, калмыцкого и бурятского. Эмотивные глаголы образуют специализированную подсистему, характеризующуюся сложной внутренней организацией и наличием ряда функционально-семантических подгрупп, объединённых общей идеей выражения эмоционального состояния субъекта речи.

Анализируемый материал охватывает 404 глагольные единицы, репрезентирующие семь базовых эмоций («страх», «радость», «гнев», «отвращение», «стыд», «удивление», «грусть»), каждая из которых формирует самостоятельную функционально-семантическую группу (93 в старописьменном монгольском языке, 66 – в калмыцком, 108 – в бурятском, 137 единиц в современном монгольском языке). Характерной особенностью исследуемого материала является сохранение общемонгольского характера с некоторыми изменениями в каждом конкретном языке. Наряду с общими элементами выделяются уникальные глагольные единицы, характерные исключительно для одного из рассматриваемых языков. Кроме того, некоторые глаголы одного и того же корня выражают различные эмоциональные аспекты либо вовсе утрачиваются в отдельных языковых системах.

Каждая функционально-семантическая группа включает глагольные единицы с дифференциальными семами, выделяемыми на основании компонентного анализа. Глаголы распределены по следующим подгруппам: «эмоциональное состояние», «становление эмоционального состояния», «эмоциональное воздействие», «эмоциональное отношение», «выражение эмоционального состояния».

Характерной чертой монгольской эмотивной глагольной системы является полисемия многих глаголов, проявляющаяся в принадлежности

одной глагольной единицы сразу к нескольким функционально-семантическим группам. Это выражается в одновременном отражении различных аспектов переживания эмоций: эмоционального состояния, отношения, поведения, когнитивного процесса.

Анализ выявил значительное численное превосходство глаголов, обозначающих негативные эмоции, над положительными. Так, в современном монгольском языке количество глаголов со значением страха составляет 45 единиц, тогда как глаголов радости лишь 13. Эта закономерность связана с эволюционно-биологической важностью негативных эмоций для защиты организма и адаптации индивидов к угрозам окружающей среды и универсальна для многих языков мира.

Основной вектор пополнения глагольной эмотивной лексики в монгольских языках формировался совокупностью взаимодействующих лингвистических процессов, среди которых ключевое значение приобретают метафорический перенос и семантический сдвиг. Процесс метафоризации реализуется через перенос значений глаголов из базовой предметно-практической сферы в сферу эмоционального опыта, что способствует созданию ярких, живо воспринимаемых образов эмоциональных состояний. Параллельно этому протекает явление семантического сдвига, заключающееся в последовательном изменении первоначальной семантики глаголов, вследствие которого возникают дополнительные эмоциональные коннотации, придающие словам новые оттенки значений. Наряду с этими явлениями значительную роль играет активное использование механизма морфологической деривации, проявляющегося в присоединении специализированных аффиксов, направленных на усиление либо уточнение эмоциональной окраски глаголов. Данный комплекс процессов характеризует высокую активность и динамизм развития эмотивно-глагольной подсистемы монгольских языков, демонстрируя её глубокую связь с культурной средой и повседневной жизнью носителей языка.

Монгольские языки отличаются высокой степенью грамматико-морфологического разнообразия и развитостью формальных механизмов выражения оттенков и степеней интенсивности эмоций. Важнейшую роль в выражении особенностей проявления эмоции играют залоговые и видовые глагольные аффиксы. Кроме того, для представления эмоций широко употребляются эмотивные парные глагольные сочетания, используемые для усиления интенсивности чувства либо детализации смысла. Подобные сочетания позволяют точно отображать нюансы эмоционального опыта говорящих.

Исследование показало наличие уникальных культурных характеристик в представлении эмоций в монгольских языках. Центральной культурной категорией выступают понятия «душа», «сердце», воспринимаемые как хранилище эмоциональных переживаний. Данное представление отражается в семантике глаголов и в многочисленных идиоматических выражениях. Другая важная черта заключается в ограниченной демонстрации эмоций, в особенности положительных, и негативной оценке излишнего эмоционального проявления. Такая тенденция свидетельствует о традиционно присущем монголоязычным культурам этосе сдержанности и умеренности в эмоциональных проявлениях. Некоторые глаголы непосредственно связаны с социальными ролями и статусом, отражающими традиционные ценности общества. Данные характеристики подчёркивают важную роль культурных установок и традиций в формировании и передаче эмоциональных понятий в монгольских языках.

Таким образом, функционально-семантические особенности эмотивных глаголов в монгольских языках отражают как универсальные закономерности концептуализации эмоций, так и национально-специфические черты, обусловленные историческим развитием языков и культурно-мировоззренческими особенностями монгольских народов. Проведённое исследование открывает перспективы для дальнейшего сопоставительного анализа эмотивной лексики монгольских языков с тюркскими и тунгусо-

маньчжурскими языками, углублённого изучения диахронического развития эмотивной лексики, исследования влияния контактов с другими языками на формирование эмотивной лексики, составления специализированных словарей эмотивной лексики монгольских языков.

.

Библиография

1. Абаева Ю. Д. Лексические интенсификаторы в бурятском языке / Ю. Д. Абаева // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2022. № 2(39). С. 98–108.
2. Апресян В. Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 27–35.
3. Апресян В. Ю. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.19 Теория языка / В. Ю. Апресян. Москва, 2015. 637 с.
4. Апресян В. Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты / В. Ю. Апресян // Вопросы языкознания. 2011. № 1. С. 19–51.
5. Апресян В. Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты / В. Ю. Апресян // Вопросы языкознания. 2011. № 2. С. 63–88.
6. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного исследования / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
7. Апресян Ю. Д. Язык. Семиотика. Культура: в 2 томах. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. Москва: Языки русской культуры, 1995. 767 с.
8. Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н. Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований. Москва, 1980. С. 156–249.
9. Бабенко Л. Г. Классы слов в аспекте идеографической лексикографии: принципы выделения, формирования состава и описания / Л. Г. Бабенко // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2016. № 5. С. 10–14.

10. Бабенко Л. Г. Модусные интерпретации в ментальной структуре эмотивных концептов / Л. Г. Бабенко // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 206–209.

11. Бабенко Л. Г. От полипарадигмальности — к интеграции парадигм: Уральская семантическая школа в контексте лингвистики конца XX — начала XXI в. / Л. Г. Бабенко // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2022. № 7. С. 23–28.

12. Бабенко Л. Г. Типы лексических множеств в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лексикографическом освещении: динамика интерпретаций / Л. Г. Бабенко // Научный диалог. 2020. № 9. С. 9–47.

13. Бабенко Л. Г. Алфавит эмоций: словарь-тезаурус эмотивной лексики / Л. Г. Бабенко; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Москва: Кабинетный ученый, 2021. 431 с.

14. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 184 с.

15. Бадмадоржиева Е. Б. Глаголы стыда в монгольских языках / Е. Б. Бадмадоржиева // Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность — XVIII: материалы международной научно-практической конференции молодых ученых (Улан-Удэ, 15 мая 2025 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2025. С. 15–18.

16. Бадмадоржиева Е. Б. Структура функционально-семантического развития эмотивных глаголов со значением радости в монгольских языках / Е. Б. Бадмадоржиева // Глобальный научный потенциал. 2023. № 9(150). С. 144–146.

17. Бадмадоржиева Е. Б. Функционально-семантические особенности эмотивных глаголов со значением грусти в монгольских языках / Е. Б. Бадмадоржиева // Скородумовские чтения — 2024: тезисы докладов международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых

ученых (Москва, 21 марта 2024 г.). Москва: Изд-во Моск. гос. лингв. ун-та, 2025. С. 68–70.

18. Бадмадоржиева Е. Б. Семантические особенности эмотивных глаголов со значением страха в монгольских языках / Е. Б. Бадмадоржиева, Н. Б. Бадмацыренова // Глобальный научный потенциал. 2024. № 11–2(164). С. 201–203.

19. Бадмаева Л. Д. Междометия бурятского языка: рациональное vs эмоциональное / Л. Д. Бадмаева // Мир Центральной Азии — V: сборник научных статей (Улан-Удэ, 30 июня — 3 июля 2022 г.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2022. С. 451–453.

20. Бадмаева Л. Д. Основные структурно-семантические особенности средств выражения удивления в бурятском языке / Л. Д. Бадмаева // Российский лингвистический бюллетень. 2025. № 6(66). С. 1–6.

21. Бадмацыренова Н. Б. Концепт «душа» в монгольской языковой картине мира / Н. Б. Бадмацыренова // Санжеевские чтения — 7: материалы всероссийской научной конференции с участием зарубежных ученых, посвященной 110-летию проф. Г. Д. Санжеева (Улан-Удэ, 21–24 марта 2012 г.) / ответственный редактор Л. Д. Бадмаева. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. С. 34–36.

22. Бардаев Э. Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология / Э. Ч. Бардаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 152 с.

23. Бертагаев Т. А. К вопросу о внутренних законах развития полисемии / Т. А. Бертагаев // Известия АН СССР. 1951. Т. 10, вып. 6. С. 573–588.

24. Бертагаев Т. А. Лексика современных монгольских литературных языков (на материале монгольского и бурятского языков) / Т. А. Бертагаев. Москва: Наука, 1974. 383 с.

25. Блох М. Я. Средства эмоционального воздействия политических выступлений / М. Я. Блох, Н. А. Резникова // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 9(60). С. 14–19.

26. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф; ответственный редактор Г. В. Степанов. Москва: Наука, 1985. 228 с.
27. Глагол и отглагольные формы современного калмыцкого языка. Элиста: Республиканская типография Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 1979. 202 с.
28. Дадуева Е. А. Семантико-структурные компоненты каузативных конструкций эмоционального воздействия в бурятском языке / Е. А. Дадуева // Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 257–266.
29. Дадуева Е. А. Фразеологические единицы в каузативных эмотивных конструкциях бурятского языка / Е. А. Дадуева // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2023. Т. 20, № 3. С. 72–79.
30. Дадуева Е. А. Функционально-семантическая категория каузативности в русском и бурятском языках / Е. А. Дадуева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. 128 с.
31. Дадуева Е. А. Эмотивные интенсификаторы в каузативных конструкциях бурятского языка / Е. А. Дадуева // Вестник Калмыцкого университета. 2023. № 2(58). С. 58–64.
32. Даржаева Н. Б. Комбинаторика бурятских глаголов эмоции и синтаксическое выражение стимула / Н. Б. Даржаева // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2023. № 3. С. 33–40.
33. Даржаева Н. Б. Макромодели бурятских эмотивных простых предложений / Н. Б. Даржаева // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2025. Т. 22, № 1(99). С. 84–91.
34. Даржаева Н. Б. Синтаксические средства выражения эмоций в бурятском языке / Н. Б. Даржаева // Культура Центральной Азии: письменные источники. 2021. № 14. С. 89–97.
35. Даржаева Н. Б. Средства выражения и усиления эмоциональности в бурятском языке / Н. Б. Даржаева // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. № 1(35). С. 9–18.

36. Дашиинимаева П. П. Категория аспектуальности в бурятском и английском языках: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Улан-Удэ, 1999. 162 с.
37. Дондуков У.-Ж. Ш. Развитие лексики монгольских языков в сравнительном освещении с тюркскими языками: в 2 частях / У.-Ж. Ш. Дондуков; Федеральное агентство по образованию; Бурятский государственный университет. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. 248 с.
38. Дугаров Н. Б. Лексические синонимы в современном бурятском литературном языке / Н. Б. Дугаров. Москва: Наука, 1978. 71 с.
39. Дугарова Г. С. Глагольный вид в современном монгольском языке / Г. С. Дугарова; ответственный редактор В. И. Рассадин; Сибирское отделение АН СССР; Бурятский институт общественных наук. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1991. 117 с.
40. Дырхеева Г. А. Парные слова и парное словообразование в бурятском языке / Г. А. Дырхеева, Д. Ш. Харанутова, Е. А. Бардамова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 208 с.
41. Егодурова В. М. Глагол в бурятском языке / В. М. Егодурова; Министерство образования Российской Федерации; Бурятский государственный университет. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2001. 132 с.
42. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило - 5-е изд., испр. и доп. - Назрань : Пилигрим, 2010. - 485 с.
43. Зализняк А. А. Русская семантика в типологической перспективе / А. А. Зализняк. Москва: Языки славянских культур, 2013. 636 с.
44. Зализняк А. А. Лексика радости / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Константы и переменные русской языковой картины мира: сборник статей. Москва: Языки славянских культур, 2012. С. 462–470.
45. Изард К. Э. Психология эмоций / К. Э. Изард; перевод с английского В. Мисник, А. Татлыбаева. Москва: Питер, 2009. 460 с.
46. Изард К. Э. Эмоции человека / К. Э. Изард; перевод с английского; под редакцией Л. Я. Гозмана, М. С. Егоровой. Москва: Изд-во МГУ, 1980. 439 с.

47. Иоанесян Е. Р. Способы номинации страха в языке / Е. Р. Иоанесян // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков: периодический сборник научных статей. Электронное научное издание. Москва: Изд-во Ин-та языкознания РАН, 2015. Т. 7. С. 98–223.
48. Иоанесян Е. Р. Исследования по семантике эмоциональных предикатов в типологическом аспекте / Е. Р. Иоанесян. Москва: Канцлер, 2022. 304 с.
49. Ионова С. В. Лингвистика эмоций в контексте современных научных исследований / С. В. Ионова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 3(166). С. 221–226.
50. Ионова С. В. Смешанные эмоции: к вопросу о лингвистической репрезентации и метаязыке описания / С. В. Ионова, А. А. Штеба // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2(40). С. 63–81.
51. Ионова С. В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.19 Теория языка / С. В. Ионова. Волгоград, 1998. 198 с.
52. Калимуллина Л. А. Современные трактовки категории эмотивности / Л. А. Калимуллина // Филологические науки. 2006. № 5. С. 71–80.
53. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н. А. Красавский; научный редактор В. И. Карасик. Москва: Гнозис, 2008. 374 с.
54. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. Москва: Наука, 1981. 198 с.
55. Кузнецов А. М. Структурно-семантические параметры в лексике: на материале английского языка / А. М. Кузнецов; редактор В. Н. Ярцева; АН СССР; Институт языкознания; Институт научной информации по общественным наукам. Москва: Наука, 1980. 160 с.
56. Кузнецова Э. В. Русская лексика как система: учебное пособие / Э. В. Кузнецова. Свердловск: Изд-во УрГУю, 1980. 90 с.

57. Кузьменков Е. А. Глагол в монгольском языке / Е. А. Кузьменков. Ленинград, 1984. 140 с.
58. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции / А. Н. Леонтьев. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1971. 38 с.
59. Митриев И. М. Радость и улыбка как знаки эмоциональной сферы калмыков / И. М. Митриев, Т. С. Есенова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. Т. 6, № 4. С. 56–60.
60. Мулаева Н. М. Эмотивные глаголы в калмыцком героическом эпосе «Джангар» / Н. М. Мулаева // Oriental Studies. 2020. Т. 13, № 4. С. 1103–1120.
61. Мусуков Б. А. Лексико-семантические особенности звукоподражательных глаголов на -да- // -де- в карачаево-балкарском языке / Б. А. Мусуков // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. 2011. № 1. С. 67–76.
62. Николаева Н. Н. Способы выражения эмоций в героическом эпосе тюрко-монгольских народов Сибири (бурят и хакасов) / Н. Н. Николаева // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Абакан, 24–25 мая 2018 г.) / ответственный редактор Т. Г. Боргоякова. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2018. С. 227–229.
63. Николаева Н. Н. Эмоции в героическом эпосе бурят / Н. Н. Николаева // Найдаковские чтения — 4. Тюрко-монгольский мир. Гуманитарные исследования: сборник научных статей (Улан-Удэ, 14 июня 2018 г.) / Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; Бурятский научный центр СО РАН. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. С. 147–150.
64. Омакаева Э. У. О валентностной классификации калмыцкой глагольной лексики (к проблеме соотношения слова и синтаксемы) / Э. У. Омакаева // Научная мысль Кавказа. 2008. № 4(56). С. 109–114.
65. Онипенко Н. К. Семантика каузативных эмотивов и их функции в заголовках современных интернет-текстов / Н. К. Онипенко // Вестник

Московского государственного областного университета. Сер. Русская филология. 2020. № 5. С. 83–90.

66. Опыт организации психолингвистического эксперимента по восприятию и окказиональной вербализации неязыковых стимулов с эмотивной составляющей (на носителях русского и монгольского языков) / Е. Б. Трофимова, У. М. Трофимова, М. С. Власов [и др.] // *Studia Culturae*. 2013. № 18. С. 241–250.

67. Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию / М. М. Покровский; предисловие В. В. Виноградова; АН СССР; Отделение литературы и языка. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 382 с.

68. Попова З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2002. 448 с.

69. Представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков / Е. Р. Иоанесян, Н. К. Рябцева, М. Л. Ковшова [и др.]. Москва: Изд-во Ин-та языкознания РАН, 2020. 244 с.

70. Пюрбеев Г. Ц. Глагольная фразеология монгольских языков / Г. Ц. Пюрбеев. Москва: Наука, 1972. 208 с.

71. Рассадин В. И. Лексика калмыцкого языка сквозь призму тюрко-монгольской лингвистической общности / В. И. Рассадин, С. М. Трофимова // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2014. № 10–3. С. 36–45.

72. Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности / В. И. Рассадин; под редакцией А. В. Дыбо. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2019. 608 с.

73. Рассадин В. И. Очерки по морфологии и словообразованию монгольских языков / В. И. Рассадин; Федеральное агентство по образованию; Калмыцкий государственный университет; Научный центр монголоведных и алтаистических исследований. Элиста: Изд-во КГУ, 2008. 233 с.

74. Рассадин В. И. Очерки по морфологии и словообразованию монгольских языков / В. И. Рассадин; Министерство образования и науки Российской Федерации; Калмыцкий государственный университет; Научный

центр монголоведных и алтаистических исследований; ответственный редактор С. Л. Чареков. Изд. 2, испр. Элиста: Изд-во КГУ, 2011. 238 с.

75. Рассадин В. И. Проблемы исторического словообразования монгольских языков / В. И. Рассадин // Историко-сравнительное изучение монгольских языков. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. С. 120–131.

76. Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков: глагол / Г. Д. Санжеев. Москва: Изд-во вост. лит., 1963. 266 с.

77. Сидоренко А. С. Основные направления в исследовании сущности и объема категории эмотивности / А. С. Сидоренко // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки. 2013. № 10. С. 91–97.

78. Скрибник Е. К. Подлежащее в бурятских конструкциях каузации эмоций / Е. К. Скрибник, Н. Б. Даржаева // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1(49). С. 9–23.

79. Скрибник Е. К. Скрепя гэжэ в бурятских эмотивных конструкциях / Е. К. Скрибник // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 36–43.

80. Скрибник Е. К. Эмотивные конструкции в бурятском языке. Грамматические исследования по языкам Сибири / Е. К. Скрибник. Новосибирск: Наука, 1982. С. 83–90.

81. Султанова А. П. Системность лексики на примере лексико-семантической группы глаголов разрушения в русском языке / А. П. Султанова // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 5–2(64). С. 129–136.

82. Сундуева Е. В. Аффиксация образных слов в монгольском языке / Е. В. Сундуева // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 1(20). С. 91–94.

83. Сундуева Е. В. Вербализация страха в бурятском языке / Е. В. Сундуева // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 4. С. 131–142.

84. Сундуева Е. В. Звуки и образы: фоносемантическое исследование лексем с корневыми согласными [r/m] в монгольских языках / Е. В. Сундуева. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 344 с.

85. Сундуева Е. В. Интерпретация ощущения боли и чувства страха в монгольских языках (на примере односложных корней с дрожащим сонантом r) / Е. В. Сундуева // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 10. С. 132–136.

86. Сундуева Е. В. Лексическая экспликация значения ‘хитрость’ средствами корневого согласного l в монгольских языках / Е. В. Сундуева // Языки в полиэтническом государстве: развитие, планирование, прогнозирование: материалы международной конференции (Улан-Удэ — Горячинск, 1–4 июля 2019 г.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 61–64.

87. Сундуева Е. В. Манифестация грусти в монгольских языках / Е. В. Сундуева // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2022. № 4. С. 20–26.

88. Сундуева Е. В. Тени улыбки в монгольских языках / Е. В. Сундуева // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 6(416). С. 179–184.

89. Сусеева Д. А. Современный калмыцкий язык. Словообразование / Д. А. Сусеева; Министерство образования и науки Российской Федерации; Калмыцкий государственный университет. Элиста: Изд-во КГУ, 2013. 174 с.

90. Тагарова Т. Б. Виды экспрессивности в бурятской художественной речи (на материале фразеологических единиц) / Т. Б. Тагарова // Гуманитарный вектор. 2012. № 4(32). С. 218–223.

91. Тагарова Т. Б. К вопросу категории эмоциональности в бурятской фразеологии / Т. Б. Тагарова // Сибирский филологический журнал. 2011. № 2. С. 163–171.

92. Тагарова Т. Б. Отрицательно-оценочные фразеологические единицы как компонент этнического менталитета бурят / Т. Б. Тагарова //

Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2022. № 4. С. 27–33.

93. Тагарова Т. Б. Оценка человека в мировидении носителя бурятского языка (на материале фразеологии) / Т. Б. Тагарова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 3. С. 62–68.

94. Тагарова Т. Б. Фразеологизмы как элемент речевого поведения персонажей бурятской комедии / Т. Б. Тагарова // Языки и литературы монгольских народов: теория и практика: материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора, доктора филологических наук Ц.-Ж. Ц. Цыдыпова (Улан-Удэ, 24–25 октября 2019 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2020. С. 98–104.

95. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия; ответственный редактор А. А. Уфимцева; АН СССР; Институт языкознания. Москва: Наука, 1986. 143 с.

96. Тумээ Одончимэг. Восприятие и окказиональная вербализация эмотивных составляющих невербальных знаков носителями разносистемных языков: на материале русского и монгольского языков: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.19 / Одончимэг Тумээ. Бийск, 2012. 242 с.

97. Уафа Л. Э. Репрезентация эмотивности в современном англо- и русскоязычном политическом дискурсе: вербальные и невербальные способы: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 5.9.8 / Л. Э. Уафа. Краснодар, 2023. 158 с.

98. Уфимцева А. А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева. Москва: Наука, 1986. 240 с.

99. Харанутова Д. Ш. Словообразование бурятского языка / Д. Ш. Харанутова; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова. Изд. 2, доп. и перераб. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. 268 с.

100. Харчевникова Р. П. Интерпретация концепта «зовлн/горе» в калмыцкой паремии / Р. П. Харчевникова // Проблемы функционирования и развития языков в полилингвальном пространстве: материалы международной научно-практической конференции (Элиста, 9–11 ноября 2009 г.). Элиста: Изд-во КГУ, 2009. С. 30–35.

101. Харчевникова Р. П. Лингвокультурологический анализ концепта «печаль» в калмыцком языке / Р. П. Харчевникова, А. Б. Гонзикова // Сетевое востоковедение: культурные ценности Востока в орбите современных научных исследований: материалы международной научной конференции (Элиста, 17–18 декабря 2020 г.) / редколлегия Б. К. Салаев [и др.]. Элиста: Изд-во КГУ, 2020. С. 177–179.

102. Харчевникова Р. П. Структурно-семантическая интерпретация концепта «зовлн/ горе» (на материале калмыцкой и русской паремии) / Р. П. Харчевникова, Б. М. Мацакова // Проблемы функционирования и развития языков в полилингвальном пространстве: материалы II Международной научно-практической конференции (Элиста, 7–8 октября 2010 г.) / ответственный редактор П. Ц. Биткеев; Министерство образования и науки Российской Федерации; Калмыцкий государственный университет. Элиста: Изд-во КГУ, 2010. С. 34–48.

103. Харчевникова Р. П. Система глагола в современном калмыцком языке: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.16 / Р. П. Харчевникова. Элиста, 1995. 334 с.

104. Харчевникова Р. П. Лексико-семантическая объективация концепта «байр/радость» в калмыцком языке / Р. П. Харчевникова, Л. А. Лиджиева // Вестник Исык-Кульского университета. 2015. № 40–3. С. 77–88.

105. Цыбикова И. А. Типология семантического развития слов в монгольском и бурятском литературных языках: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.22 / И. А. Цыбикова. Улан-Удэ, 2003. 198 с.

106. Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении / Ц. Б. Цыдендамбаев. Москва: Наука, 1979. 148 с.
107. Цыдендамбаев Ц. Б. Изобразительные слова в монгольских языках / Ц. Б. Цыдендамбаев // XXV Международный конгресс востоковедов: доклад делегации СССР. Москва, 1960. С. 60–71.
108. Цыдыпов Ц.-Ж. Ц. Еще раз об аспектуальности / Ц.-Ж. Ц. Цыдыпов // Вопросы грамматики монгольских языков. Новосибирск, 1991. С. 63–77.
109. Цыренов Б. Д. Эмотивы со значением ‘злость, гнев’ в монгольских языках / Б. Д. Цыренов // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2022. № 2. С. 58–66.
110. Цыренов Б. Д. Особенности сочетания глагола баярлах ‘радоваться’ с лексическими и фразеологическими градуаторами в бурятском языке / Б. Д. Цыренов // Востоковедные чтения 2021. Сочетаемость языковых единиц и языковые модели. Памяти З. М. Шаляпиной (1946–2020): тезисы докладов межинститутской конференции (Москва, 14–15 апреля 2021 г.) / ответственный редактор А. С. Зверев, составитель С. Д. Малышева. Москва: Изд-во Ин-та востоковедения РАН, 2021. С. 35.
111. Цыренов Б. Д. Лексико-фразеологическое своеобразие выражения негативной эмотивности в монгольских языках (на примере бурятских глагольных фразеологизмов с семантикой «гневаться») / Б. Д. Цыренов // Российский лингвистический бюллетень. 2024. № 5(53). С. 1–5.
112. Чертыкова М. Д. Глаголы со значением психической деятельности в хакасском языке (системно-семантический аспект): диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.02 Языки народов Российской Федерации / М. Д. Чертыкова. Москва, 2016. 500 с.
113. Чертыкова М. Д. Глаголы со значением эмоции в хакасском языке: парадигматика и синтагматика / М. Д. Чертыкова. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2015. 160 с.

114. Чертыкова М. Д. Идеографический словарь синонимов хакасского, бурятского и хантыйского языков (языковая модель человека) / М. Д. Чертыкова, Б. Д. Цыренов, А. Д. Каксин; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2021. 204 с.
115. Чимитдоржиева Г. Н. Понятие счастье в лексике монгольских языков / Г. Н. Чимитдоржиева // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2023. № 1(42). С. 68–76.
116. Чимитдоржиева Г. Н. Реализация семы вдохновения в корневой морфеме *ur-* в монгольских языках / Г. Н. Чимитдоржиева // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 4. С. 60–73.
117. Чудинов А. П. Регулярная многозначность в глагольной лексике. / А. П. Чудинов; Свердловский государственный педагогический институт. Свердловск: Изд-во СГПИ, 1986. 80 с.
118. Шагдаров Л. Д. Изобразительные слова в современном бурятском языке / Л. Д. Шагдаров. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 150 с.
119. Шагдарова Д. Л. Лексико-фразеологическая система бурятского языка: сопоставительный аспект: на материале переводов и двуязычных словарей: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.22 / Д. Л. Шагдарова. Улан-Удэ, 2007. 56 с.
120. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. Изд. 2, испр. и доп. Москва: URSS, 2008. 206 с.
121. Шаховский В. И. Эмоции: долигвистика, лингвистика, лингвокультурология: монография / В. И. Шаховский. Москва: Либроком, 2010. 128 с.
122. Шаховский В. И. Обоснование лингвистической теории эмоций / В. И. Шаховский // Вопросы психолингвистики. 2019. № 1(39). С. 22–37.

123. Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелёв. Москва: Наука, 1973. 280 с.
124. Шмидт Я. И. Грамматика монгольского языка: перевод с немецкого / Я. И. Шмидт. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1832. 184 с.
125. Экман П. Психология эмоций / П. Экман; перевод с английского В. Кузина. Изд. 2. Москва [и др.]: Питер, 2014. 240 с.
126. Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева [и др.]; ответственный редактор Ю. Д. Апресян. Москва: Языки славянских культур, 2006. 912 с.

Литература на монгольском языке

127. Baljir T. The Meaning of Emotion Terms in Mongolian and English cultures / T. Baljir, D. Dorjsembe // Mongolian Journal of Humanities and Social Sciences. 2023. Т. 8, № 17. С. 39–45.
128. Bayansan J. Mongolian Concepts of the Soul / J. Bayansan, J. Bayansang // Mongolian Studies. 2005. Т. 27. С. 1–5.
129. Munkhbat B. Conceptual Metaphor in Mongolian and English Languages (Using the Examples of the Concept of Sadness) / B. Munkhbat // Mongolian Journal of Applied Linguistics. 2024. Т. 9, № 1. С. 105–121.
130. Sangidkhorloo B. Сэтгэл хөдлөл илэрхийлсэн үг хэллэг, тэдгээрийг орчуулах тухайд / B. Sangidkhorloo // Translation Studies. 2020. Т. 8, № 8. Х. 48–60.
131. Бат-Ирээдүй Ж. Монгол хэлний ойролцоо утгын тогтолцоог судлахуй / Ж. Бат-Ирээдүй // Acta mongolica. 2013. Т. 13, № 385. С. 81–92.
132. Бат-Ирээдүй Ж. Монгол хэлний адилтгал үг хэллэгийн хэлзүй, утгазүйн судалгааны асуудалд / Ж. Бат-Ирээдүй, Р. Алтансайхан // Acta Mongolica. 2012. Т. 12, № 383. С. 113–119.

133. Эрдэнэ-Очир Т. Монгол, англи хэлц нэгжийн үүсэн хэвших зарим онцлогоос: («Уур. Уурлах» концептын жишээгээр) / Т. Эрдэнэ-Очир // Acta Mongolica. 2012. Т. 12, № 383. С. 185–194.

Литература на английском языке

134. Boster J. S. Emotion Categories Across Languages / J. S. Boster // Handbook of Categorization in Cognitive Science. Amsterdam: Elsevier, 2005. P. 313–352.

135. Choijin Z. Anger Metaphors in English and Mongolian / Z. Choijin. 2021. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Anger-Metaphors-in-English-and-Mongolian-Choijin/05c59ccc4537b4873aa9a9f33c885576e23608c8>.

136. Choijin Z. Anger Metaphors in Mongolian and Korean / Z. Choijin // The Journal of Linguistic Science. 2018. Vol. 87. P. 499–523.

137. Choijin Z. Nomad's Perspectives: The Concept of Anger in the Secret History of Mongols / Z. Choijin // 몽골지역연구. 2024. Vol. 9, No. 1. P. 97–113. URL: <https://scholar.kyobobook.co.kr/article/detail/4010068923366>.

138. Choijin Z. The Metaphorical Conceptualization of Emotions in English and Mongolian / Z. Choijin // The Journal of Linguistics Science. 2013. Vol. 66. P. 301–322.

139. Choijin Z. The Metaphorical Conceptualization of Emotions in the Secret History of the Mongols / Z. Choijin // Acta Mongolica. 2014. Vol. 15, No. 411. P. 33–40. URL: <https://journal.num.edu.mn/actamongolica/article/view/5801>.

140. Ekman P. Basic Emotions / editors T. Dalgleish, M. Power // Handbook of Cognition and Emotion. Sussex, 1999. P. 45–60.

141. Ellsworth P. C. Appraisal theories of emotions / P. C. Ellsworth // Emotion theory: The Routledge comprehensive guide. History, contemporary theories, and key elements / editor A. Scarantino. 2025. P. 331–349.

142. Ellsworth P. C. Sense, Culture, and Sensibility / P. C. Ellsworth // Emotion and Culture: Empirical Studies of Mutual Influence / editors S. Kitayama, H. Markus. Washington DC: American Psychological Association, 1994. P. 23–50. URL: <http://emotionresearcher.com/wp-content/uploads/2015/08/Sense-Culture-and-Sensibility.pdf>.
143. Kövecses Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling / Z. Kövecses. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 224 p.
144. Lakoff G. M. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
145. Lutz C. Emotion, Thought, and Estrangement: Emotion as a Cultural Category / C. Lutz // Cultural Anthropology. 1986. Vol. 1, No. 3. P. 287–309. URL: <http://www.jstor.org/stable/656193>.
146. Mesquita B. Cultural Differences in Emotions: A Context for Interpreting Emotional Experiences / B. Mesquita, R. Walker // Behavior Research and Therapy. 2003. Vol. 41, No. 7. P. 777–793.
147. Payne W. L. A Study of Emotion: Developing Emotional Intelligence; Self-integration; Relating to Fear, Pain and Desire / W. L. Payne. 2015. URL: <https://geocities.ws/waynepayne>.
148. Rosaldo R. Grief and a Headhunter's Rage on the Cultural Force of Emotions / R. Rosaldo // The Emotions. London: Routledge, 2024. P. 219–227. URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9781003579557-20/grief-headhunter-rage-cultural-force-emotions-renato-rosaldo>.
149. Russell J. A. Culture and the Categorization of Emotions / J. A. Russell // Psychological Bulletin. 1991. Vol. 110, No. 3. P. 426–450
150. Wierzbicka A. Defining Emotion Concepts / A. Wierzbicka / Cognitive Science. 1992. Vol. 16, No. 4. P. 539–581.
151. Wierzbicka A. Emotion, Language, and Cultural Scripts / A. Wierzbicka // Emotion and Culture: Empirical Studies of Mutual Influence / editors S. Kitayama, H. R. Markus. Washington DC: American Psychological Association, 1994. P. 133–196.

152. Wierzbicka A. Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals / A. Wierzbicka. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 350 p.

Словари и справочники

153. Большой академический монгольско-русский словарь = Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь: около 70 000 слов: в 4 томах. Т. I. А–Г / Институт языка и литературы АН Монголии; Институт языкознания РАН; Ё. Баярсайхан [и др.]; под общей редакцией А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамба; ответственный редактор Г. Ц. Пюрбеев. Москва: Academia, 2001. 486 с.

154. Большой академический монгольско-русский словарь = Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь: около 70 000 слов: в 4 томах. Т. II. Д–О / Институт языка и литературы АН Монголии; Институт языкознания РАН; Ё. Баярсайхан [и др.]; под общей редакцией А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамба; ответственный редактор Г. Ц. Пюрбеев. Москва: Academia, 2001. 508 с.

155. Большой академический монгольско-русский словарь = Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь: около 70 000 слов: в 4 томах. Т. III. Ё–Ф / Институт языка и литературы АН Монголии; Институт языкознания РАН; Ё. Баярсайхан [и др.]; под общей редакцией А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамба; ответственный редактор Г. Ц. Пюрбеев. Москва: Academia, 2001. 438 с.

156. Большой академический монгольско-русский словарь = Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь: около 70 000 слов: в 4 томах. Т. IV. Х–Я / Институт языка и литературы АН Монголии; Институт языкознания РАН; Ё. Баярсайхан [и др.]; под общей редакцией А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамба; ответственный редактор Г. Ц. Пюрбеев. Москва: Academia, 2002. 506 с.

157. Большой толковый словарь русских глаголов: свыше 10 000 глаголов. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские

эквиваленты / авторы-составители Л. Г. Бабенко [и др.]; под общей редакцией Л. Г. Бабенко. Москва: АСТ-ПРЕСС, 2007. 574 с.

158. Буряад хэлэнэй тайлбари толи = Толковый словарь бурятского языка: в 4 томах. Т. I. А–Д / Е. В. Сундуева, Ц. Ц. Бальжинимаева, С. Д. Бабуев [и др.]. Улан-Батор: Нандир, 2022. 720 с.

159. Буряад хэлэнэй тайлбари толи = Толковый словарь бурятского языка: в 4 томах. Т. I. Е–Р / Е. В. Сундуева, Ц. Ц. Бальжинимаева, С. Д. Бабуев [и др.]. Улан-Батор: Нандир, 2023. 690 с.

160. Буряад хэлэнэй тайлбари толи = Толковый словарь бурятского языка: в 4 томах. Т. I. С–Ф / Е. В. Сундуева, Ц. Ц. Бальжинимаева, С. Д. Бабуев [и др.]. Улан-Батор: Нандир, 2024. 828 с.

161. Буряад хэлэнэй тобшо тайлбари толи = Краткий толковый словарь бурятского языка: учебное издание / научный редактор А. Н. Содномов. Улан-Удэ: Буряадай номой хэблэл, 1992. 176 с.

162. Голстунский К. Ф. Дополнения к монгольско-русскому словарю / К. Ф. Голстунский. Санкт-Петербург, 1896. 92 с.

163. Голстунский К. Ф. Монголо-русский словарь: в 3 томах / К. Л. Голстунский. Санкт-Петербург, 1895. Т. I. 268 с.

164. Голстунский К. Ф. Монголо-русский словарь: в 3 томах / К. Ф. Голстунский. Санкт-Петербург, 1894. Т. II. 462 с.

165. Голстунский К. Ф. Монголо-русский словарь: в 3 томах / К. Ф. Голстунский. Санкт-Петербург, 1893. Т. III. 491 с.

166. Дугаров Н. Б. Адлирхуу удхатай үгэнүүдэй хуряангы толи / Н. Б. Дугаров. Улан-Удэ: Бэлиг, 1995. 56 с.

167. Калмыцко-русский словарь / под редакцией Б. Д. Муниева. Москва: Русский язык. 1977. 768 с.

168. Ковалевский О. М. Монголо-русско-французский словарь: в 3 томах / О. М. Ковалевский. Казань, 1844. Т. I. С. 1–594.

169. Ковалевский О. М. Монголо-русско-французский словарь: в 3 томах / О. М. Ковалевский. Казань, 1846. Т. II. С. 595–1545.

170. Ковалевский О. М. Монголо-русско-французский словарь: в 3 томах / О. М. Ковалевский. Казань, 1849. Т. III. С. 1546–2690.
171. Манджикова Б. Б. Хальмг келнэтээлвр толь = Толковый словарь калмыцкого языка: пособие для учащихся / Б. Б. Манджикова; ответственный редактор Н. Н. Убушаев. Элиста: Джангар, 2002. 176 с.
172. Монгол хэлний их тайлбар толь. URL: <https://mongoltoli.mn/dictionary>.
173. Норжин Ц. Монгол хэлний толь / Ц. Норжин. Хух-Хото: Өвөр Монголын ардын хэвлэлийн хороо, 1997. 3142 с.
174. Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. На калмыцком и русском языках: справочное издание в 2 томах. Т. 1. А–Н / Г. Ц. Пюрбеев. Элиста: Калмыкия, 2022. 574 с.
175. Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. На калмыцком и русском языках: справочное издание в 2 томах. Т. 2. О–Я / Г. Ц. Пюрбеев. Элиста: Калмыкия, 2022. 590 с.
176. Пюрбеев Г. Ц. Краткий калмыцко-русский словарь глагольных фразеологизмов / Г. Ц. Пюрбеев. Москва, 1971. 60 с.
177. Русско-калмыцкий словарь: около 32 000 слов / под редакцией И. К. Илишкина; Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Москва: Советская энциклопедия, 1964. 804 с.
178. Санжина Д. Д. Бурятский язык: стилистический аспект лексической синонимии: словарь-справочник / Д. Д. Санжина; Федеральное агентство по образованию; Бурятский государственный университет. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. 156 с.
179. Сусеева Д. А. Словообразовательный словарь калмыцкого языка / Д. А. Сусеева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 244 с.
180. Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна = Шинжэнэ өөрд келнэ толь (по версиям песен «Джангара» и полевым записям автора) / Б. Х. Тодаева; ответственный редактор Г. Ц. Пюрбеев; РАН; Калмыцкий институт гуманитарных исследований. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 494 с.

181. Фразеологический словарь бурятского языка / М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования "Иркутский гос. ун-т", Фак. филологии и журналистики ; сост. Т. Б. Тагарова. - Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. - 565 с.

182. Чертыкова М. Д. Идеографический словарь синонимов хакасского, бурятского и хантыйского языков (языковая модель человека) / М. Д. Чертыкова, Б. Д. Цыренов, А. Д. Каксин. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2021. 204 с.

183. Шагдаров Л. Д. Бурятско-русский словарь = Буряад-ород толи: 30 000 слов: в 2 томах. Т. 1. А–Н / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. 636 с.

184. Шагдаров Л. Д. Бурятско-русский словарь = Буряад-ород толи: 30 000 слов: в 2 томах. Т. 2. О–Я / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. 708 с.

185. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 томах. Т. 1. А–Е / Институт востоковедения РАН; Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина. Москва: Изд-во ИВ РАН, 2015. 224 с.

186. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 томах. Т. 2. G–P / Институт востоковедения РАН; Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина. Москва: Изд-во ИВ РАН, 2016. 232 с.

187. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 томах. Т. 3. Q–Z / Институт востоковедения РАН; Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина. Москва: Изд-во ИВ РАН, 2018. 240 с.

Корпусы языков

1. Бурятский национальный корпус. URL: <http://webcorpora.net/BuryatCorpus/search>.
2. Монгольский национальный корпус. URL: <http://webcorpora.net/MongolianCorpus>.
3. Национальный корпус калмыцкого языка. URL: <http://kalmcorpora.ru>.

Список сокращений

БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь

БРС – Бурятско-русский словарь

БТСРГ - Большой толковый словарь русских глаголов

Бур. – бурятский язык

Высок. – высокий стиль

Досл. – дословное значение

ИЭ 1 – идентификатор эмотивности первой степени

ИЭ 2 – идентификатор эмотивности второй степени

Калм. – калмыцкий язык

ККРСГФ – Краткий калмыцко-русский словарь глагольных фразеологизмов

Книжн. – книжный стиль

КРС – Калмыцко-русский словарь

Монг. – монгольский язык

Монг. (бур.диал.) – бурятский диалект монгольского языка

МХИТТ – Большой толковый словарь монгольского языка

Нейтр. – нейтральный стиль

Ойр. – язык ойратов Синьцзяна

Перен. – переносное значение

РКС - Русско-калмыцкий словарь

Спм. – старописьменный монгольский язык

СР – синонимический ряд

СЯОС - Словарь языка ойратов Синьцзяна

ТСБЯ – Толковый словарь бурятского языка

ТСКЯ – Толковый словарь калмыцкого языка

ФСБЯ - Фразеологический словарь бурятского языка

ФСГ – функционально-семантическая группа

ЭКБЯ – Электронный корпус бурятского языка

ЭККЯ – Электронный корпус калмыцкого языка

ЭКМЯ – Электронный корпус монгольского языка

ЭСМЯ – Этимологический словарь монгольских языков

Список информантов

Цыбенжапова Ирина Баировна, 1981, с. Оронгой, Иволгинского района
РБ

Гунгаагай Дамбинима, 1977, род бодонгууд, г. Хулун-Буир АРВМ КНР

Приложение 1.

Эмотивные глаголы в монгольских языках

Глаголы со значением ‘бояться’ в монгольских языках			
Старописьменный монгольский язык	Бурятский язык	Монгольский язык	Калмыцкий язык
стпм. <i>ayiqi</i> ‘бояться, страшиться’ [Голстунский 1, 1895: 1]	бур. <i>айха</i> ‘бояться, пугаться, страшиться, ужасаться’ [БРС 1, 2010: 45]	монг. <i>айх</i> ‘бояться, пугаться, страшиться, опасаться, трусить, робеть, побаиваться, трепетать; испытывать страх, чувство страха; становиться страшно’ [БАМРС 1, 2001: 201]	калм. <i>аах</i> ‘бояться, трусить, робеть пугаться’ [ТСКЯ 1, 2022: 69]
стпм. <i>sügüdekü</i> ‘преклонить колено, стать на колено’ [Голстунский 2, 1894: 363])	бур. <i>һүгэдэхэ</i> ‘бояться, пугаться’ [БРС 2, 2010: 572]		
		монг. <i>жийрхэмийх</i> ‘бояться, страшиться кого-либо’ [БАМРС 1, 2001: 302]	
стпм. <i>gurbiku</i> ‘бояться, трусить’ [Голстунский 3, 1893: 494]			
		монг. <i>балмагдах</i> ‘ужасаться, прийти в ужас, страшно испугаться (от внезапности)’ [БАМРС 1, 2001: 377]	
стпм. <i>bolūmtjilaqi</i> ‘быть осторожным, осмотрительным, остерегаться, побаиваться, быть внимательным’ [Голстунский 2, 1894: 254]//	бур. <i>(айжа) болгоомжлохо</i> ‘быть осмотрительным, вести себя осторожно’ [БРС 1, 2010: 135]	монг. <i>(айн) болгоомжлох</i> ‘быть осторожным, осмотрительным; оберегаться, опасаться,	калм. <i>болһамжлх</i> ‘быть осмотрительным, вести себя осторожно’ [КРС, 1977: 105]

		остерегаться’ [МХИТТ]	калм. <i>боллах</i> ‘быть осмотрительным , быть осторожным, быть внимательным’ [ТСКЯ 1, 2022: 128]
стпм. <i>jigkikii</i> ‘чувствовать отвращение, гнушаться, раздумывать, постоянно думать от страха, боязни’ [Голстунский 2, 1894: 365]	бур. <i>жэыхэ</i> ‘опасаться, бояться’ [БРС 1, 2010: 366]	монг. (бур.диал) <i>жихийх</i> ‘опасаться, бояться’ [МХИТТ]	
стпм. <i>jirukesekii</i> ‘бояться, робеть’ [Голстунский 2, 1894: 368]	бур. <i>зүрхэсэхэ</i> ‘робеть, не решаться, внутренне колебаться’ [БРС 1, 2010: 417]	монг. <i>зүрхийх</i> ‘робеть, не решаться, трусить, бояться’ [БАМРС 1, 2001: 393]	
стпм. <i>emiyeekii</i> ‘бояться, робеть, трусить, побаиваться, оберегаться, остерегаться, опасаться, обнаруживать испуг, тревогу; отлынивать от дела’ [Голстунский 1, 1895: 91]	монг. <i>эмээх</i> , имеющий значение ‘страшиться, бояться, побаиваться’ [БАМРС 4, 2002: 1699]		
стпм. <i>berkesiyekii</i> ‘затрудняться, приходить в затруднение, находиться в затруднении, совеститься’ [Голстунский 2, 1894: 226]/ /	бур. <i>бэрхэиээхэ</i> ‘бояться трудностей, отступать перед трудностями’ [БРС 1, 2010: 175]	монг. <i>бэрхиээх</i> ‘1) затрудняться, испытывать затруднение; считать что-либо трудным; 2) бояться трудностей; отчаиваться’ [БАМРС 1, 2011: 460]	

стпм. <i>qalaširaqu</i> ‘бояться, робеть, сокрушаться сердцем, соболезновать, мучиться (внутренне)’ [Голстунский 2, 1894: 79]		монг. <i>халирах</i> ‘не решаться приступить к кому-чему-либо; пасовать; робеть; не осмеливаться; бояться [БАМРС 4, 2002: 1242]	калм. <i>хальшрх</i> ‘не решаться сделать что- либо, пасовать’ [КРС, 1977: 573]
стпм. <i>sintaraqu</i> ‘сокрушаться, уничтожаться, терять дух, робеть, сокрушаться, скорбеть, печалиться, утихать, успокаиваться (в гневе)’ [Голстунский 2, 1894: 377]		монг. <i>шантрах</i> ‘1) ломаться, разрушаться; уничтожаться; 2) теряться, робеть, бояться; 3) рассеиваться, разбегаться; 4) расстраиваться; разочаровываться, сокрушаться; печалиться; 5) утихать, успокаиваться (о гневе)’ [БАМРС 4, 2002: 1611]	калм. <i>шантрх</i> ‘1. затупить, притупить 2. перен. пасть духом, деморализоваться’ [ТСКЯ 2, 2022: 473]
стпм. <i>sejiglekü</i> ‘сомневаться, недоумевать, подозревать, не доверять’ [Голстунский 2, 1894: 328]/	бур. <i>хэжэглэхэ</i> ‘1) сомневаться, подозревать; 2) остерегаться; опасаться’ [БРС 2, 2010: 583]	монг. <i>сэжиглэх</i> 1) сомневаться, подозревать; относиться недоверчиво; 2) быть мнительным; 3) брезгать [БАМРС 3, 2001: 872]	калм. <i>сежсглх</i> ‘проявлять мнительность, остерегаться’ [КРС, 1977: 448]
стпм. <i>saylaqu</i> (с пометой калм.) ‘быть осмотрительным, бдительным, остерегаться’ [Голстунский 2, 1894: 311]			калм. <i>саглх</i> ‘остерегаться’ [КРС, 1977: 435]
стпм. <i>sürdekü</i> значение [Голстунский 2, 1894: 365]	бур. <i>хүрдэхэ</i> ‘робеть, бояться, приходит в трепет’ [БРС 2, 2010: 576]	монг. <i>сүрдэх</i> ‘бояться, пугаться, трепетать, робеть, труситься’ [БАМРС 3, 2001: 861]	калм. <i>сүрдэх</i> ‘труситься, робеть, пугаться, бояться’ [КРС, 1977: 465]

стпм. <i>kitükü/kituqu</i> ‘бояться, робеть, опасаться, остерегаться’ [Голстунский 3, 1893: 433]/	бур. <i>хитэхэ</i> ‘стесняться, тушеваться, смущаться; дичиться; робеть, побаиваться’ [БРС 2, 2010: 428]	монг. <i>хитэх</i> (бур. диал) ‘побаиваться, робеть’ [МХИТТ]	
стпм. <i>yalira-</i> ‘уклоняться, удаляться, избегать дела, бояться (дела)’ [Голстунский 2, 1894: 167]		монг. <i>гальхрах</i> ‘робеть; побаиваться’ [БАМРС 1, 2001: 523]	
стпм. <i>gelmekü</i> ‘вдруг испугаться, перепугаться’ [Голстунский 3, 1893: 413]		монг. <i>гэлмэх</i> ‘внезапно испугаться’ [БАМРС 1, 2001: 650]	
		монг. <i>хирдхийх</i> ‘быть пораженным ужасом, страхом, вздрагивать (от испуга), трепетать’ [БАМРС 4, 2002:1308]	
		монг. <i>эрвэсхийх</i> /монг. <i>эрвэс хийх</i> ‘в испуге посмотреть и вздрогнуть (о лошади)’ [БАМРС 4, 2002: 1707]	
		монг. <i>сэрдхийх</i> ‘вздрогнуть, замереть’ [БАМРС 3, 2001: 880]	
стпм. <i>šoŋiŋi</i> ‘вздрагивать (от внезапного испуга), содрогаться, пугаться (вдруг)’ [Голстунский 3, 1893: 198]	бур. <i>сошохо</i> ‘пугаться, вздрагивать’ [БРС 2, 2010: 185]	монг. <i>цочих</i> ‘вздрагивать от испуга, пугаться; встревожиться’ [БАМРС 4, 2002: 1522]	калм. <i>чочх</i> ‘вздрагивать, встрепенуться (от внезапного испуга)’ [КРС, 1977: 656]
стпм. <i>šešerekü</i> ‘дрожать, трястись, трепетать (от страха, холода)’ [Голстунский 3, 1893: 262]	бур. <i>шэшэрхэ</i> ‘дрожать, трястись’ [БРС 2, 2010: 643]	монг. <i>чичрэх</i> ‘трепетать, дрожать, содрогаться, трястись; бросать в дрожь, лихорадить; вибрировать’	калм. <i>чичрх</i> ‘дрожать, трястись (от страха, холода)’ [ТСКЯ 2, 2022: 456]

		[БАМРС 4, 2002: 1585]	
стпм. <i>gelmegeljekii</i> ‘пугаться, вздрагивать от испуга, плакать от испуга (о детях во сне)’ [Голстунский 3, 1893: 413]		монг. <i>гэлмэгэлзэх</i> (общий корень с монг.гэлмэх - описан выше) ‘вздрагивать от испуга, пугаться, плакать от страха (о детях во сне)’ [БАМРС 1, 2001: 655]	
стпм. <i>tügsikü</i> ‘трепетать, дрожать, замирать, сжиматься (о сердце от страха)’ [Голстунский 3, 1893: 184]	бур. <i>түгшэхэ</i> ‘задыхаться; запыхаться’ [БРС 2, 2010: 244], но бур. <i>түгшэхэ түлгэхэ</i> ‘тревожиться, бояться’	монг. <i>түгших</i> ‘1) трепетать, биться, дрожать, замирать, зажиматься (о сердце); 2) перен. беспокоиться, тревожиться; бояться’ [БАМРС 3, 2001: 1004]	
	бур. <i>дагжарха</i> ‘дрожать, трепетать (от страха)’ [БРС 1, 2010: 250] /	монг. <i>дагжих</i> ‘дрожать от страха’ [БАМРС 1, 2001: 678]/	калм. <i>дагжих</i> ‘дрожать, трястись’ [КРС, 1977: 177]
			калм. <i>дагжх</i> ‘дрожать, трястись (от страха)’ [ТСКЯ, 2022: 227])
стпм. <i>bembegene-</i> , стпм. <i>bembelje-</i> , стпм. <i>bembeyi-</i>		монг. <i>бэмбэгэнэх</i> ‘дрожать, трепетать (от страха)’ [БАМРС 1, 2001: 459]	
		Монг. <i>гилбэгнэх</i> ‘дрожать, трястись, трепетать от страха’ [БАМРС 1, 2001: 559]	

		бур. <i>зэбэрхэ</i> ‘испытывать чувство страха; внутренне содрогаться’ [БРС 1, 2010: 711]	
стпм. <i>sirbegekii</i> ‘чувствовать нестерпимую боль от прикосновения, не знать куда деваться от стыда, робеть от стыда (при встрече с человеком которому сделал что-либо дурное) [Голстунский 2, 1894: 412]’, восходящий к <i>sirbegedel</i> ‘ощущение холода или страха, дрожь, взъерошенные волосы’ [Голстунский 2, 1894: 412]		монг. <i>ширвээдэх</i> ‘побаиваться; быть в загоне, дрожать (от страха, холода) [БАМРС 4, 2002: 1637]	
стпм. <i>qaluriqu</i> ‘уклоняться, уходить, отступать, разбегаться в стороны’ [Голстунский 2, 1894: 81]		монг. <i>халирах</i> ‘трусить, в страхе отступать, отходить, обращаться в бегство шарахаться в сторону’ [БАМРС 4, 2002: 1237]	
бур. <i>добихо</i> ‘пугаться, вздрагивать, избегать’ [БРС 1, 2010: 284]		монг. <i>дових</i> ‘бояться, пугаться, избегать’ (диал., монг. бур) [МХИТТ]	
стпм. <i>ürgükü</i> ‘спугивать, поднимать криками (зверя в берлоге), пугаться’ [Голстунский 1, 1895: 26]	бур. <i>үргэхэ</i> ‘испугаться, шарахнуться (о животных)’ [БРС 2, 2010: 349]	монг. <i>үргэх</i> ‘пугаться, шарахаться, вскакивать, дичиться, бросаться в сторону (о животных)’ [БАМРС 3, 2001: 1186]	калм. <i>үргх</i> ‘пугаться, шарахаться, бросаться в сторону (о животных)’ [ТСКЯ 2, 2022: 282]

стпм. <i>qalusqu</i> ‘отходить прочь, отступать, удаляться, убегать от страха, пугаться, робеть, улететь от испуга (о птицах)’ [Голстунский 2, 1894: 81]		монг. <i>халсах</i> ‘отходить, отступать; убегать, удаляться; отстраняться, пугаться’ [БАМРС 4, 200: 1238]	
стпм. <i>jigsikiü</i> ‘чувствовать омерзение, отвращение, гнушаться, презирать’ [Голстунский 3, 1893: 364]	бур. <i>жэгшэхэ</i> ‘1) пугаться, становится пугливой (о лошади) 2) чувствовать отвращение, гнушаться’ [БРС 1, 2010: 362]	монг. <i>жигших</i> ‘гнушаться, пренебрегать, брезговать; питать, испытывать, чувствовать отвращение; становиться пугливым; испугаться, перепугаться’ (из- за неправильного ухода о скоте) [БАМРС 1, 2001: 298]	калм. <i>жигших</i> ‘чувствовать отвращение, омерзение; испугаться, отшатнуться, отпрянуть’ [КРС, 1977: 226]
стмп. <i>čerbekü</i> ‘поднимать руки и ноги кверху (в пляске); отмахиваться, обороняться’ [Голстунский 3: 264]		монг. <i>цэрвэх</i> ‘отпрыгивать, отскакивать (в испуге), отдёргивать (руку); удаляться, отдаляться’ [БАМРС 4, 2002: 1551]	
стпм. <i>kiruqu</i> ‘делаться безмолвным, примолкать, притихать, притаиваться, столбенеть, цепенеть (от сильного страха и испуга)’ [Голстунский 3, 1893: 443]		монг. <i>хярах</i> ‘прятаться (напр. о зверях); приникнуть; прижаться к земле; притаиться, притихнуть, замирать (от сильного страха)’ [БАМРС 4, 2002: 1486]	
стпм. <i>qulma-yi-</i>	бур. <i>хулмайха</i> ‘прижимать уши в страхе или от злости (о животных)’ [БРС 2, 2010: 465]	монг. <i>хулмайх</i> ‘прижать уши, стараясь укусить (о лошади), испуганно озираться’	калм. <i>хулма-</i> быть робким, боязливым, бросать украдкой робкий взгляд [ЭСМЯ 3, 2018: 67]

		[БАМРС 4, 2002: 1400]	
	бур. <i>зээрэгшэхэ</i> ‘быть пугливым’ (главным образом о молодняке домашних животных) [БРС 1, 2010: 426]	монг. <i>зэрлэгших</i> ‘дичать, одичать, становится диким’ [БАМРС 1, 2001: 401]	калм. <i>зеерглх</i> ‘быть нелюдимым, становится пугливым’ [КРС, 1977: 248]
		монг. <i>хулчийх</i> ‘бледнеть, побледнеть (от страха); 2) разг. трусить, робеть’ [БАМРС 4, 2002: 1401]	
		монг. <i>хэлмэх</i> ‘взволноваться от испуга’ [МХИТТ];	
	бур. <i>тэихэхэ</i> ‘суетиться, быть в панике’ (о скоте при виде волка) [БРС 2 2010: 281]	монг. <i>тэсгэх</i> ‘паниковать’ с пометой бур. в МХИТТ	
стпм. <i>sortu-</i> [ЭСМЯ 3, 2018: 124]	бур. <i>хортогонохо</i> ‘пугаться, переполошиться’ [БРС 2, 2010: 562] бур. <i>хортойхо</i> ‘испуганно смотреть на что-л.’; настораживаться [БРС 2, 2010: 562] бур. <i>хортолзохо</i> ‘вести себя задиристо; двигать острыми ушами, настораживаться (о животных)’ [БРС 2, 2010: 562]	монг. <i>сорттойх</i> ‘настораживаться’ [БАМРС 3, 2001: 830] монг. <i>сортлозох</i> ‘двигать острыми ушами, настораживаться (о животных)’ [БАМРС 3, 2001: 830]	
стпм. <i>baytara-</i> [ЭСМЯ 1, 2015: 69] (от стпм. <i>baytu</i> ‘удушье, кашель с хрипотой в груди’ [Голстунский 2, 1894: 196])	бур. <i>багтарха</i> зап. 1) коченеть от холода; 2) цепенеть от страха [БРС 1, 2010: 101]		

			калм. <i>ормлэх</i> ‘испуганно глядеть, таращить глаза от страха’ [ТСКЯ 2, 2022: 26]
Глаголы со значением ‘стыдиться’ в монгольских языках			
стпм. <i>ičekii</i> [Голстунский 1, 1895: 137] ‘стыдиться’	бур. <i>эшэхэ</i> ‘стыдиться’ [БРС 2, 2010: 684]	монг. <i>ичих</i> ‘стыдиться, конфузиться; стесняться, совеститься’ [БАМРС 2, 2001: 441]	калм. <i>ичх</i> ‘стыдиться’ [КРС, 1977: 275]
	бур. <i>гайхаха</i> ‘стесняться, совеститься’ [БРС 1, 2010: 189]		
стпм. <i>kituqi</i> ‘бояться, пугаться, робеть, опасаться, остерегаться’ [Голстунский 3, 1893: 433]	бур. <i>хитэхэ</i> ‘стесняться, тушеваться, смущаться; дичиться; робеть, побаиваться’ [БРС 2, 2010: 428]		
	бур. <i>хирүүтэхэ/</i> <i>хирүүдэхэ</i> ‘стесняться, конфузиться; робеть’ [БРС 2, 2010: 426]		
	бур. <i>ербэдэхэ</i> ‘чуждаться, не идти к кому-л. (о ребёнке)’		
Стпм. <i>berilekü</i> ‘быть застенчивым, конфузиться, стыдиться (о женщинах)’ [Голстунский 2, 1894: 225]/		монг. <i>бэрлэх</i> ‘быть застенчивым, стыдиться, конфузиться’ [БАМРС 1, 2001: 460]/монг. <i>бэргэх</i> ‘стесняться, робеть’ [БАМРС 1, 2001: 460]	калм. <i>бермэх</i> ‘стесняться’ [КРС, 1977: 96]
	бур. <i>бэшүүрхэхэ</i> ‘чуждаться; чураться; дичиться (о детях)’ [БРС 1, 2010: 175]	монг. <i>бишүүрхэх</i> ‘дичиться, чуждаться (о ребёнке), стесняться, глядеть букой (о	калм. <i>бишрхх</i> ‘держаться отчужденно’ [ТСКЯ 1, 2022: 123]

		детях по отношению к незнакомому человеку)’ [БАМРС 1, 2001: 401]	
	бур. <i>хэмшээрхэхэ</i> ‘конфузиться, совеститься’ [БРС 2, 2010: 520]		
	бур. <i>аягүйрхэхэ</i> [БРС 1, 2010: 96]	монг. <i>аягүйрхэх</i> ‘смущаться, конфузиться, испытывать неловкость, приходить в замешательство, смущение, стесняться, робеть’ [БАМРС 1, 2001: 351]	
	бур. <i>зохидгүйшөөхэ</i> ‘считать неподходящим (или неудобным, неприличным)’ [БРС 1, 2010: 404]		
		монг. <i>нэрэлхэх</i> (‘стесняться есть в гостях; церемониться’) [БАМРС 2, 2001: 623]	
			калм. <i>эмэх</i> ‘стесняться, смущаться, быть скромным’ [КРС, 1977: 698]
			калм. <i>цемцэх</i> ‘стесняться, чувствовать стеснение’ [ТСКЯ 2, 2022: 418]
		монг. <i>эвгүйрхэх</i> ‘1) чувствовать себя плохо; недомогать; 2) стесняться; совеститься’	

		[БАМРС 4, 2002: 1671]	
стпм. <i>balačiqu</i> 'стыдить, срамить, чернить' [Голстунский 2, 1894: 204]		монг. <i>балчих</i> 'стыдить, смущать' [БАМРС 1, 2001: 378]	
	бур. <i>аягуйшөөхэ</i> 1) относиться с неодобрением; 2) смущаться, стесняться, сконфузиться; совеститься, чувствовать себя не по себе, испытывать неловкость [БРС 1, 2010: 96]		
			калм. <i>баирдх</i> 'чувствовать себя неловко, смущаться, стесняться' [ТСКЯ, 2022: 102]/
	бур. <i>улагашаха</i> 1) мерцать (о чём-либо красном); 2) то и дело выглядывать из-за чего-либо; 3) краснеть (от смущения); смущаться [БРС 2, 2010: 294]		калм. <i>улах</i> перен. 'краснеть, стыдиться' [КРС, 1977: 531]
стпм. <i>teyikeiekii</i> 'устыдиться, покраснеть от стыда' [Голстунский 3, 1893: 213]		монг. <i>мэхийрэх</i> 1) стыдиться, становиться застенчивым, робеть, стесняться; 2) хитрить, прибегать к уловкам [БАМРС 3, 2001: 542]/ не обнаружено	
Глаголы со значением 'радоваться' в монгольских языках			

		монг. <i>баийх</i> (простореч.) 'радоваться'/не обнаружено/не обнаружено [МХИТТ].	
	бур. <i>хөөрэхэ</i> , имеющее переносное значение 'быть в приподнятом настроении, быть в возбуждении' (особенно после приёма горячительных напитков) [БРС 2, 2010: 456]	монг. <i>хөөрөх</i> '1) возбуждаться, быть в возбуждении; горячиться; пьянеть; 2) чрезвычайно радоваться, веселиться, ликовать, разгуляться' [БАМРС 4, 2002: 1375]	калм. <i>көөрх</i> '1) хвалиться, хвастаться, бахваливаться 2) быть в радостном настроении' [КРС, 1977: 318]
			калм. <i>байрхх</i> сохраняет значение радости '1) радоваться, веселиться 2) перен. бодриться, не унывать' [ТСКЯ, 2022: 90]
	бур. <i>хүглэхэ</i> 'радоваться чему-либо' [БРС 2, 2010: 480]		
	бур. <i>маһайха</i> 'расплываться в улыбке, улыбаться во весь рот, радоваться; перен. быть простофилей (или растяпой)' [БРС 1, 2010: 545] бур. <i>маһалзаха</i> 'принимать глупо радостный вид' [БРС 1, 2010: 545]	монг. <i>маасайх</i> (разг.) 'расплываться в улыбке, улыбаться, радоваться' [БАМРС 2, 2001: 463] монг. <i>маасгардах</i> 'блаженно улыбаться' [БАМРС 2, 2001: 464]	

стпм. <i>baqaraqū</i> ‘чувствовать удовольствие, нравиться, иметь склонность, пристрастие, зариться’ [Голстунский 2, 1894: 196]	бур. <i>бахархаха</i> ‘1) быть довольным, восторгаться чем-л.; 2) быть в хорошем настроении; 3) гордиться чем-л.’ [БРС 1, 2010: 123]	монг. <i>бахрах</i> ‘приятно восторгаться, быть в восторге, восхищаться; радоваться; чувствовать, находить удовольствие, любоваться’ [МХИТТ]	
стпм. <i>baqatuqu</i> ‘находить удовольствие, нравиться, быть по сердцу, по мысли, желать, зариться’ [Голстунский 2, 1894: 196]	бур. <i>бахатаха</i> ‘1) сильно желать, гореть желанием 2) восхищаться, интересоваться, находить удовольствие в чем-либо’ [БРС 1, 2010: 123]	монг. <i>бахдах</i> ‘1) восторгаться, быть в восторге, восхищаться; радоваться; чувствовать, находить удовольствие, любоваться; 2) гордиться’ [БАМРС 1, 2001: 390]	калм. <i>бахтх</i> ‘восторгаться, восхищаться, получать удовольствие’ [КРС, 1977: 86]
стпм. <i>bayarlaqu</i> ‘радоваться, веселиться’ [Голстунский 2, 1894: 209]	бур. <i>баярлах</i> ‘радоваться, веселиться, приходить в восторг’ [БРС 1, 2010: 124]	монг. <i>баярлах</i> ‘радоваться, веселиться, ликовать, приходить в восторг’ [БАМРС 1, 2001: 392]	калм. <i>байрлх</i> ‘торжествовать, радоваться, быть радостным’ [КРС, 1977: 77]
Стпм. <i>bayasqu</i> ‘радоваться, веселиться, чувствовать удовольствие’ [Голстунский 2, 1894: 208]	бур. <i>баясаха</i> ‘радоваться, веселиться, быть довольным’ [БРС 1, 2010: 124]	монг. <i>баясах</i> ‘радоваться, ликовать, восторгаться’ [БАМРС 1, 2001: 393]	калм. <i>байсх</i> ‘радоваться, восторгаться, быть радостным’ [КРС, 1977: 78]
Стпм. <i>čenggekü</i> ‘веселиться, радоваться, забавляться, чувствовать удовольствие’ [Голстунский 3, 1893: 260]	бур. <i>сэнгэхэ</i> ‘1) веселиться, радоваться, развлекаться, забавляться 2) наслаждаться’ [БРС 2, 2010: 209]	монг. <i>цэнгэх</i> ‘1) веселиться, развлекаться, забавляться, радоваться; встряхиваться; нагуляться; тешиться’ [БАМРС 4, 2002: 1550]	калм. <i>ценглх</i> ‘веселиться, развлекаться, забавляться 2. наслаждаться, блаженствовать’ с пометой устар. [КРС, 1977: 632]

стпм. <i>kögerkü</i> [Голстунский 3, 1893: 477] ‘пениться, выступает пена, закипать, подниматься вверх, пучиться’	бур. <i>maḡaḡanaḡa</i> ‘очень радоваться, таять от радости’ бур. <i>maḡarḡa</i> радоваться, торжествовать [БРС 1, 2001: 545]/		
Стпм. <i>kögjīkü</i> ‘разгореться, гореть, пылать, умножаться, распространяться, приходить в цветущее состояние, процветать, иметь охоту, рвение, пристращаться, быть в веселом расположении’ [Голстунский 3, 1893: 180]		монг. <i>хөгжих</i> ‘веселиться, забавляться; иметь охоту, рвение, желание, быть в хорошем настроении’ [БАМРС 4, 2002: 1356]	
стпм. <i>kökikü</i> ‘воспрянуть духом, делать что-то с рвением, напрягать силы, увлекаться чем-либо, быть побуждаемым, поощряемым, подстрекаемым’ [Голстунский 3, 1893: 477]	бур. <i>хүхихэ</i> ‘веселиться, радоваться, ликовать’ [БРС 2, 2010: 507]	монг. <i>хөхөх</i> ‘ободряться, оживляться; вдохновляться; возбуждаться, увлекаться чем- либо, воспрянуть духом; ликовать’ [БАМРС 4, 2002: 1384]	
стпм. <i>qangqi</i> ‘быть довольным, удовлетворенным, быть сытым, быть благодарным’ [Голстунский 2, 1895: 53]	бур. <i>ханаха</i> ‘получать удовлетворение, удовлетворяться; успокаиваться’ [БРС 2, 2010: 394]	монг. <i>ханах</i> ‘удовлетворяться, получать удовлетворение, быть довольным, удовлетворённым; успокаиваться; быть благодарным’ [БАМРС 4, 2002: 1249]	калм. <i>ханх</i> ‘получить моральное удовлетворение’ [ТСКЯ 2, 2022: 322]
стпм. <i>tabalaqu</i> ‘чувствовать удовольствие, спокойствие, радоваться (чужой беде)’ [Голстунский 2, 1894: 21]		монг. <i>тавлх</i> ‘злорадствовать, удовлетворять своё желание’ [БАМРС 3, 2001: 896]	калм. <i>тавлх</i> ‘злорадствовать, чувствовать спокойствие, успокаиваться’ [КРС, 1977: 477]

стпм. <i>urmasiqu</i> ‘быть мужественным, смелым, радоваться, чувствовать расположение, охоту, удовольствие’ [Голстунский 1, 1895: 213]	бур. <i>урмашаха</i> ‘быть в хорошем настроении; радоваться чему-л.’ [БРС 2, 2010: 306]	монг. <i>урамиих</i> ‘получать стимул; воодушевляться, вдохновляться; быть в хорошем расположении духа, настроении’ [БАМРС 3, 2001: 1091]	калм. <i>урмдх</i> ‘вдохновляться, воодушевляться’ [ТСКЯ 2, 2022: 246]
Глаголы удивления в монгольских языках			
стпм. <i>alangtraqu</i> ‘изумляться’ [Голстунский ПД, 1901: 3]/			калм. <i>алңтрх</i> ‘1. удивляться, быть удивленным 2. сомневаться’ [КРС, 1977: 36]
стпм. <i>γayiqaraqu</i> ‘быть удивленным, изумленным’ [Голстунский 2, 1894: 158]		монг. <i>гайхрах</i> ‘удивляться, изумляться’ [БАМРС 1, 2001: 513]	
стпм. <i>γayiqaqu</i> ‘удивлять, быть изумленным’ [Голстунский 2, 1894: 158]	бур. <i>гайхаха</i> ‘удивляться, изумляться, дивиться, поражаться’ [БРС 1, 2010: 189]	монг. <i>гайхах</i> ‘1. удивляться, изумляться, приходить в изумление; дивиться, повергнуть в изумление; любоваться 2. поражаться, ахать от удивления 3. поражаться, ахать от удивления’ [БАМРС 1, 2001: 512]	
стпм. <i>šayšaraqu</i> ‘чмокать губами, закрыв рот рукой (при удивлении)’ [Голстунский 2, 1894: 373] стпм. <i>šaysiqu</i> ‘прищелкивать		монг. <i>шагирах</i> ‘щёлкать языком (в знак удивления, огорчения), всплескивать’ [БАМРС 4, 2002: 1600]	

языком, чмокать губами (при удивлении)’ [Голстунский 2, 1894: 373]		монг. шагших ‘1) стрекотать (о сороке); 2) щёлкать языком, чмокать губами (от удивления); дивиться, удивляться, поражаться’ [БАМРС 4, 2002: 1600].	
стпм. <i>obiriqi</i> ‘обращать внимание, примечать, замечать, удивляться’ [Голстунский 1, 1895: 166]			калм. <i>өврх</i> ‘изумляться, удивляться’ [ТСКЯ 2, 2022: 36]
	бур. <i>гэлыхэ</i> ‘удивляться’ [БРС 1, 2010: 237]		
		монг. <i>хачирхах</i> ‘дивиться, удивляться, изумляться’ [БАМРС 4, 2002: 1292]	
		монг. <i>гайхиширах</i> несет значение ‘перестать знать, что делать, обдумать в сомнении, колебаться от большого удивления’ [МХИТТ]	
		монг. <i>гөлрөх</i> ‘обомлеть; ахнуть от удивления; поразиться, остолбенеть’ [БАМРС 1, 2001:610]	
		монг. <i>ормойх</i> ‘удивляться, широко раскрыв глаза’ [МХИТТ]	калм. <i>ормах</i> ‘смотреть с удивлением, удивляться’ [ТСКЯ, 2022: 26]

		монг. мэлрэх 'столбенеть, окаменевать (от удивления)' [БАМРС 3, 2001: 536]	
Глаголы со значением 'грустить' в монгольских языках			
стпм. <i>uyidqu</i> 'скачать, тосковать, кручиниться, сокрушаться, внутренне беспокоиться' [Голстунский 1, 1895: 146]	бур. <i>уйдаха</i> 'грустить, тосковать, печалиться, кручиниться' [БРС 1, 2010: 290]	монг. <i>уйдах</i> 'скучать, тосковать, грустить, печалиться, кручиниться' [БАМРС 3, 2010: 1056]	калм. <i>уйдх</i> 'грустить, тосковать' [ТСКЯ 2, 2022: 233]
стпм. <i>uyidqarlaqu</i> 'постоянно, беспрестанно скучать, грустить, кручиниться, скорбеть' [Голстунский 1, 1895: 146]	бур. <i>уйдхарлаха</i> 'грустить, печалиться, скорбеть' [БРС 1, 2010: 290]	монг. <i>уйтгарлах</i> '1) грустить, тосковать; унывать; 2) печалиться, кручиниться, скорбеть, горевать' [БАМРС 3, 2001:1059].	
стпм. <i>γasiyudaqu</i> 'скорбеть, печалиться, горько плакать' [Голстунский 2, 1894: 164]	бур. <i>γашуудаха</i> 'огорчаться, скорбеть, печалиться, тосковать' [БРС 1, 2010: 202]	монг. <i>γашуудах</i> '1) скорбеть, огорчаться; горевать, опечалиться, сокрушаться; оплакивать; 2) раскаиваться; убиваться; 3) соболезновать; сетовать [БАМРС 1, 2001: 555]	калм. <i>γашудх</i> 'огорчаться, скорбеть, печалиться, тосковать' [КРС, 1978: 162]
Стпм. <i>emgenikii</i> 'беспокоиться, тревожиться, сокрушаться, печалиться, грустить, тужить, скорбеть, изнывать' [Голстунский 1, 1895: 93]		монг. <i>эмгэнэх</i> 'горевать, печалиться, скорбеть; оплакивать; быть в трауре' [БАМРС 4, 2002: 1694]	

Стпм. <i>enelkii</i> 'скорбеть, печалиться, сокрушаться, мучиться, <i>быть</i> тронутым, соболезновать, сострадать' [Голстунский 1, 1894: 70]	бур. <i>энэлхэ</i> книжн. 'горевать, сокрушаться; скорбеть' [БРС 2, 2010: 668]	монг. <i>энэлэх</i> 'горевать, сокрушаться; печалиться, скорбеть, страдать; мучиться' [БАМРС 4, 2002: 1705]	калм. <i>энлх</i> 'горевать, сокрушаться, скорбеть, страдать' [КРС, 1977: 700]
			калм. <i>энрх</i> 'горевать, страдать, переживать'
стпм. <i>γasalqu</i> 'печалиться, скорбеть, горевать, грустить, плакать, сокрушаться' [Голстунский 2, 1894: 164] ;	бур. <i>γасалха</i> 'печалиться, скорбеть, оплакивать, тужить' [БРС 1, 2010: 200]	монг. <i>γаслах</i> '1) оплакивать, печалиться, горевать, сокрушаться, грустить, предаваться грусти; скорбеть, горевать; 2) тужить, горюниться, печалиться; кручиниться; скорбеть, сокрушаться; 3) огорчаться, расстраиваться, вздыхать; воздыхать; <i>быть</i> безутешным; убиваться; 4) пенять на кого- что-либо, <i>ныть</i> , скулить, плакаться, хныкать; жаловаться, жалиться; печалиться; 5) стонать, издавать стоны; стенать; сетовать, роптать [БАМРС 1, 2001: 550]	калм. <i>γаслңтх</i> 'печалиться, скорбеть, оплакивать горе' [ТСКЯ, 2022: 203]

стпм. <i>sinalqu</i> ‘стенать, рыдать, соболезновать’ [Голстунский 2, 1894: 376]	бур. <i>шаналха</i> ‘скорбеть, печалиться, сокрушаться’ [БРС 2, 2010: 604]	монг. <i>шаналах</i> ‘сокрушаться, скорбеть; страдать, мучиться; печалиться’ [БАМРС 4, 2002: 1610]	
стпм. <i>ebderekii</i> ‘разрушаться, ломаться, портиться, разваливаться, приходить в расстройство, в упадок, погибать, гибнуть, развращаться, враждовать’ [Голстунский 1, 1895: 77]),		монг. <i>эвдрэх</i> ‘ломаться, разбиваться; сокрушаться, огорчаться’ [БАМРС 4, 2002: 1672]	
стпм. <i>maɣudaqu</i> ‘ухудшаться, изменяться к худшему, быть не в ладах’ [Голстунский 3, 1893: 207]	Бур. <i>муудаха</i> ‘становиться плохим, приходить в негодность, ухудшаться, портиться; худеть, слабеть; спадать с тела, тощать (о скоте); перен. печалиться, грустить’ [БРС 1, 2010: 564],		
стпм. <i>γutuqu</i> [Голстунский 2: 182]/ <i>γuturaqu</i> [Голстунский 2: 183] ‘смуцаться, приходить в замешательство, в бесчувствие, портиться, изменяться к худшему, срамиться, позориться’	бур. <i>гутарха</i> ‘тосковать, хандрить’ [БРС 1, 2010: 228].	монг. <i>гутрах</i> ‘1) терять надежду, унывать, отчаяться; тосковать, хандрить; приходить в угнетённое состояние, падать духом; омрачаться; огорчаться; 2) портиться; срамиться, позориться; 3) приходить в замешательство, смуцаться’ [БАМРС 1, 2001: 633]	

		Монг. <i>гутчих</i> – ‘беспрерывно мучиться, всё время быть в отчаянии, стонать от отчаяния’ [БАМРС 1, 2001: 633]	
	бур. <i>гунигаха</i> ‘1) приуныть; 2) сентиментальничать’ [БРС 1, 2010: 223]/бур. <i>гуниглаха</i> ‘печалиться, грустить, тосковать’ [БРС 1, 2010: 223].	монг. <i>гуних</i> ‘1) грустить, печалиться, горевать; тосковать, унывать; 2) вздыхать, охать (от горя)’/монг. <i>гунирах</i> ‘печалиться, грустить, горевать, унывать’/монг. <i>гунсрах</i> ‘горевать, унывать, печалиться’ [БАМРС 1, 2002: 629]/монг. <i>гансрах</i> ‘1) огорчаться, расстраиваться, вздыхать; воздыхать; быть безутешным; убиваться; 2) грустить, горевать, предаваться грусти, печалиться, сокрушаться; тужить; 3) горюниться, печаловаться; кручиниться; скорбеть; 4) унывать; приходить в уныние, хандрить; быть в миноре, киснуть, кукситься; 5) тосковать, томиться, скучать; отчаиваться’ [БАМРС 1, 2002: 532].	калм. <i>хуньрх</i> ‘печалиться’ [ТСКЯ 1, 2022: 217]

Стпм. <i>jobaqui</i> ‘мучиться, терзаться, беспокоиться, тревожиться, скорбеть’ [Голстунский 3, 1893: 374]	бур. <i>зобохо</i> ‘мучиться, страдать; горевать, терзаться’ [БРС 1, 2010: 399]	монг. <i>зовох</i> ‘мучиться, страдать, беспокоиться, тревожиться; терзаться, горевать’ [БАМРС 1, 2002: 361]	калм. <i>зовх</i> ‘мучиться, страдать, терзаться, горевать’ [ТСКЯ 1, 2022: 335]
Стпм. <i>jobaniqu</i> ‘мучиться, терзаться, беспокоиться, быть в тревоге, горе’ [Голстунский 3: 374]		монг. <i>зовних</i> ‘страдать, беспокоиться, тревожиться, мучиться’ монг. <i>зовинох</i> ‘страдать, беспокоиться, тревожиться; мучиться’ [БАМРС 1 2002: 361]	
	Монг. <i>гиюүрэх</i> - ‘грустить, предаваться грусти, понуриться, иметь понурый вид, печалиться, сокрушаться; тужить’ [БАМРС 1, 2001: 566]		калм. <i>гейүрх</i> ‘унывать, быть подавленным горем, тосковать’ [ТСКЯ 1, 2022: 174]
Бур. <i>сүхэрхэ</i> ‘терять надежду, отчаиваться, удручаться’ [БРС, 2010: 203]			
	Монг. <i>мэтуүрэх</i> ‘тужить, горевать’ [БАМРС 2, 2001: 541]		
			Калм. <i>хундрхх</i> ‘глубоко сожалеть, переживать’ [ТСКЯ 1, 2022: 217];
			Калм. <i>хурних</i> ‘горевать, печалиться, унывать, тосковать’ [ТСКЯ 1, 2022: 219]

Бур. <i>гунхыха</i> [БРС 1, 2010: 224]/гунхайха '1) ходить с поникшей головой; 2) перен. быть подавленным горем, иметь понурый вид' [БРС 1, 2010: 223]			
Стпм. <i>γuniqi</i> 'тужить, горевать, грустить, печалиться' [Голстунский 2, 1894: 178]		монг. <i>гуних</i> '1) грустить, печалиться, горевать; тосковать, унывать; 2) вздыхать, охать (от горя)' [БАМРС 1, 2001: 628]	
		Монг. <i>шогишрох</i> 'щёлкать языком (в знак удивления или огорчения)' [БАМРС 4, 2002: 1643]	
	Бур. <i>халаглаха</i> 'сожалеть; горевать; сетовать; раскаиваться' [БРС, 2010: 384]	монг. <i>халаглах</i> 'охать, ахать; огорчаться, переживать огорчение, сокрушаться, выражать досаду' [БАМРС 4, 2002:1232]	
	Бур. <i>голхорхо</i> 'обижаться; огорчать, огорчаться; плакаться' [БРС, 2010: 215]	монг. <i>голхорох</i> 'обижаться, огорчаться' [МХИТТ]	
Глаголы со значением 'гневаться' в монгольских языках			
		Монг. <i>уурсах</i> 'высок. 'сердиться; быть недовольным, гневаться' [БАМРС 3, 2001: 1125]	
			Калм. <i>урньх</i> 'злиться, сердиться' [КРС 1978: 537]

	бур. <i>хэрүүлхэхэ</i> ‘злиться, раздражаться’ [БРС 2, 2010: 522].		
			калм. <i>игзерлх</i> ‘испытывать отвращение, гневаться, внезапно разозлиться’ [КРС, 1977: 263]
	Монг. <i>агсрах</i> ‘1) горячиться, бросаться, кидаться, вспылить; буйствовать, буянить, скандалить’ [БАМРС 1, 2001: 170]		
	Бур. <i>агсамнаха</i> зап. ‘1) рваться вперёд, горячиться (о лошади) 2) горячиться; скандалить, буянить (о человеке)’ [БРС 1, 2010: 36]	монг. <i>агсамнах</i> ‘бесчинствовать, буйствовать, буянить; бушевать; куролесить’ [БАМРС 1, 2001: 169]	калм. <i>агсмнх</i> ‘буянить, дебоширить, скандалить’ [ТСКЯ, 2022: 22];
	бур. <i>уланхарха/уланхатаха/уланхадаха</i> ‘звереть, сатанеть, становится свирепым’ [БРС, 2010: 295]	монг. <i>улангасах</i> ‘становиться свирепым; звереть, сатанеть, неистовствовать’ [БАМРС 3, 2001: 1069]/ /	
	бур. <i>хиирэхэ</i> ‘быть в состоянии нервного возбуждения; впадать в истерику; нервничать; 2) сойти с ума, помешаться, рехнуться; 3) беситься’ [БРС 2, 2010: 423]	Монг. <i>хийрхэх</i> [БАМРС 4, 2002: 1302]	
	Бур. <i>няадаһарха</i> ‘доходить до крайнего нервного расстройства, быть в состоянии нервного возбуждения’ [БРС 1, 2010: 633]		

		монг. <i>ганиших</i> ‘визжать, злобно лаять (о собаке)’	
	Бур. <i>тунталзаха/тунтагалзаха</i> /тунтаганаха/тунтагаша ха/ тунтайха сердиться, дуться, капризничать [БРС 2, 2010: 257]	монг. <i>тунтганах</i> дуться, вздуваться, сердиться, двигаться (о ком-л. пухлом, круглом) [БАМРС 3, 2001: 991]	
	Бур. <i>хоролхохо</i> ‘злиться, таить злобу на кого-либо, злобствовать; быть раздражённым’ [БРС 2 2010: 449]	Монг. <i>хоролхох</i> ‘завидовать, испытывать зависть, чувствовать злобу, гнев или раздражение’ МХИТТ	
		Монг. <i>эгдүүрхэх</i> ‘1) возмущаться, раздражаться; 2) питать страсть’ [БАМРС 4, 2002: 1678]	калм. <i>эгдүтх</i> ‘негодовать, возмущаться’ [ТСКЯ, 2022: 515]
стпм. <i>ayurlaqui</i> ‘гневаться, сердиться, злоумышлять’ [Голстунский 1, 1895: 16]	бур. <i>уурлаха</i> ‘злиться, сердиться’ [БРС 2, 2011: 311]/	монг. <i>уурлах</i> ‘сердиться, злиться; раздражаться; гневаться; возмущаться’ [БАМРС 3, 2001: 1125]	калм. <i>уурлх</i> ‘сердиться, злиться, гневаться’ [КРС, 1978: 542]
стпм. <i>bučalqu</i> ‘кипеть’ [Голстунский 2, 1894: 259]	бур. <i>бусалха</i> ‘кипятиться, горячиться’ [БРС 1, 2001: 157]	монг. <i>буцлах</i> ‘кипятиться, горячиться; kloкотать’ [БАМРС 1, 2001: 445]	
стпм. <i>burčiginaqui</i> ‘гневаться, сердать, показывать недовольствие’ [Голстунский 2, 1894: 267]	бур. <i>буршаганаха</i> ‘кипятиться, горячиться; нервничать перен. быть недовольным; хмуриться’ [БРС 2, 2010: 156]	монг. <i>бурчигнах</i> ‘сильно гневаться, сердиться’ [БАМРС 1, 2001: 438]	калм. <i>буржѣнх</i> ‘кипятиться, горячиться, быть недовольным’ [ТСКЯ 1, 2022: 153]

стпм. <i>burgilaqu</i> ‘подниматься, бить вверх ключом (о воде), фонтаном, клокотать’ [Голстунский 2, 1894: 267]	бур. <i>бурьялха</i> ‘горячиться [БРС 1, 2010: 156]’		
стпм. <i>buysaqu</i> ‘дуться, сердиться, не разговаривать’ [Голстунский 2, 1894: 261]		монг. <i>бугсах</i> ‘сердиться, дуться, злиться (молча)’ [БАМРС 1, 2001: 427]	
стпм. <i>ċiquldaqu</i> не несет эмотивной коннотации и обозначает ‘быть стесненным, сжатым, сдавленным, быть в стесненном состоянии, нуждаться в необходимом’ [Голстунский 3, 1893: 270]	бур. <i>сухалдаха</i> ‘сердиться, гневаться; возмущаться; раздражаться, горячиться, вспылить’ [БРС 2, 2010: 200]	монг. <i>цухалдах</i> ‘нервничать; раздражаться; сердиться; гневаться, горячиться, вспылить’ [БАМРС 3, 2001: 1539]	калм. <i>цухлтх</i> ‘гневаться, негодовать, возмущаться’ [ТСКЯ 2, 2022: 436]
стпм. <i>doysiraqu</i> ‘ожесточаться, свирипеть, остервеняться, свирипеть’ [Голстунский 3, 1893: 156] стпм. <i>doysirqaqu</i> ‘неистовствовать, приходить в ярость, ожесточаться, поступать жестоко’ [Голстунский 3, 1893: 156]	бур. <i>дошхорхо</i> ‘приходить в ярость, ожесточаться, свирипеть’ бур. <i>дошхорхохо</i> ‘приходить в ярость, свирипеть’ [БРС 1, 2010: 297]	монг. <i>догшдох</i> ‘быть чересчур свиристым, жестоким, неистовым’ [БАМРС 1, 2001: 712] монг. догшрох/монг. догширхох ‘свириствовать; приходить в ярость; горячиться; лютовать’ [БАМРС 1, 2001: 713]	калм. <i>догширх</i> ‘приходить в ярость, неистовствовать, свириствовать’ [ТСКЯ 1, 2022: 262]
Стпм. <i>kenteglekii</i> ‘быть вспыльчивым, гневным’ [Голстунский 2, 1894: 400]	бур. <i>хэнтэглэхэ</i> 1) скупиться, жадничать; 2) ворчать, брюзжать [БРС, 2011: 520]	монг. <i>хэнтэглэх</i> ‘проявлять запальчивость, вспыльчивость, быть вспыльчивым, раздражаться’	

		[БАМРС 3, 2001: 1466]	
стпм. <i>keüikirkü</i> ‘бушевать, неистовствовать, приходить в запальчивость’ (о сердитом человека) [Голстунский 2, 1894: 399].		монг. <i>хүүхрэх</i> ‘реветь, шуметь, кричать в гнев’ [БАМРС 4, 2002: 1438]	
Стпм. <i>kilinglekü</i> ‘гневаться, сердиться’ [Голстунский 3, 1893: 434]	бур. <i>хилэнлэхэ</i> ‘гневаться’ с пометой старомонг. [БРС 2, 2011: 424]	монг. <i>хилэнлэх</i> ‘гневаться, приходить в ярость, сердиться’ [БАМРС 4, 2002: 1305]	калм. <i>килңнх</i> ‘сердиться, гневаться’ с пометой высок [КРС, 1977: 301]
стпм. <i>kögseyikü</i> ‘озлиться, прийти в азарт (от гнева), вспылить’ [Голстунский 3: 479]/		монг. <i>хөгсөх</i> ‘приходить в раздражение, раздражаться, злиться’ [БАМРС 4, 2002: 1357]/монг. <i>хөгсийх</i> быть надменным, зазнаваться; возбуждаться (от гнева), разозлиться [БАМРС 4, 2002: 1357]	калм. <i>көгсх</i> ‘расвирепеть’ [ТСКЯ 2, 2002: 434]
стпм. <i>qataranqu</i> ‘ожесточаться, делаться свирепым (о вспыльчивом человеке в гнев)’ [Голстунский 3, 1893: 75]	монг. <i>хатархах</i> ожесточаться, свирепеть [БАМРС 4, 2002: 1286]		
стпм. <i>tesürekü</i> (то же самое, что стпм. <i>tasuraqu</i>) ‘оторваться, лопнуть, распуститься, отделиться,		Монг. <i>тэсрэх</i> ‘взрываться, лопаться; не выдержав, разозлиться’.	

прекратиться, прерваться, окончиться, превосходить, отличиться' [Голстунский, 1893: 31]		[БАМРС 3, 2001:1039]	
Стпм. <i>untuuᠰa᠒u/untuᠢᠢᠷ᠒a</i> <i>qu</i> 'изменяться в лице от гнева, показывать сердитый злобный вид, надуться' [Голстунский 1, 1895: 154]		монг. <i>унтуурхах</i> /монг. <i>унтуурах</i> 'раздражаться; изменяться в лице от гнева, принимать злобный вид, пылать гневом, злиться'/монг. <i>унтууцах</i> 'сердиться, пылать гневом, гневаться, изменяться в лице от гнева, принимать злобный вид'	
стпм. <i>urila᠒u</i> 'питать страсть, гнев, ненависть, гневаться, звать, позывать, призывать' [Голстунский, 1, 1895: 20]		монг. <i>урилах</i> 'сердиться, злиться; раздражаться; гневаться; возмущаться' [БАМРС 3, 2001: 1097]	
Стпм. <i>ᠶanira᠒u</i> 'быть в опьянении, в упоеании, опьяняться, помутиться, ошалеть, одуреть' [Голстунский 2, 1894: 159]	бур. <i>ганирха</i> 'беситься, бесноваться, быть вне себя' [БРС 1, 2010: 194]	монг. <i>ганирах</i> 'безумствовать, неистовствовать, буйствовать, бушевать, яриться, свирепствовать; быть вне себя, беситься, бесноваться' [БАМРС 1, 2001: 531]	калм. <i>һаньдгӀх</i> 'быть в ярости, неистовствовать, бесноваться' [ТСКЯ 1, 2022: 198]/калм. <i>һаньрх</i> 'неистовствовать , быть вне себя' [ТСКЯ 1, 2022: 198]
Стпм. <i>kedەرlekii</i> 'быть вспыльчивым, гневным, говорить колкости' [Голстунский 2, 1894: 407]	бур. <i>хэдэрэлдэхэ</i> 'упрямиться, артачиться' [БРС 2, 2001: 513]	монг. <i>хэдэрдэх</i> 'быть слишком вспыльчивым'/мо нг. <i>хэдэрлэх</i> быть непослушным, упрямиться; противоречить; быть вспыльчивым	

		[БАМРС 4, 2002: 1451]	
Глаголы со значением ‘презирать, испытывать отвращение’ в монгольских языках			
Стмп. <i>jigirkekii</i> ‘делаться, быть отвратительным, мерзким, противным, ужасным, страшным’ [Голстунский 2, 1984: 363]	бур. <i>жэрхэхэ</i> ‘чувствовать отвращение, брезговать’ [БРС 1, 2010: 366]	монг. <i>жийрхэх</i> ‘1) отчуждаться, сторониться, избегать; чураться, шарахаться от кого-чего-л.; обегать кого-чего- л.; 2) дичиться, тушеваться; смущаться, приходить в замешательство, смущение; конфузиться, стесняться, робеть; 3) робеть, испытывать робость; 4) страшиться, бояться; 5) перен. негодовать; брезговать, питать омерзение’ [БАМРС 2, 2001: 302]	
	бур. <i>зэбүүсэхэ</i> ‘1) испытывать отвращение; 2) негодовать’ [БРС 1, 2010: 421]		
стмп. <i>jibegürkekii</i> ‘чувствовать отвращение, омерзение, гнушаться, презирать, претить’ [Голстунский 3, 1893: 354]	бур. <i>зэбүүрхэхэ</i> ‘1) испытывать отвращение; 2) негодовать’ [БРС 1, 2010: 421]	монг. <i>зэвүүрхэх</i> ‘1) возмущаться; 2) испытывать отвращение’ [БАМРС 2, 2001: 398].	

стпм. <i>jigsigürekü</i> ‘быть отвратительным, мерзким, гадким’ [Голстунский 3, 1893: 364]	бур. <i>жэгшүүрхэ</i> ‘чувствовать отвращение, гнушаться’ [БРС, 2010: 362]	монг. <i>жигшүүрэх</i> ‘чувствовать отвращение’ [БАМРС 1, 2001: 298]	калм. <i>жигшүрх</i> ‘чувствовать отвращение’ [ТСКЯ, 2022: 294]
Стпм. <i>sejiglekü</i> ‘сомневаться, недоумевать, подозревать, не доверять’ [Голстунский 2, 1839: 328]	бур. <i>һэжэглэхэ</i> ‘1) сомневаться, подозревать; 2) остерегаться; опасаться’ [БРС 2, 2010: 583]	монг. <i>сэжэглэх</i> ‘1) сомневаться, подозревать; относиться недоверчиво; 2) быть мнительным 3) брезгать’ [БАМРС 3, 2001: 872]	калм. <i>сежглх</i> ‘проявлять мнительность, остерегаться’ [ТСКЯ 2, 2022: 94]
Стпм. <i>čegerlekü</i> ‘воздерживаться, удерживаться от чего-либо, жить целомудренно, в чистоте, воздержанно, очищать себя перед жертвоприношением , поступать, действовать прямо, честно’ [Голстунский 3, 1893: 264]	бур. <i>сээрлэхэ</i> 1) налагать запрет на что-л.; 2) бояться (или стесняться) чего-либо [БРС 2, 2010: 213]	монг. <i>цээрлэх</i> ‘1) запрещать, налагать запрет, табу на что-л.; возбранять; 2) соблюдать чистоту, опрятность; 3) воздерживаться от чего-л.; быть умеренным, целомудренным, избегать чего-л.; 4) брезгать’ [БАМРС 4, 2002: 1559]	калм. <i>цеерлх</i> ‘запрещать, налагать запрет, устанавливать карантин, соблюдать табу, воздерживаться’ [ТСКЯ 2, 2022: 416]
	бур. <i>этээрхэхэ</i> ‘брезговать, гнушаться чем-либо’ [БРС 2, 2010: 681]		
			калм. <i>һәәлх</i> ‘1. Считать приносящим несчастье 2. питать отвращение, ненависть 3. Быть изгнанным’ [ТСКЯ 1, 2022: 206]
Стпм. <i>qasirqu</i> ‘скорбеть, печалиться, огорчаться, сокрушаться, болеть сердцем, терзаться, внутренне мучаться,	бур. <i>хашарха</i> ‘получать отвращение к чему- либо; прискучивать’ [БРС 2, 2010: 418]		

гнушаться, досадовать' [Голстунский 2, 1894: 41]			
Стпм. <i>šangdayuraqu</i> 'делаться приторно, противно чувствуется, неприятное ощущение, претить, отрыгается жирным (после жирной пищи)' [Голстунский, 2, 1894: 368]		монг. <i>шандуурах</i> 'пресыщаться приторной пищей и чувствовать к ней отвращение; иметь неприятное ощущение, отрыжку от жирной пищи'	
Стпм. <i>yekeürekiü</i> 'гнушаться, чувствовать отвращение, тошнить, претить (от неряшливой позы, от докучливого, привязчивого человека)' [Голстунский 3, 1983: 345]			